PG 3310
.T78
1871

U S GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1918

Class PGR 9376
Book .S2

YUDIN COLLECTION

ЦВѢТОЧКИ и ЯГОДКИ

МОСКВЫ БѢЛОКАМЕННОЙ.

НЕВИННО-ВЕСЕЛЕНЬКІЕ РАЗСКАЗЫ ИЗЪ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ.

ОЧЕРКИ, СЦЕНЫ, РАЗМЫШЛЕНІЯ, АНЕКДОТЫ, СТИШКИ.

СТАРИЧКА—ВЕСЕЛЬЧАКА.

СЪ 20-ю РИСУНКАМИ.

МОСКВА.
Типографія Грачева и К°., у Пречистенскихъ воротъ д., Шиловой.
1871.

PG3310
.T78
1871

Дозволено цензурою. Москва, 12 Января 1871 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

1. Московская уличная жизнь. Болтовня вмѣсто предисловія. 1

ВЕСНА. 2. Весенній цвѣточекъ: чувствительная нянюшка. 4
3. Барышня—скороспѣлка. 9
4. Нашъ масляничный маскарадъ. 24
5. Упрощенное правописаніе. Шутка съ куплетами. 34

ЛѢТО. 7. Пѣсенка о зноѣ. 66
8. Дачная жизнь. 68
9. Ни на что непохожія приключенія моего пріятеля 73
а) Лука Лукичъ Дроздовъ въ домашнемъ быту. 73
б) Ѳита Ерофеичъ Мудросмысловъ на дачѣ; съ неба свалившійся гость. . 81
в) Воздухоплаваніе Луки Лукича. 86

ОСЕНЬ. 10. Пѣсенка о скверной погодѣ. 90
11. Какъ Иванъ Ивановичъ и Карлъ Ивановичъ воевали съ французами. . 94
12. Смѣхъ и горе. Приключенія мужика Петрухи въ Москвѣ. 104

ЗИМА. 13. Пѣсенка про морозъ. 114
чаекъ. 116
14. Погоня за необыкновеннымъ или вѣрнѣе: Какъ бы половчѣе добыть деньжонокъ?. 120
15. Черненькіе. 124
а) Гувернантка. 124
б) Князь и грязь. 127
г) Теорія и практика. 131
д) Лѣтъ десять спустя 133
е) Маменькинъ сынокъ и сердечные дружки. 134
ж) Еще десять лѣтъ спустя. 137
16. Мнѣ только-бы на пятачокъ. Стихи. 140

I 9 дек. 10-1973

12 ис 73

БОЛТОВНЯ ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Во всякой книгѣ бываетъ предисловіе; такъ-какъ же не быть ему и въ нашей? Вѣдь наша книга всѣмъ книгамъ книга. Вотъ что-съ.

— А почему она всѣмъ книгамъ книга?

— Почему? Да такъ; потому-что написалъ вамъ ее самъ старичокъ—весельчакъ, всѣмъ весельчикамъ весельчакъ. Вотъ что-съ.

— Да ты самъ-то кто такой, что такъ важничаешь, такъ распѣтушился на старости лѣтъ?

— А, вы не знаете, кто я! Вотъ тото и есть; я такъ и думалъ: знали бы, иначе стали бы говорить, и о здоровьи бы спросили, и табачкомъ попотчивали и, полагаю, даже бы въ трактирецъ сводили чайкомъ брюшко пополоскать; вотъ каковъ старичокъ—весельчакъ.

— Ну, извини, старина, не прогнѣвайся.

— Тото-же, тото; молоды вы, шустры очень, молодо-зелено, а старина съ мозгомъ была, хоть иной разъ была да сплыла, ну да вѣдь какъ быть: и на старуху бываетъ проруха, а все таки старый да бывалый.... Помните, да нашихъ прибаутокъ слушайте—на здоровье кушайте, хоть можетъ иному другой разъ и не—солоно похлебать прійдется.

— А послушать нашего брата стараго — весельчака можно: бродимъ мы день по матушкѣ Москвѣ бѣлокаменной, всего насмотрѣлись, всякіе виды видали, во всѣхъ закоулкахъ, да косыхъ переулкахъ перебывали. Вотъ теперь и пришла охота поразсказать вамъ, что знаю, про житье—бытье нашей матушки Москвы бѣлокаменной.

А есть-таки что поразсказать, да всего-то ни въ сказкѣ не сказать, ни перомъ не описать—вотъ въ чемъ бѣда; многое шито да крыто и изъ избъ сору у насъ не выносятъ; распросилъ бы кое кого о чемъ, да и тутъ бѣда; одинъ говоритъ: моя изба съ краю, ничего не знаю, другая: не слыхала—у дѣвушки уши золотомъ завѣшены, третій скажетъ: кому какое дѣло, что кума съ кумомъ сидѣла—ну и разузнавай тутъ.

Не въ примѣръ интереснѣе улица; гуляй по ней сколько угодно, смотри, слушай, нѣтъ ни этихъ крышъ, ни стѣнъ, ни дверей на сердитомъ запорѣ, ни собакъ на цѣпи, никто тебя не откликнетъ, не спроситъ: кто ты, что надо? Вотъ я старичокъ—весельчакъ давненько бросилъ эти дома да домишки, а брожу больше по нашимъ улицамъ: раздолье, скажу вамъ.

Съ утра до ночи и даже съ ночи до утра ходятъ, ѣздятъ, бѣгутъ, плетутся, ковыляютъ, отплясываютъ, ползутъ и летятъ всевозможныя твари двуногія, четвероногія и даже безногія, или по крайней мѣрѣ, какъ говорятъ, безъ заднихъ ногъ, все это шумитъ, суетится, сталкивается, куда-то спѣшитъ, кого-то или что-то ищетъ. Содомъ, просто!

И всегда одинакова эта пестрая, суетливая толпа: точно для нея не существуетъ временъ года: лѣтняго жара, пыли, вони, весенней и осенней грязи, вѣтровъ, дождей и опять вони, наконецъ зимней стужи, мятели, снѣгу—ничто ее не останавливаетъ, не пугаетъ, ничѣмъ не проберешь.

Ну-ка, господа философы, разберите, распутайте всѣ нити этой безпрерывно мѣняющей свой видъ живой, пестрой сѣти, уловите—ка пружины всей этой невообразимой суеты, спасуетъ вся ваша философія!

Вотъ сѣменитъ паша русская Акулина въ нѣмецкомъ заморскомъ кринолинѣ; вотъ Матрена—ни пава ни ворона, вотъ толпи всякихъ Ивановъ—что грибовъ поганыхъ; за ними тащится Архипъ—что отъ самовосхваленій уже охрипъ; тамъ ѣдетъ баринъ, что можетъ быть съ голоду кошку жарилъ; вотъ въ убогихъ платьишкахъ и съ смиренными рожицами бредутъ божія странницы, горьки пьяницы и смотрятъ, нѣтъ ли гдѣ винца склянницы; вотъ на рысачкахъ катятъ купчики—голубчики, новенькіе тулупчики; ихъ обгоняютъ игрунки-шаркунки, маменькины сынки и топчутъ тысячнымъ рысачкомъ какого-нибудь сѣраго Акима простоту·мало-ли кого не встрѣтите на нашихъ улицахъ! Но вѣдь это все больше народъ проѣзжій, прохожій, временный на нашихъ улицахъ; для него улица—путь, переходъ; онъ стремится въ домъ, идетъ изъ дому, онъ чуждъ улицѣ, частью враждебенъ ей, какъ препятствію—и улица чужда ему, враждебна; все это для нея народъ посторонній.

Но есть у нея и свои, родные, такіе завсегдатели, которымъ улица, по словамъ дѣдушки Крылова: «и столъ, и домъ» которымъ она въ самомъ дѣлѣ все: домъ, семья, театръ, столовая, спальня, гостинная, клубъ, чуть не весь міръ; они на своей родимой улицѣ днюютъ, ночуютъ, спятъ, ѣдятъ, дѣло дѣлаютъ и веселятся, плачутъ и смѣются, можно сказать: родятся, живутъ и умираютъ.

Для такого уличнаго туземца, завсегдателя все дорого, что хоть чѣмъ-нибудь касается его родной улицы; все на ней найдетъ себѣ отголосокъ въ его душѣ: и

дождь, и слякоть, и зимній морозецъ, и лѣтній зной и безсмѣнное зловонье, шумъ и гамъ нашихъ улицъ. И не мудрено: все это—его стихіи, его почва.

Для такихъ уличныхъ цвѣточковъ, ягодокъ и зимней квашенины домъ теплый уголъ, эти полы, потолки, крыши, вся комнатная обстановка, вся жизнь безъ шапки и верхняго платья—все это какія-то чуждыя, постороннія, непривычныя вещи, какъ для насъ съ вами—улица, они побудутъ въ нихъ да и опять на свою милую улицу.

Этотъ уличный народъ стоитъ нашего вниманія и изученія; вѣдь право не такъ-то легко человѣку пріучиться ко всѣмъ хитрымъ условіямъ уличной жизни; съ непривычки просто одурь возьметъ. Вотъ, почему, зная хорошо этихъ пріятелей, мы и рѣшились и васъ съ ними нѣсколько познакомить въ этой книжкѣ—и рѣшились тѣмъ болѣе, что не съ тѣмъ, такъ съ другимъ судьба непремѣнно васъ столкнетъ; а не лучше-ли столкнуться съ знакомымъ, чѣмъ съ незнакомымъ?

Мы просимъ однакожъ васъ не думать, что на нашихъ улицахъ непремѣнно торчатъ все однѣ и тѣже личности: о нѣтъ, разнообразная до безконечности природа и здѣсь не поскупилась изобрѣтательностью: каждое время года, дня, каждая мѣстность хоть бы нашей Москвы бѣлокаменной представляетъ вамъ свои «цвѣточки и ягодки».

Подтвердимъ сказанное наглядными примѣрами.

Сперва времена года. Начинается весна—чудная, поэтическая пора, пора «надеждъ и грусти нѣжной», пора воркованій любви, пѣнья соловья, зеленой травки, теплаго яснаго солнышка, таянья всѣхъ нечистотъ, пора сельскихъ ароматовъ и городскихъ зловоній—хорошая пора!

Улицы наполняются оборванными, грязными мальчишками и дѣвчонками; продавцами всякихъ цвѣтовъ (увы, очень измятыхъ и увядшихъ отъ грубыхъ прикосновеній городской жизни!) всякихъ ягодъ, тоже не первой дѣйственной чистоты и свѣжести; за воротами по вечерамъ балагуритъ всякая челядь, вѣчно пребывающій «въ черномъ тѣлѣ» рабочій; вѣчно плюющій и курящій дворникъ—всѣхъ ихъ пригрѣло, вызвало на улицу теплое весеннее солнышко и они стали-уличными завсегдателями.

Осень и зима даже—и тѣ имѣютъ своихъ уличныхъ туземцевъ, своихъ родименькихъ, болѣзныхъ. Осенью особенно бродятъ толпы нищихъ, зимою—продавцы всего согрѣвающаго, горячительнаго: теплаго или въ родѣ теплаго платья, горяченькихъ или бывшихъ когда-то таковыми пирожковъ, клокочущаго въ мѣдномъ чревѣ сбитеньку и пр.

Тоже скажемъ о временахъ дня и различныхъ мѣстахъ: такъ вечеромъ вы встрѣтите «подъ таинственнымъ покровомъ ночи» игривыхъ, милыхъ, хотя и падшихъ созданій почти-женскаго пола и не столько игривыхъ и милыхъ, по столько же падшихъ тварей того пола, который и вообще-то называется «непрекраснымъ», а въ нихъ является куда-какъ неказистымъ; всякихъ бѣдныхъ, но благородныхъ попрошаекъ, господъ, гонимыхъ судьбою, или жертвъ людской неправды, продавцевъ разныхъ вещицъ «по случаю»- устроителей всякихъ темныхъ и грязныхъ дѣлишекъ подъ цвѣтъ и ихъ самихъ и грязнаго, темнаго вечера гдѣ-нибудь въ городскомъ захолустьи.

Не правда-ли; изъ всѣхъ этихъ личностей куда какую любопытную коллекцію человѣческихъ безобразій и гнусностей можно составить! Такъ примите-же благосклонно и нашъ маленькій букетецъ «цвѣточковъ и ягодокъ» нашихъ улицъ, хотя мы далеки отъ претензіи дать вамъ полную коллекцію этихъ любопытныхъ созданій, такъ сказать произрастеній нашей уличной жизни.

Мы раздѣлимъ свой букетецъ: въ самомъ дѣлѣ изъ завсегдателей нашихъ улицъ есть много такихъ, которые составляютъ принадлежность нашей уличной жизни преимущественно въ извѣстныя времена года, хотя не надо забывать, что процвѣтаютъ они среди этой жизни и въ другія времена.

Такъ у насъ найдете: весенніе цвѣточки, осеннія ягодки и даже зимнюю квашенину, хозяйственный продуктъ этихъ цвѣточковъ и ягодокъ. Начнемъ-те же съ весны, юности года, какъ сказано—поры любви, таяній, изліяній и испареній.

2.

ВЕСНА.

Весенній цвѣточекъ: чувствительная нянюшка.

По истинѣ весенній цвѣточекъ; взгляните на нашъ рисунокъ: чувствительная нянюшка послана погулять съ барскими дѣтками, погуляла, подгуляла, такъ что дѣтки успѣли себѣ насадить фонари подъ глаза и расквасить свои милые дѣтскіе носики.

Нянюшки, особенно чувствительныя—премилыя созданья, такъ сказать прелестные весенніе цвѣточки—василечки. И въ самомъ дѣлѣ онѣ—весеннія.

И вотъ наступила красная весна. Рады почему-то ей всѣ, рады дѣтки, еще болѣе нянюшки, особенно чувствительныя. Дѣтки зиму сидѣли всѣ въ заперти, въ четырехъ стѣнахъ; надоѣли всѣмъ своимъ шумомъ, возней; надоѣло имъ самимъ слоняться изъ угла въ уголъ, вѣчно слышать брань и поученія старшихъ, вѣчно глядѣть на одни и тѣже мало веселящіе душу предметы: сердитый обликъ папаши, такой-же мамаши, такой-же съ кислецою—нянюшки, сонно-однообразныя узоры на стѣнахъ, тупо выстроившуюся въ рядъ мебель; они рады радешеньки хоть бы по лужамъ пошлепать подъ дождикомъ, лишь бы только оставить свою скучную тюрьму.

И вотъ съ наступленіемъ весны изо всѣхъ домовъ, гдѣ есть нянюшки и дѣтки, выступаютъ они гулять. Дѣтки одѣты по-теплѣе, нянюшки тоже нарядныя: вѣдь съ барчатами нельзя-же въ чемъ-нибудь итти; ну да и то сказать и нянюшка не уродъ какой-нибудь, не въ уголъ рожій.

Чувствительная нянюшка.

Во пиру была, во бесѣдушкѣ,
Я не медъ пила, сладку водочку.

Но гдѣ дѣткамъ гулять въ нашихъ городахъ? Не по улицамъ же имъ бродить. Ну что по улицамъ? Нѣтъ, нянюшка выйдетъ на бульваръ; тутъ дѣтки займутся съ другими дѣтками, а нянюшки разсядутся и тоже займутся—только, разумѣется, не дѣтками.

Чѣмъ-же займутся чувствительныя нянюшки?

А вотъ чѣмъ. Изъ богатаго красиваго дома вышла чувствительная нянюшка съ барчатами: мальчикомъ и дѣвочкой. Почувствовавъ себя на свободѣ, на открытомъ воздухѣ, дѣтки принялись кричать и прыгать.

— Цыцъ вы, пострѣлята! закричала нянюшка. Смотри Коля, станешь кричать— я тебѣ штанишки спущу, нарву прутьевъ, да такъ выпорю, что до новыхъ вѣнниковъ не забудешь.

— А я мамасѣ сказу, глядя на нее изъ-подлобья, въ полголоса шепчетъ мальчикъ.

— Что—о,!? Мамашѣ? А я еще больнѣе выпорю! Ахъ ты щенокъ! Туда же мамашѣ скажу! Смѣй-ка пикнуть; я тебя не такъ вздую.

Мальчикъ видно зналъ, что нѣтъ особой выгоды сказывать въ этихъ случаяхъ мамашѣ, а потому, понуря голову, пошолъ дальше.

Дошли до бульвара. На бульварѣ площадка, вокругъ которой сидятъ нянюшки: толстыя, тонкія, старыя, молодыя, но больше все сердитыя; видно, что всѣмъ имъ смерть надоѣло возиться съ ребятишками.

По срединѣ площадки играютъ барчата, кто во что гораздъ: видны мячи, обручи, веревочки, телѣжки, даже куклы; маленькая крикливая толпа одѣта въ самые разнообразные наряды одни нелѣпѣе другихъ; которые голоногіе, которые голорукіе, эти похожи на мохноногихъ голубей, тѣ на обезьянъ, что пляшутъ у фокусниковъ.

Играютъ, играютъ—и вдругъ одинъ растянется, потерявъ равновѣсіе, другой подерется съ третьимъ, нерѣдко даже съ дѣвицей; подлежащія власти сейчасъ-же кинутся разнимать, падаютъ томаковъ и правому и виноватому и опять чинно усядутся.

Но вѣдь не все-же нянюшкамъ сидѣть однимъ да сплетничать про господъ, дремать, или вязать безконечные чулки; большей частью, гдѣ соберутся нянюшки, туда непремѣнно, будто невзначай, мимиходомъ, явятся и ихъ пріятели, возлюбленные — а безъ оныхъ можно-ли, особенно весною?

Вотъ и къ нашему букету изъ нянюшекъ подходитъ толстый, пожилой поваръ съ брюшкомъ, уподобляющимся доброму котлу и съ краснымъ, разбухшимъ носомъ, напоминающимъ свеклу. Поваръ давно находится съ нянюшкою въ любовномъ состраданьи и каждый разъ, какъ увидитъ ее на бульварѣ, выйдетъ побалагурить.

Подошелъ онъ и теперь и со всѣми раскланялся.

— Ахъ, папаша, здравствуйте, нѣжно воскликнули нянюшки.

— Всѣ-ли вы въ добромъ здоровьи, Акулина Сысоевна?

— Ничего; такъ что это... невры разстроены... эфти дѣти... шумять все... а у меня невры такія чувствительныя... охъ!

— Противъ невровъ надо полагать лѣкарствіе есть, Акулина Сысоевна... Вы бы лѣкаря спросили-съ...

— Ахъ, спрашивала; нашего Карла Карлыча — онъ такой душка! Говорить спокойная жизнь нужна, что-бы волненія не было...

— Оно конечно волненія-съ... А я къ примѣру вамъ скажу... въ баню сходить, попариться хорошенько, а послѣ знаете — чайку, ну и водочки — всѣ невры пройдутъ-съ...

— Чтой-то, какъ эфто возможно!.. Что вы это говорите?.. Карлъ Карлычъ не велять въ баню ходить... говорятъ: невры раздражаются...

— Хмъ-съ!.. Оно извѣстно-съ: русскому здорово, нѣмцу смерть-съ...Тэксъ — А какъ примѣрно сказать, Акулина Сысоевна, на счето того, не спугнуть-ли намъ чайку-съ... по близости: машина чувствительно играетъ-съ...

— Ахъ, чтой-то! А дѣти-то? Я такъ неравнодушна къ дѣтямъ, они такіе милыя крошки!.: Ангелочки!..

— Дѣтки-съ здѣсь поиграютъ... Тутъ за ними посмотрятъ... Пойдемъ-те-ка!..

— Ахъ, я право не знаю... Я буду безпокоиться... а мнѣ это такъ вредно... ахъ!

— Ничего, Сысоевна, что ломаться-то... ступай! Сказала ея сосѣдка, пожилая нянька, большая любительница устроивать нѣжныя свиданья. Мы поглядимъ, а задурятъ... управимся не въ первой..,

— Право не знаю... Ну, да развѣ на минуточку...

— Ну, ну, продолжала устроительница нѣжныхъ дѣлъ, чего охать-то... Самой ужъ смерть хочется... поди!..

— Хе, хе.. съ поклономъ отвѣтилъ упитанный поваръ, навегація обыкновенная-съ... Великатесъ, значитъ...Милости просимъ, Акулина Сысоевна-съ для взаимной пріятности попопѣшнему просвѣщенію.съ... хе, хе!..

Увѣсистая, хотя и слабонервная нянюшка встала и, жеманясь, сѣрой утицей поплыла за своимъ нѣжнымъ селезнемъ прямо въ грязный трактиръ съ отдѣльными «семейными» нумерами снугнуть чайку и вкусить взаимную пріятность по нонѣшнему просвяѣщенію-съ..,

Вскорѣ они скрылись за деревьями.

Шли они не долго; гостепріимная «растеряція» была въ двухъ шагахъ. Вошли въ нее, вошли не въ первый разъ, а потому были встрѣчены разными малыми въ рубашкахъ сомнительной бѣлизны, какъ старые знакомые

— Наше вамъ наиглубочайшее-съ!.. Пожалуйте, пожалуйте, семейный номеръ есть-съ...

— Чайку Ѳедотычъ, да тамъ... того .. прохлады... съ закусочкой... знаешь?

— Помилуй-те-съ; сейчасъ... сказалъ Ѳедотычъ, ружебородый, кубышкообразный ярославецъ — и побѣжалъ, пыхтя и съ перевальцемъ. Между тѣмъ наша нѣжная парочка вошла въ «семейный» номеръ: грязную конурку со столомъ, оборваннымъ, засаленнымъ диваномъ и двумя-тремя стульями.

Вскорѣ появились «прохлада» въ образѣ графинчика номеранцевой и обыкновенная трактирная закусочка.

— Выкушайте, Акулина Сысоевна-съ, угощалъ возлюбленный кухмистеръ, наливая двѣ рюмки померанцовой... услада жизни такъ сказать-съ!..

— Ахъ, нѣтъ! Пахнуть будетъ... Голова заболитъ...

— Ничяво-съ!.. пройдетъ-съ.. Чайку спугнемъ-съ... и ничего-съ...

— Ужъ развѣ одну... для васъ Кузьма Пафнутьичъ...

И она залпомъ выпила, не поморщившись. За этой рюмкой пошла другая, третья; вскорѣ графинчикъ приближался уже къ концу; носъ Кузьмы Панкратьича разцвѣлъ и даже созрѣлъ вполнѣ, а глаза чувствительной нянюшки то-и дѣло слезились отъ волненія невровъ... Шелъ самый нѣжный и пріятный рвзговоръ...

— Великую сладость получаю я отъ васъ Акулина Сысоевна-съ... Кажись и самъ готовъ для васъ... то-есть... чего душенька ваша пожелаютъ-съ...

— Ахъ Кузьма Пафнутьичъ, я и сама для васъ могу очень разчувствоваться... очень... расчувствоваться... лепетала не совсѣмъ твердымъ голосомъ нянюшка, съ вами могу съ такой пріятностью продолжать свое время... вы очень пріятный мужчина, Кузьма Пафнутьичъ... ахъ!

— Сладимости вы мои, Акулина Сысоевна...Позвольте поцѣловать вашу ручку-съ...

— Ахъ, Кузьма Пафнутьичъ, вы не можете предоставить себѣ... не можете... пріятно любить... Ахъ!.. любить... бѣдное женское сердце... мы женщины такія слабыя созданья...

Въ это время принесли чаю. Поставивши его на столъ половой Ѳедотычъ лукаво улыбнулся... Чрезъ полчаса наши голубчики вышли изъ гостепріимнаго заведенья; голубокъ былъ красный какъ ракъ, а голубка въ величайшемъ волненіи: невры ея совсѣмъ растревожились, шляпка сбилась на бокъ, слабыя нѣжныя ноженьки что-то подкашивались; нѣжная парочка шла подъ ручку, ленеча какой-то чувствительный вздоръ и больше ахая.

Въ такомъ романическомъ видѣ явилась наша нянюшка къ своимъ ангелочкамъ, милымъ малюткамъ. Но увы! Ангелочки вели себя въ ея отсутствіи со всѣмъ не по ангельски, а скорѣе, какъ юные дикіе котята; успѣли подраться, искусаться, исщипаться, подбить себѣ глаза, изорвать платье...

Такъ и ахнула чувствительная нянюшка:

— Черти!.. Ишь какъ!.. Постойте, я вамъ дамъ баловаться... Я васъ... Колька... Машка... сюда!.. Я васъ!..

Но въ это время мать Кольки и Машки показалась на бульварѣ и звала: Няня, няня!.. Нечего было дѣлать; надо было вести дѣтей. И вотъ въ эту-то драматическую минуту представлена здѣсь наша чувствительная нянюшка. Что-же дѣлать? Любишь кататься, люби и саночки возить. Бѣдные невры совсѣмъ разстроились отъ этого неожиданнаго пассажа... А барчата долго ходили съ синяками да фонарями...

3.

Барышня — скороспѣлка.

1.

Теперь, читатель, мы вамъ предлагаемъ героиню — изъ барышенъ, изъ образованныхъ. Героиня наша изъ самыхъ современныхъ, новомодныхъ, современнѣе идеекъ нѣкоторыхъ нашихъ задорныхъ журналовъ, моднѣе шиньона...

Не мы первые даемъ этотъ цвѣточекъ нашей городской жизни, мы даже не имѣетъ претензіи сдѣлать его полный, обстоятельный очеркъ, представляя это интересное и, по нашему, немаловажное дѣло болѣе талантливому перу.

Мы хотѣли только прибавить и своихъ нѣсколько крупицъ къ матеріаламъ для уясненія и созданія этого женскаго характера, довольно часто у насъ встрѣчающагося.

Что такое барышня-скороспѣлка?

Скороспѣлкой называется вообще недозрѣлое, но развившееся такъ странно растеніе, что усвоило себѣ всѣ внѣшнія формы полной зрѣлости, не имѣя силъ для приложенія этихъ формъ къ дѣлу, къ жизни.

Но пусть лучше читатель сдѣлаетъ самъ болѣе удачное опредѣленіе этого понятія, познакомившись короче съ нашей барышней-скороспѣлкой.

Она — дѣвушка лѣтъ 17, маленькая, худенькая, раздражительная, немножко кривляка, съ преждевременнымъ физическимъ развитіемъ, съ черезчуръ дѣятельнымъ и воспріимчивымъ мозгомъ, жаждущая дѣятельности, но быстро утомляющаяся и пресыщающаяся всякимъ малѣйшимъ дѣломъ, самымъ ничтожнымъ усиліемъ тѣла, или души.

Вотъ она передъ вами. Она недавно кончила курсъ въ какомъ-то французско-русскомъ пансіонѣ и кончила очень хорошо. Теперь сидитъ дома и все чатаетъ, ходитъ по библіотекамъ, забираетъ у всѣхъ знакомыхъ всевозможныя книжки, и на другой-же день отдаетъ ихъ, наконецъ лихорадочно барабанитъ на фортепьяно все, что попадется подъ руку.

Папенька барышни-скороспѣлки: старый чиновникъ пріобрѣтатель, личность не глупая, но сложившаяся подъ вліяніемъ извѣстныхъ старинныхъ канцелярскихъ понятій. Онъ или пишетъ, или играетъ въ карты, или спитъ; впрочемъ это послѣднее онъ изловчился дѣлать и рука-объ руку и со всякимъ другимъ «дѣломъ».

Маменька — но маменьку можно разглядѣть только тогда, когда она пройдетъ между вами и окошкомъ въ свѣтлый день, иначе ни за что ее не замѣтите — стало быть о ней и разговору не можетъ быть никакого.

Дочка-скороспѣлка уже лѣтъ съ 12-ти совершенно предоставлена самой себѣ; не мудрено: и папенькѣ и маменькѣ одинаково было нѣкогда; папенька занятъ вопросомъ, какъ-бы возможно меньше его видѣли въ жизни, а маменька — какъ бы ее видѣли хоть сколько-нибудь, но не смотря на усилія досточтимыхъ родителей, имъ удается достигать своихъ цѣлей только въ весьма слабой степени.

Что-же дѣлаетъ дочка? Къ чему направлены ея усилія? Сказать, придумать, сдѣлать что-нибудь необыкновенное, прослыть геніемъ; но впрочемъ она волнуется этимъ какъ будто безсознательно.

Сидѣлъ какъ-то я у нее въ скучный зимній вечеръ. Пришелъ я было къ папенькѣ, да дома не засталъ; маменьку тоже никакъ не могъ разглядѣть; ну и сидѣлъ въ кабинетѣ у скороспѣлки. Разговоръ у насъ тянулся вяло; у меня такая несчастная натура, что какъ только угаръ попадетъ въ голову, статья «Русскаго Слова» или болтовня скороспѣлки — сейчасъ же становлюсь кислымъ, угрюмымъ и соннымъ. Представьте же, что въ этотъ злополучный вечеръ на меня подѣйствовали всѣ эти три прелести вмѣстѣ.

— Ахъ, Писаревъ, душка Писаревъ! вскричала восторженно скороспѣлка, нѣсколько картавя и ужасно кривляясь.

— И точно аховый, замѣтилъ я. Но что-же вамъ въ немъ нравится?

— Что нравится? Боже мой! Все нравится. Скажите, онъ брюнетъ или блондинъ? Нельзя-ли достать его карточку...

— Я, съ нимъ не былъ знакомъ, но карточку....

— Послушайте: всю эту тамъ дичь, всѣ романы, стихи, музыку — все вѣдь надо бросить, все вѣдь это роскошь... пустяки... надо думать о хлѣбѣ...

— Зачѣмъ же бросать? Вамъ-то зачѣмъ бросать? Вѣдь папенька за васъ денежки платили, кровныя-съ... а насчетъ хлѣба... что-же вамъ на счетъ хлѣба-съ?.. пока папенька здравствуютъ-съ?..

— Ахъ, какъ вы отстали, вы совсѣмъ отстали... Прочитайте Писарева.

— Но зачѣмъ-же Писарева? Не лучше-ли намъ съ вами прочитать то, что написали учителя Писарева и еще лучше учителя его учителей?

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Тамъ все это очень скучно, сухо, длинно какъ то; я пробовала — было; вѣдь я знаю языки... Нѣтъ, у Писарева лучше это выходитъ...

— Но можетъ-быть онъ не совсѣмъ вѣрно самъ-то понялъ, что прочиталъ?.. Откуда-же у васъ такая слѣпая въ него вѣра, вы, которая ничему не вѣрите на-слово?.. Откуда такое противорѣчіе?..

— Мнѣ больше нравится то, что онъ пишетъ... вотъ и все... значитъ, у него и яснѣе и вѣрнѣе...

— Положимъ, но...

— Будетъ вамъ!.. Утомили!.. Скучно какъ-то. Чѣмъ бы заняться?.. Хотѣлось бы этакого, знаете, серьезнаго... Да говорите-же!

— Чего лучше? провѣрьте-ка Писарева по его источникамъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!..

— Ну такъ позаймитесь естественными науками — вѣдь на нихъ основывается все ученье вашихъ любимыхъ мыслителей, а вы въ нихъ ничего не знаете... Физика, химія...

Нѣтъ! Пробовала: и это длинно... Химія!.. Начнешь дѣлать опытъ: жди — жди, пока тамъ растворится, да кристализуетя.... сколько папиросъ выкуришь, сколько новыхъ идей передумаешь... а оно все-то растворяется... Ужасно весело! Да вѣдь мнѣ лучше ученыхъ не сдѣлать, такъ лучше я пройту...

— Приносите практическую пользу меньшой братіи...

— Какую пользу?... Извольте; это хорошо?.. сейчасъ.

— Нѣтъ, погодите. Вы вотъ читать научите кого-нибудь.

— Пробовала: утомительно. Это хуже химіи... Буквы эти, склады... вздоръ какой-то... Да и что они прочитаютъ? Я лучше возьму да сама имъ прочитаю...

— Да, но вѣдь всякій серьезный трудъ укрѣпляетъ характеръ, а намъ нужны дѣятели съ хорошей закалкой.

Ахъ, нужны, нужны! Это и Писаревъ говоритъ.

— Ну вотъ видите.

— Только вздоръ эти подготовки — по моему берись и дѣйствуй.

— Сыграйте-ка лучше что нибудь... Давно не слыхалъ музыки...

— Пойдемъ. А послѣ за то скажете: что дѣлать?

И мы вышли въ залу. Скороспѣлка сѣла за рояль, поставила множество разныхъ нотъ и начала барабанить бойко, громко, скоро, совершенно механически; начинала съ средины, не доигрывала до конца, тутъ мелькали быстро куски чего-то мендельсоновскаго, какой-то дурацкой польки и пр. Голова моя окончательно разболѣлась.

— Который же вамъ изъ композиторовъ больше другихъ нравится!..

— Ни одинъ не нравится... скука страшная!..

— Такъ зачѣмъ-же играете?.. Зачѣмъ столько учились?..

— Я не много училась... Мнѣ все легко достается... Все это вздоръ...

— Но вѣдь нравится-же вамъ что нибудь въ жизни?.. Шевелитъ-же что нибудь, привлекаетъ?..

— Не нравится, не шевелитъ, не привлекаетъ... Ахъ, Боже мой! Звонокъ!. Вѣрно идетъ Володя...

— Кто это!..

— Нашъ хорошій знакомый, офицеръ... Мнѣ такъ съ нимъ весело...

— А, вотъ видите!.. Бываетъ же и весело... Что же вы съ нимъ дѣлаете?

— Я учу его. Онъ ничего не читаетъ и судитъ такъ отстало. Я пропагандирую, переучиваю его...

— Ну, и прекрасно; только дѣлайте это радикально, основательно, а то ваше дѣло будетъ не прочно-съ. Больше ему читайте, больше фактовъ-съ...

— Очень нужно! Зачѣмъ?.. Все это и такъ ясно... Я ему просто говорю, а онъ и повторяетъ и восхищается... Вотъ и будетъ...

Въ это время вошелъ молоденькій краснощекій офицеръ. Онъ довольно ловко раскланялся и безцеремонно пожалъ ручку скороспѣлки. Разговоръ пошелъ самый вздорный. Я ушелъ.

2.

Нашъ юноша принадлежалъ къ личностямъ, совершенно не похожимъ на какихъ-бы то ни было скороспѣлокъ. Онъ дѣлалъ рѣшительно все, что нужно было, что заведено было дѣлать въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ: кланялся,

говорилъ пошлости, повторялъ, что говорятъ высшіе, хвалилъ, что сейчасъ передъ нимъ хвалили, молился въ церкви утромъ, танцовалъ вечеромъ, даже читалъ все сподрядъ, что ни давали ему товарищи, но самыми любимыми его занятіями было: одѣваться, а наипаче чесаться, безсмысленно глядя на свое изображеніе въ зеркалѣ, или также безсмысленно глядя въ окошко, набивать папиросы. Словомъ это былъ не человѣкъ, а — деревяшка.

Онъ часто ходилъ къ скороспѣлкѣ, но ходилъ въ разъ заведенные дни и часы, говорилъ постоянно одно и тоже, курилъ цѣлый вечеръ, разглядывалъ картинки въ альбомахъ и все это дѣлалъ одинаково и невозмутимо спокойно, были-ли или нѣтъ дома родители скороспѣлки. Онъ ей во всемъ слѣпо подчинялся. Это былъ скучнѣйшій, невыносимѣйшій изъ юношей и скуки этой могла только не чувствовать одна скороспѣлка, вся поглощенная своими бреднями и нервными волненіями.

— Здравствуй, Володя.

— Здравствуй, Маша.

— Прочиталъ статью Писарева?

— Прочиталъ.

— Хорошо?

— Хорошо.

— Такою женщина должна быть?

— Такою.

— Ну дай же папиросу?

И Володя, сѣвъ на диванъ въ кабинетѣ скороспѣлки, закурилъ ей и подалъ папиросу и закурилъ самъ. Все это онъ дѣлалъ чрезвычайно точно, методично, но совершенно безсмысленно и сонно. Скороспѣлка смотрѣла не него съ восторгомъ и волновалась. Она то вскакивала, то сново садилась, поджавъ подъ себѣ ножки, то хохотала, то ужасно хмурилась — и курила, курила, курила!..

— Хочешь сегодня въ театръ?

— Хочу.

— Вотъ и вздоръ!.. Что за театръ?.. Все это роскошь... пустяки одни... все это старо... отстало... барскія забавы...

— Такъ можно и не ѣхать, что же! Я не поѣду.

— Вотъ такъ, такъ, Володя... хорошо, за это люблю.

И дѣва его поцѣловала въ лобъ. Володя хоть бы поморщился, только стряхнулъ съ мундирчика пепелъ папиросы, которымъ обсыпала его скороспѣлка въ восторженную минуту.

— Меня женить хотятъ папенька, Маша.

— Вотъ еще вздоръ!.. Скука какая!.. И ты женишься?.. Что за пошлость!.. Еще что выдумаешь?..

— Я не знаю, пожалуй и женятъ, а то можно и не жениться.

— Не долженъ!.. Кого возьмешь?.. Салонную, великосвѣтскую барышню? Bonjour... parlez français... la crinoline... бантики, франтики... je vous salue... Удивительно весело!.. Кукла!..

— Да вѣдь это такъ принято...

Сладчайшій кучеръ.

— Спойте, Дормедонтъ Петровичъ, воскликнули дѣвушки.

— Съ нашимъ удовольствіемъ. А вы что дадите-съ, хе, хе?..

— Никогда не говори мнѣ этихъ глупостей?.. Пора тебѣ говорить по моему... Принято!.. Мало-ли что принято!..

— Ну, я не буду, Маша.

— Ну, то-то же, дружекъ.

И Маша снова его поцѣловала, причемъ криво сидѣвшее на ней платье совсѣмъ сбилось на плечахъ на бокъ. Впрочемъ надо замѣтить, что наша скороспѣлка имѣла удивительную способность вѣчно все на себѣ испачкать, изорвать и искривить.

Въ обычное время молодые люди разстались. Маша въ большомъ волненіи принялась курить, думая объ успѣхахъ своихъ уроковъ краснощекому Володѣ, а Володя шелъ домой совершенно хладнокровно, думая: вотъ приду, надѣлаю папиросъ, покурю и лягу спать. Завтра утромъ на службу, вечеромъ къ Ивановымъ, а послѣ завтра опять къ Машѣ.

3.

Но па завтра къ Ивановымъ ему не удалось сходить. Случилась исторія. Маша не могла уснуть всю ночь; ей все грезилась сватьба Володи. И не скажу, чтобы она любила его, ревновала, чтобы въ ея расчеты входило замужество съ нимъ—ничего этого не было. Но она хотѣла помѣшать этой сватьбѣ. Зачѣмъ? она и сама не понимала, но эта мысль мучила ее и не давала спать.

Она рѣшилась стать между нимъ и невѣстой, своей личностью какъ нибудь разстроить это дѣло.

Но вы можетъ быть воскликнете, юный и добродушный читатель:

— «Что-же? Она поступаетъ необдуманно, но благородно, честно; она считаетъ бракосочетаніе съ великосвѣтскою барышнею пошлостью и вотъ рѣшается какъ нибудь пожертвовать собой, чтобы спасти отъ пошлости юношу, котораго она считаетъ порядочнымъ».

А вѣдь нѣтъ-съ, и этого не имѣлось въ виду, а можетъ быть, если и имѣлось, то очень смутно.

Какъ бы то ни было, дѣло только въ томъ, что въ описываемый вечеръ вдругъ къ Володѣ на квартиру является Маша по домашнему, плохо одѣтая, растрепанная, съ какимъ-то узелкомъ подъ мышкою, съ папиросками въ карманѣ и двумя тремя книжками «Русскаго Слова» въ рукѣ.

— Здравствуй, Володя.

— Здравствуй, Маша.

— Я къ тебѣ пришла.

— А папенька и маменька?

— Я совсѣмъ пришла....

— Какъ совсѣмъ?

— Я жить съ тобой буду. Вотъ и все.

— Да какъ жить?... А папаша?..

— Фу, безтолковый какой! Жить, какъ всѣ живутъ; я буду жить и ты будешь жить—вмѣстѣ будемъ жить. Читать будемъ, мечтать—все вмѣстѣ будемъ.

— Я право не знаю; да какъ же это?... А папаша!

Въ это время, положивъ свои пожитки на столъ, Маша сѣла на диванъ, заложила подъ себя ножки и стала курить.

— Маша, какъ же это?.. А мнѣ сегодня надо къ Ивановымъ...

— Иди, куда хочешь... Я ни въ чемъ не стѣсняю... Никакихъ стѣсненій, пожалуста.... Люби, кого хочешь, дѣлай, что хочешь... ну и я тоже...

— Хорошо, Маша... только папенька... да и къ Ивановымъ...

— Ступай ты къ своимъ дуракамъ Ивановымъ... вотъ надоѣлъ... ступай, ступай...

И принялась же она его гнать къ Ивановымъ! У бѣднаго Володи, въ жизнь свою ни разу никуда и ни въ чемъ не поторопившагося, голова пошла кругомъ, какой-то шумъ стоялъ въ ушахъ, туманъ въ глазахъ... онъ даже папиросы взять съ собою позабылъ.

Вышелъ на улицу, шолъ какъ-то тревожно и тоскливо, конечно, въ первый разъ въ жизни, и размышлялъ почти нижеслѣдующимъ образомъ:

— Какъ же это?.. Что же это?.. Ея папенька... Мой папенька... да и что она будетъ у меня дѣлать?.. А главное—узнаютъ. Какъ то неловко, необыкновенно... Ну спросятъ: кто это у васъ живетъ?—А я что-же отвѣчу? И не знаю... Вотъ и не знаю... Дѣвушка!.. Да какъ-же это дѣвушка?.. Родственница что-ли?.. Нѣтъ... Жена?.. Нѣтъ... Скажутъ: любовница; и то вѣдь нѣтъ... развѣ онѣ такіе бываютъ!.. Вотъ у товарища Коли Хвостикова... совсѣмъ не такая... Какъ-же это право?.. Что же это?..

4.

У Ивановыхъ я встрѣтилъ Володю. Добрый онъ былъ мальчикъ, хоть уже очень деревяшка, а потому, то есть за первое качество я былъ съ нимъ ласковъ. Увидавъ меня одного въ углу у камина, онъ робко подошелъ и видимо мялся.

— Что Володя?..

— Ничего-съ; я такъ.

— Папироски хотите?

— Позвольте-съ; я свои забылъ-съ.

И отъ мысли о такомъ не бываломъ упущеніи у мальчика даже слезы навернулись на глазахъ. «Странно что-то», подумалъ я; Володя забылъ папиросы

— Отъ папаши не получали-ли непріятностей?

— Нѣтъ-съ, не получалъ-съ.

Странно» подумалъ я. Володя сѣлъ и безсмысленно смотрѣлъ на огонь; мы оба молчали.

— Я, Калистратъ Калистратовичъ, хотѣлъ вамъ кое-что сказать, началъ очень конфузно Володя... я хотѣлъ посовѣтоваться....

— Ну, ну, валяйте; что нибудь по сердечной части?.. Эхъ, вы, молодежъ. Не живется имъ смирно, все бы волненій, да потрясеній....

— Нѣтъ-съ Калистратъ Калистратовичъ, я не на счетъ волненій, а случай такой вышелъ-съ, очень странный случай-съ...

Въ это время вошелъ очень взбѣшенный отецъ нашей скороспѣлки и за нимъ хозяинъ. Володя былъ ни живъ ни мертвъ... Злополучнаго отца тоже узнать было нельзя: онъ весь представлялъ какой-то взбаламученный образъ; ни одна вещь, ни одна черта не сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ, точно вотъ по всей его фигурѣ промчалась внезапная и ураганная ревизія.

— Какова, моя дурище-то, какова!.. Началъ онъ, сильно жестикулируя. Удрала куда-то, удрала!.. Взяла папиросъ, Писарева-что-ли тамъ,.. и удрала!.. Вотъ онѣ, нынѣшнія!.. Ахъ боже мой, боже мой!. Что мнѣ дѣлать?..

Я былъ пораженъ; Володя былъ жалокъ.

— Что вы, что вы! сказалъ я; ваша дочь?.. Но куда-же!..

— Ничего не знаю, да и какъ знать?.. Она у насъ вѣчно хлыстала вездѣ-по библіотекамъ, да лекціямъ, да редакціямъ... вотъ и дохлысталась... Стыдъ намъ, срамъ...

— Да розыскать бы надо. .

— Легко-ли въ Москвѣ-то?.. Подите-ка!.. Чай къ какому-нибудь студенту забралась, а студента можетъ-ли кто отъискать?.. Да и то сказать: искать-ли...

Мы начали обдумывать. Ясно было, что бѣдный старикъ и не подозрѣвалъ Володю. А Володя вотъ и сейчасъ бы признался, онъ бы даже попросилъ, чтобъ его тутъ же высѣкли для успокоенія совѣсти, но не смѣлъ, характера не хватало. Представьте-же себѣ его положеніе... Я рѣшился помочь ему...

— Володя, что же вы сидите?.. Подите, милый мой, ищите, спрашивайте; надо же оказать услугу хорошему знокомому; подите ка, подите...

Неизобразимо—глубокое чувство признательности ко мнѣ мелькнуло въ глазахъ бѣднаго мальчика.

— Я пойдусъ-съ, побѣгу-съ...

И онъ дѣйствительно бросился бѣжать со всѣхъ ногъ.

— Добрый мальчикъ, сказалъ г. Ивановъ.

— Только очень ужъ деревяшка, прибавилъ я. Ну, господа отцы и пріятели, какъ намъ быть?...

— И ума не приложу, и ума не приложу—повторялъ бѣдный отецъ.

— А давайте-ка я свой приложу, авось что нибудь да придумаемъ.

Вотъ что господа; предоставьте дѣло времени; время—самый лучшій пробный камень для вертопраховъ, вѣдь у нихъ никакой выдержанности нѣтъ... а хуже худаго не бывать!..

— Время, время!.. вопилъ отецъ; нѣтъ, сударь мой, плохо тутъ будетъ время, когда она потомствомъ обзаведется, срамъ....

— Э, полноте; ну, куда ей! Вѣдь все это шалости, пустяками кончится; вспомните мое слово: черезъ два дня повздоритъ.

А вѣдь хуже будетъ, когда ваше насиліе раздражитъ ее и кинетъ въ какое-нибудь новое сумасбродство.

— Ну, будь по вашему! Я просто голову потерялъ!.. И ума не приложу, и ума не приложу!...

Мы разстались.

5.

Ну, и жила наша парочка, и наслаждалась своимъ подвигомъ наша скороспѣлка... Только наслаждалась она будто не совсѣмъ вполнѣ.... Ея питомецъ, ея дитя милое, ея Володенька оказывался будто не достаточно признательнымъ къ ней юношей; онъ какъ-то холоденъ, апатиченъ былъ къ ея героизму, самопожертвованію доблестному поступку.

Мало этого—онъ по временамъ даже словно тяготился тѣмъ, что въ его обычную тихую, машинальную жизнь закрался какой чуждый, черезчуръ горькій, безпокойный элементъ и все копошился, все шевелился, юлилъ некстати, куда бы онъ ни сунулся. Онъ сталъ даже по временамъ эманципироваться.

Такъ идя съ товарищемъ со службы, нашъ Володенька вдругъ почувствуетъ бывало непреодолимое «влеченіе, родъ недуга» зайти съ нимъ въ гостинницу выпить чайку и даже пропустить по рюмочкѣ листовочки, закусить вѣтчинкой съ огурчикомъ, и, выпивши и закусивши, какъ-то нехотя поднимался онъ съ мягкаго дивана, какъ-то нерѣшительно надѣвалъ свое форменное пальто, погружалъ ноги въ ботики, точно думалъ: «а вѣдь вотъ не лучше-ли будетъ положить этакъ пальто на столъ, поставить ботики подъ оный и усѣсться опять на мягкій диванъ «нѣмецкій со пружиною»...

Вотъ какъ-то разъ и усѣлся такимъ образомъ вторично. Появился второй графинчикъ, полилась бесѣда громче, оживленнѣе.

— Мутитъ что-ли на сердцѣ, пріятель; спросилъ Володю зоркій черненькій юноша съ залетной, безшабашной кудрявой головою.

— Да, что-то не то стало, Вася; ничего, а будто не то; какъ-то не ладно, не складно....

— Что-же? или мамзелька—надоѣла? Ну, такъ и раскланяться можно. Только что-же у васъ? Живете вы съ ней, какъ съ женой, какъ съ любовницей, что-ли? Право, васъ какъ-то не поймешь...

— Я и самъ не пойму, Вася.

— Врешь!..

— Ей-ей. Иногда кажется, какъ будто живемъ съ ней какъ обыкновенные любовники, ну—и особенной пріятности не ощущаемъ.

— Да, братъ, не корыстна на этотъ счетъ; Грушка, что напротивъ васъ въ горничныхъ живетъ, не въ примѣръ будетъ авантажнѣе.

Володя вспыхнулъ и замялся. Онъ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— Оно все бы, разумѣется, ничего... хила очень, худая такая, нервная, нравная... все она больше въ печальномъ тонѣ разговариваетъ, все какъ-то сердится, волнуется.... поцѣловать ее хочется, а она какъ будто укусить наровитъ.... Ну и охладѣешь.

— Да, это не вкусно.

— Ужъ такъ-то порой не вкусно... А впрочемъ и хуже бываетъ... это... это... какъ тебѣ сказать.

— Не знаю, что еще хуже этого....

Это видишь ты, порою она держитъ себя какъ-то невразумительно... знаешь, какимъ-то другомъ:.. толкуетъ о какихъ-то чисто душевныхъ отношеніяхъ... проситъ меня не стѣсняться въ моихъ интрижкахъ... Вася, голубчикъ не понимаешь-ли ты тутъ чего нибудь?..

— Знаю, знаю, Володя, знаю: это дружба такъ-сказать безъ различія пола... это видишь, есть этакая блажь въ нѣкоторыхъ женскихъ головахъ, преимущественно съ плохо развитыми мускулами... это мечта о возможности какихъ-то чистыхъ, платоническихъ, какъ говорятъ, отношеній между мущиной и женщиной, отношеній чуждыхъ волненій, ревности, наконецъ дѣтей—всѣхъ этихъ неизбѣжныхъ спутниковъ земной любви... Но это, Володя, все чушь и одна игра фантазіи... Такъ и запиши....

— Экой ты профессоръ какой, Вася; давай выпьемъ.

Они выпили; разговоръ пошолъ еще живѣе, еще интимнѣе; Володя вернулся домой только вечеромъ, очень разгоряченный. На какую-то колкую, сердитую выходку скороспѣлки онъ чуть-ли не въ первый разъ возразилъ съ нѣкоторымъ одушевленіемъ.

— Эхъ, Маша, не сама-ли постоянно твердишь, что надо по возможности менѣе стѣснять другъ друга?

Маша надулась и наконецъ не на шутку расплакалась; Володя имѣлъ жестокосердіе очень недвумысленно зѣвнуть....

6.

Прошло около четырехъ мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ Володя жилъ да поживалъ со своею скороспѣлкою; пришло дачное время—начало іюня. Хозяева дома, въ которомъ нанималъ квартиру Володя, переселились на собственную дачу въ Давыдково и пригласили съ собою Володю. Онъ у нихъ нанялъ чердачекъ изъ двухъ чистенькихъ комнатъ.

Хорошая мѣстность Давыдково, шаловливая рѣчка, веселенькія рощицы со всѣхъ сторонъ, наконецъ теплый, ароматный іюньскій воздухъ—все это словно успокоило нѣсколько скороспѣлку и водворило въ ея отношенія къ Володѣ гораздо больше мягкости, ровности и задушевности; они стали жить какъ будто обыкновенные добрые, простые, любящіе другъ друга молодые люди.

Хотя скороспѣлку въ душѣ сожалѣли многіе давыдковскіе дачники, но къ счастію не нашлось много такихъ, которые въ своемъ высокомѣріи и самоослѣпленіи рѣшились бы бросить камнемъ презрѣнія въ бѣдную дѣвушку. У нихъ были знакомые.

Скороспѣлка тоже порой забывала свои причуды, свои нервы, свои идейка; она становилась просто женщиной, или вѣрнѣе женщиной—ребенкомъ; она бѣгала, шалила, прыгала по улицѣ, сбѣгала съ крутаго спуска къ рѣчкѣ, тормошила Володю.

Однажды она, побѣжавши за бѣленькой бабочкой, запнулась за твердый торчавшій корень на тропинкѣ въ рощѣ и упала; конечно женщина да и дѣвица, по за-

конамъ неумолимой природы, можетъ и запнуться, и упасть, но бываютъ для нея такія положенія (рекомыя иногда почему-то «интересными»), что ей ни запинаться, ни падать никакъ не слѣдуетъ...

Наша бѣдняжка скороспѣлка сильно пострадала отъ этого физическаго паденія.

Вотъ въ прекрасный тихій вечеръ лежитъ она въ постели на своемъ чердакѣ; несозданная переносить какіе-бы то ни было страданія, она отъ каждой малости раздражается, сердится, пушитъ своего Володю, который бродитъ то по своимъ конуркамъ, то по балкону, точно въ воду опущенный.

Наконецъ больная нѣсколько заснула.

Володя спустился въ низъ и сталъ бродить по большому уставленному цвѣтами балкону своихъ хозяевъ, куря папироску; ему было невыносимо скучно, просто плакать хотѣлось.

Входитъ горничная Груша.

— Здравствуй, Груша; говоритъ ей тоскливо Володя. Господъ нѣтъ?

— Нѣту-съ, Владиміръ Петровичъ.

— Папироски хочешь?

— Пожалуйте-съ.

Онъ далъ ей папироску. Груша у него закурила и стала противъ него, подбоченясь лѣвой рукой. Груша была довольно красивая, здоровая, полная дѣвушка съ извѣстной неумолкаемой болтовней и ненасытнымъ апетитомъ горничныхъ. Они были давно и довольно интимно знакомы съ Володей, хотя это ей нисколько не мѣшало имѣть несчетное количество и другихъ такихъ же давнишнихъ и интимныхъ знакомыхъ.

— Скучно, Груша.

— Чтойто!.. У васъ барышня есть... образованная... все въ книжку читаютъ....

Больна она... да капризна стала отъ болѣзни-то... придирается ко всему...

— Очинно онѣ изъ себя уже неавантажны... плохо кормите ихъ, Владиміръ Петровичъ... вонъ онѣ у васъ поджарыя какія...

— Ты вотъ лучше, Грушенька... Поцѣлуй меня....

Груша кокетливо уклонялась, Володя настаивалъ, наконецъ обнялъ ее и поцѣловалъ.

Въ это время на нижней ступенькѣ лѣстницы съ верхняго балкона показался въ вечернемъ сумракѣ призракъ въ родѣ женщины, или женщина въ родѣ призрака... онъ стоялъ неподвижно, мрачно, грозно: это была наша скороспѣлка.

Чета такъ шаловливо слившаяся въ поцѣлуѣ, такъ-сказать снова разлилась къ угламъ балкона и тоже стала неподвижно; произошла такъ называемая нѣмая сцена.

— Прекрасно, Володя... а я лежу тамъ больна... Боже мой, Боже мой!...

— Извините Маша... сталъ было лепетать Володя, подходя къ начавшей уже волноваться и плакать скороспѣлкѣ.

— Не подходите, не подходите... отмахивалась она отъ него своими исхудавшими руками. Володя остановился и умильно глядѣлъ на Грушу, точно искалъ въ ней поддержки.

Она тоже подошла.

— Досадно, небось, барышня?..

— Съ тобой не разговариваютъ! Туда-же!..

— Съ тобой не разговариваютъ, передразнивала ее Груша...

Вишь фря какая!.. Мы ничѣмъ не хуже васъ... Очинно носъ подымаете... Некстатѣ... Папенька-то еще что скажутъ?...

— Что?..

— Ничего-съ; проѣхало. А вы думаете, что съ вашими книжками больно весело Владиміру Петровичу... книжки-то и въ школѣ чай надоѣли... Вотъ отъ книжекъ-то вашихъ, да оховъ, да вздоховъ они бѣгаютъ къ намъ... Мы похохочемъ, приласкаемъ, пошутимъ... а къ вамъ прійдутъ... книжки, да слезы, да охи... ну, и бѣгутъ сюда... ха, ха, ха!...

— Володя, правду-ли она говоритъ?.. Неужели тебѣ веселѣе съ ней, чѣмъ съ дѣвушкой начитанной, не глупой, развитой, съ душою... говори, Володя!...

— Правда, Маша—сказалъ вполголоса юноша, потупивъ глаза.

— Боже мой!.. Что ты говоришь?.. Это говоритъ молодой человѣкъ съ душою, съ умомъ...

— Полно Маша, ничего этого во мнѣ нѣтъ; ты фантазируешь; я очень обыкновенный смертный....

— И тебѣ съ ней веселѣе, пріятнѣе?.. Пріятнѣе, чѣмъ со мной?

— Пріятнѣе, Маша—отвѣтилъ по прежнему юноша.

— Такъ прощай; я сейчасъ уйду...

Куда-же ты, Маша?.. Такая больная... Да и что я тебѣ сдѣлалъ?.. Вѣдь ты отъ меня никогда ничего не требовала, ни любви, ни вѣрности... чего-же тебѣ?..

— Охота вамъ, Владиміръ Петровичъ, толковать-то пустяки... Ну, не нравится, такъ и уходила бы къ папенькѣ... ужь право на вашу жисть скучно что и смотрѣть-то..; все знамши...

— Да уйдешь-ли ты отсюда, сволочь?..

— Что? Сволочь?.. Ахъ, ты....

И Грушинъ язычокъ вѣроятно осыпалъ бы бѣдную скороспѣлку самыми калеными и ядреными орѣшками лакейскихъ ругательствъ, но Володя жестомъ остановилъ ее.

— Уйдемъ, Маша на верхъ; тамъ поговоримъ.

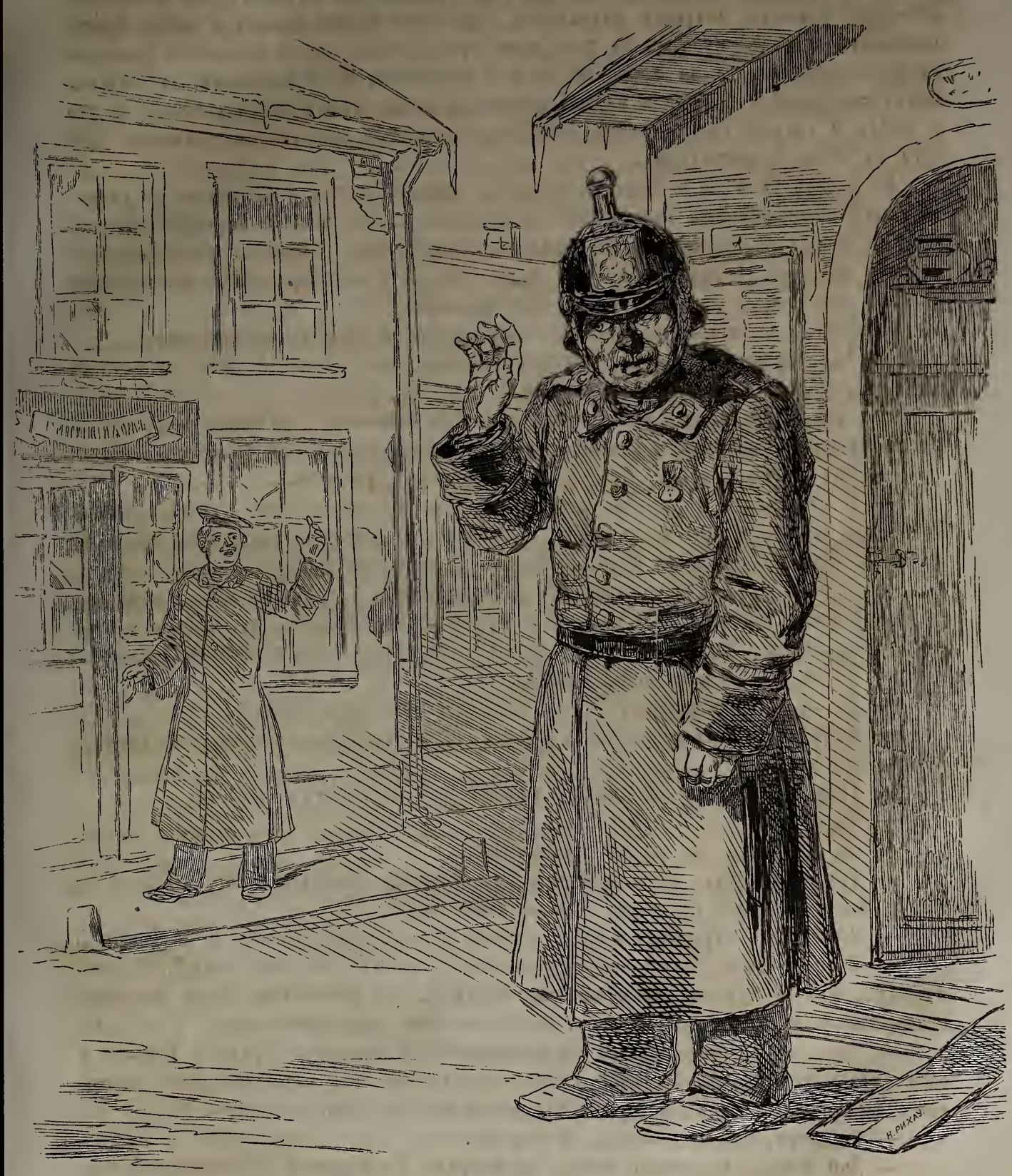
Они ушли. Маша отъ слабости, волненія, гнѣва чуть передвигала ноги; Володя долженъ былъ ее поддерживать.

Груша залилась на весь балконъ звонкимъ хохотомъ.

7.

Не знаю, что и какъ говорилось на верху между нашими юношами, но знаю только, что черезъ нѣсколько дней послѣ этого происшествія я сидѣлъ у себя въ Москвѣ въ кабинитѣ вечеромъ и что-то кропалъ. Я, господа, старый холостякъ и кромѣ меня въ квартирѣ имѣется, какъ говорили въ старину, кое-какая старая чадь: старый лакей, онъ же и поваръ, старый котъ и старый чижикъ, ужасно похожій на нашего предсѣдателя, за что я особенно его уважаю. Бываетъ, знаете, полѣнишься, или понездоровится—вотъ бы пролежалъ на диванѣ, проманкировалъ—и не хорошо, и не благовидно бы вышло.

Рыцарь выше соблазна.



— Не соблазняй, другъ, ибо сей врагъ силенъ, а человѣкъ очинно уже слабъ — не соблазняй милый!...

Анъ нѣтъ; взглянешь на чижика и чижикъ тотчасъ отгадаетъ мои неблагонамѣренные помыслы, надуется, нахохлится, застучитъ носомъ вправо и влѣво, брюхо выставитъ впередъ, ну точь въ точь нашъ предсѣдатель, когда собирается отечески распечь подчиненнаго за какое ни на есть упущеніе. Ну и вскочишь съ дивана, напялишь вицемундиришко и маршъ! посѣменишь на службу царскую. Вотъ за что я люблю и уважаю своего стараго чижика, своего, такъ-сказать аллегорически, презуса въ птичьей миньятюркѣ.

Но теперь рѣчь не о чижикѣ—презусѣ; чижикъ спитъ, а я дремлю за канцелярскимъ краснорѣчіемъ. Только Иванъ докладываетъ, что какая-то барышня пришла; чижикъ злодѣй разслушалъ и нахохлился, окончательно обратившись въ готоваго распечь презуса; дѣйствительно уже болѣе 20 лѣтъ моя квартирака не ощущала въ себѣ присутствія какой-бы то ни было барышни.

Я привелъ нѣсколько въ приличіе свою фигуру и вышелъ въ гостинную.

— Ахъ, мадмозель Мари!.. вы откуда? въ этакое время!.. да и не совсѣмъ здоровы... Садитесь, садитесь голубушка....

Она усѣлась и разразилась раздирательными воплями; я утѣшалъ какъ могъ... Послѣ многихъ безсвязныхъ рѣчей въ діалогической формѣ, она наконецъ сказала:

— Онъ выгналъ меня... Онъ низкое, ничтожное существо....

— Я это зналъ, Машенька, хоть вы все-таки черезчуръ строго о немъ судите... Развѣ онъ виноватъ, что не съумѣлъ приловчиться носить передъ вами тѣ яркіе лоскутки героизма, доблести и пр., которыми вамъ угодно было облечь его?...

— Будетъ, будетъ, я и слышать о немъ не хочу... я его ненавижу, презираю...

— Хорошо, хорошо, хоть и не совсѣмъ гуманно и либерально... ну, вамъ впрочемъ не до либерализма... Что-же вы будете дѣлать?.. Вернуться подъ родительскій кровъ?...

— Ни за что!.. Ни за какія блага?...

— Ни за какія ковришки. Что-же такъ?.. Что-же предпримете?...

— Какъ что?.. Вотъ вопросъ!.: А еще вы считаетесь образованнымъ человѣкомъ... прогрессистомъ....

— Тише пожалуста; мой чижикъ ужасно волнуется этимъ словомъ...

— Вы все шутите.

— Но однакожъ, что же вы предпримете?...

— Трудиться буду, жить собственнымъ трудомъ, самостоятельно... Ужели въ Россіи можетъ умереть съ голоду образованная дѣвушка?

— Все можетъ случиться и тутъ, конечно, можетъ быть виновата и не Россія....

— Я знаю языки, стану переводить—сколько можно этимъ заработать?.. Я знаю музыку... я буду служить въ книжномъ магазинѣ... въ библіотекѣ... буду наконецъ конторщицей, учительницей, швеей... Всякій честный трудъ почтененъ...

— Такъ, но вы привыкли-ли къ какому-нибудь серьезному труду?... Есть-ли у васъ сила привыкнуть?.. Есть-ли у васъ достаточно силы отвыкнуть отъ нѣкоторыхъ барскихъ затѣй, къ которымъ вы неотразимо пріучены съ дѣтства?...

— Найдется, найдется—было бы желаніе.

— Дай Богъ... въ добрый часъ... попробуйте. Но примите въ соображеніе еще слѣдующее: помимо затрудненій, которыя встрѣтите въ самихъ себѣ на этомъ но-

вомъ и тернистомъ пути, вы встрѣтите ихъ и внѣ себя, въ людяхъ, въ самомъ дѣлѣ. Вы пишете по русски грамотно?

— Не совсѣмъ.

— Вы знаете-ли на столько языки, владѣете-ли на столько русскимъ слогомъ и всякими спеціальными познаніями, чтобы быть въ состояніи переводить всевозможныя сочиненія, все, что ни понадобится?

— Я очень мало читала и спеціальныхъ знаній не имѣю никакихъ?

— Хмъ!.. Но вѣдь у васъ и дипломовъ никакихъ нѣтъ?.. А на счетъ торговли... извините, Машенька, если я вамъ скажу по дружбѣ, между нами... для успѣха въ этихъ занятіяхъ нужна столько же уживчивость съ грубыми, неразвитыми хозяевами, сколько и красота, соединенная съ большимъ запасомъ беззастѣнчивости... вы видите, что къ коммерческой дѣятельности вы едва-ли способны....

— Ахъ, какими вы все черными красками рисуете?..

— Не черными, а такъ сѣреньками дешевенькими, будничными. А знаете, сколько платятъ за переводный листъ?.. 3 рубля—за печатный, еще двойной. А знаете, сколько времени вы будете за нимъ сидѣть?.. не меньше недѣльки-съ....

Машенька ушла, очень задумчивая и раздосадованная. Она пріуныла....

8.

Прошло еще мѣсяца два. Была глубокая осень. Какъ-то разъ въ дождь, слякоть вечеромъ зашелъ я къ отцу скороспѣлки. По обыкновенію, отца не засталъ дома, а маменьку никогда не могъ разглядѣть. Машенька сидѣла по прежнему въ кабинетѣ, курила и волновалась.

— Давно я не былъ у васъ, Машенька. Не чаялъ васъ здѣсь застать.

— Да, я вернулась... Я пробовала жить трудомъ, но ваши зловѣщія слова исполнились... у меня не достало ни силъ, ни умѣнія, ни терпѣнія... все исполнилось, что вы говорили, потому-что я все перепробовала....

— Ну, а какъ-же съ папенькой-то?...

— Я просила прощенія... онъ посердился... ну и простилъ, только предписалъ мнѣ одно условіе и я.

— Договаривайте!...

— Я дала честное слово, что исполню

— Можно знать условіе?

— Можно. Я отъ васъ ничего не скрою, какъ отъ добраго друга. Онъ мнѣ указалъ на Катю, самую пошлую великосвѣтскую куклу и велѣлъ во всемъ, во всѣхъ мелочахъ подражать ей 3 года.

— И у васъ достанетъ на это силы,.. самоотреченія?...

— Что же дѣлать, когда намъ не дано силъ жить по нашимъ убѣжденіямъ и не дано убѣжденій по нашимъ силишкамъ!...

Бѣдныя скороспѣлки!.. подумалъ я.

А вы, читатель?...

4.

Нашъ масляничный маскарадъ.

Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній!

Подходитъ масляница, широкая, разгульная, масляница блинница, сметанница и, пожалуй, немножко пьяница; спѣшите, читатель, повеселиться на ней, потому что если не все коту масляница, то человѣку, особенно бѣдному и подавно.

И такъ поздравляемъ васъ съ наступающей масляницей; пусть въ ней все идетъ вамъ, какъ по маслу, пусть вы катаетесь и сами, какъ сыръ въ маслѣ, пусть вездѣ встрѣчаете глазки только масляные, особенно среди прекраснаго пола, который по нынѣшнему уже приходится назвать поломъ съ турнюромъ.

И Боже, сколько наслажденій ждетъ всѣхъ насъ въ этотъ веселый, разгульный праздникъ! Сколько удовольствій соблазнительно киваютъ головками, всѣмъ намъ: и полу съ хвостами и турнюрами, и полу безхвостому и безъ турнюра, и полу безъ признаковъ какого-бы то ни было пола, которому изъ всего половаго понятны и милы только *половые* трактировъ, несущіе имъ водочку съ огурчикомъ и ветчинкой.

И въ самомъ дѣлѣ какъ не закружиться головѣ отъ соблазнительной толпы масляничныхъ удовольствій:

Театры, балы, маскарады, собранья....

какъ поетъ Беранже въ переводѣ г. Курочкина,

Трактиры, блины, пикники да катанья

какъ воспоемъ мы, продолжая нашъ перечень слѣдующимъ образомъ.

По „добрымъ мѣстамъ“ подъ хмѣлькомъ кочеванья,
И съ зари до зари въ сласть блиновъ пожиранье.

Жизнь! скажу вамъ, а если порой и разворчиться нашъ природный чемоданчикъ, то напрасно: онъ всегда долженъ помнить, что сшитъ изъ семи овчинъ, а стало-быть долженъ не ворчать, а молчать.

Все это у насъ хорошо заведено, устроено, а потому тутъ и толковать нечего; давно всѣмъ извѣстно, что благодаря успѣхамъ естествознанія и всякихъ цивилизацій, всѣ мы будемъ на масляницу наѣдаться до отвала, напиваться до выноса и вывоза, наслаждаться всѣми земными сластями—до тошноты.

А хорошо потому, что все это наше, доморощенное, исконное, выработанное многовѣковой жизнью; потому оно и прилажено къ намъ куда какъ хорошо.

Не то съ разными заморскими затѣями; они какъ-то не удаются, не вытанцовываются.

Возьмите вы хоть наши, нѣтъ, виноватъ, ваши маскарады; куда какъ плохо увеселяютъ насъ, какъ плохо къ намъ прививаются!

Конечно и въ нашу давнюю старину были маскарады; веселые люди наряжались, маски назывались личинами и харями; но все это было совсѣмъ не то; наряды были очень незатѣйливы: пѣтухомъ, козломъ, медвѣдемъ и, изъ новѣйшихъ героевъ маскарада, развѣ только—чортомъ.

И отчего-же нынче, не смотря на такое разнообразіе вашихъ маскарадныхъ нарядовъ (по вашему: костюмовъ) вы сами въ нихъ такъ скучаете и наводите такую скуку на все окружающее?

Этимъ-то важнымъ предметомъ (особенно по случаю масляницы) мы и намѣрены заняться здѣсь съ нашимъ читателемъ, указавъ ему и причины неудовлетворительности вашихъ маскарадовъ и средства къ уврачеванію этого недуга.

А сдѣлать это изученіе лучше всего слѣдующимъ образомъ: отправиться въ маскарадъ и наблюдать.

И были мы какъ-то недавно въ ономъ съ однимъ изъ нашихъ пріятелей, большимъ насмѣшникомъ. Вотъ бродимъ мы по залу въ какихъ-то сѣрыхъ балахонахъ и зѣваемъ на людей и просто, бродимъ, а пріятель—нѣтъ да и укажетъ мнѣ на какого-нибудь замаскированнаго и начнетъ его косточки перемывать.

Вотъ гляди, братецъ, гляди, говоритъ онъ мнѣ, указывая на какого-то испанскаго гранда или франта; ну,

Что это тамъ за рожа,
Какія у нея ужимки и прыжки?

Какъ говоритъ дѣдушка Крыловъ. Тоска смотрѣть-то!

— А что? Грандъ, какъ Грандъ; костюмъ не дуренъ и вѣрно не дешево заплаченъ за вечеръ.

— Да фигура-то посмотри, какая! Вѣдь это какой-нибудь молодецъ изъ города; ходитъ, какъ ученый медвѣдь, Михайло Потапычъ Топтыгинъ, пѣтушится какъ-то, а уже скажетъ что-нибудь, такъ только уши затыкай! Ну, къ физіономіи-ли его наряжаться въ костюмъ, требующій величія, благородства осанки испанскаго аристократа?

— Конечно подумалъ я,

Испанскій грандъ
Нашъ купчикъ—франтъ,
Пришолъ изъ города пѣшкомъ
И выступаетъ пѣтушкомъ,
Пыхтитъ, молчитъ—и ляпнетъ вдругъ!
И разсмѣются всѣ вокругъ.
За то нашъ грандъ
На пошлость всякую—талантъ.

Я сообщилъ эти мысли пріятелю и онъ вполнѣ съ ними согласился и тутъ-же прибавилъ:

— Да что долго искать обнаруженія его талантовъ; подойдемъ за нимъ къ буфету; гляди!

Смотрю: къ буфету подходитъ какая-то разбитная фигура въ женскомъ костюмѣ; можно съ нѣкоторою вѣроятностью даже предположить, что это женщина, существо того пола, къ которому питали нѣкогда такое глубокое уваженіе испанскіе гранды.

Подходитъ она къ буфету и говоритъ довольно не свѣжимъ голосомъ....

— Рюмку коньяку!

Ей налили — и она выпила. Ну, и на здоровье.

Но испанскій грандъ взглянулъ на это дѣло совершенно иначе; онъ съ благородной осанкой, достойной лучшаго дѣла, подошелъ къ ней и, со всего размаха ударивъ ее по турнюру, сказалъ:

— Не пей коньякъ! приложивъ ей, вмѣсто закуски, какое-то крѣпкое словцо.

— Вотъ видишь, каковы наши гранды, сказалъ мнѣ пріятель; ну, что ему сдѣлала эта заблудшая овца съ турнюромъ?...

Въ это время довольно быстро пробѣжала куда-то фигура въ костюмѣ стариннаго врага и соблазнителя человѣковъ: демона, мефистофеля или просто чорта. Пріятель мой изъ себя вышелъ:

— Вотъ этотъ нарядъ рѣшительно бы изгналъ изъ нашихъ маскарадовъ!

— Почему-же? Чѣмъ-же онъ не нарядъ?

— Да вѣдь чортъ долженъ быть по крайней мѣрѣ уменъ; у него бѣднаго все отняли—оставьте ему хоть умъ-то, умъ колкій, ѣдкій. А посмотрите на нашихъ мефистофелей! Что за жалкія созданія! Вотъ хоть бы этотъ; вѣдь это непремѣнно какой-нибудь юный администраторъ или жрецъ Ѳемиды, недоучившійся юноша—а эти господа почему-то воображаютъ себя непремѣнно мефистофелями, если могутъ сказать всякому болѣе или менѣе бойко дерзость.

И на счетъ мефистофеля мой пріятель былъ совершенно правъ:

Красавецъ ты, братъ, мефистофель,
Лице, какъ печеный картофель,
Трясешь ты бородкой козлиной
А самъ-съ головою ослиной,
Надъ демономъ злая насмѣшка,
Не демонъ ты, братецъ, а пѣшка.

А между тѣмъ мой пріятель продолжалъ порицатъ, перебирая наряженныхъ:

— Прекрасный-то полъ! Гляди-ка!

Но нѣтъ, я вамъ лучше стишками разскажу, что онъ тутъ говорилъ; къ прекрасному полу надо всегда обращаться со стишками, ибо онъ принадлежитъ къ области поэзіи. И такъ:

Русская дѣвушка съ рѣчью французскою,
Римлянка - съ рѣчію очень ужъ русскою,
Очень смиренное домино черное
Пить коньячокъ черезчуръ ужъ проворное,
Вотъ слишкомъ бойкія двѣ—три монашенки
(Видно, что нѣтъ въ маскарадѣ мамашенки),
Сердца біенія, груди волненія —

Мало надежды на душеспасеніе.
Рыхлыя маменьки съ пышками—дочками;
Дочки наряжены всѣ мотылечками,
Если-бъ немножечко не были въ тѣлѣ,
Такъ бы вотъ, кажется, и полетѣли!
Очень не гордыя пляшутъ испанки,
Вотъ бѣло брысыя бродятъ цыганки,
Русскую водочку пьютъ одалиски—
Разныя Машки, Палашки и Лизки,

И все это веселится, какъ можетъ, но все это веселилось бы еще больше безъ своихъ маскарадныхъ мундировъ. И въ самомъ дѣлѣ почти всѣ замаскированные и прекраснаго, и непрекраснаго пола точно скованы своими костюмами и масками.

Конечно, развернется другая широкая натура, скажется, но уже такъ скажется, что... непремѣнно выведутъ.

Нѣтъ, читатель, у насъ маскарады лучше, не въ примѣръ проще, веселѣе и замысловатѣе. Вотъ послушайте-ка, да и сами пріѣзжайте къ намъ за костюмами; право, наши и не дороги и уже, конечно, ноэфектнѣе будутъ великолѣпныхъ и разнообразныхъ костюмовъ г. Степанова.

Наша зала громадна; она величиною съ Москву, Петербургъ, можетъ со всю Россію; наряженныхъ въ ней нѣсть числа! личины, а найпаче самыя богопротивныя хари въ величайшемъ изобиліи; выбирайте себѣ подходящій нарядъ: чего хочешь, того и просишь!

И замѣтьте, что наши наряды и хари такъ усовершенствованы, что ни въ жизнь не узнаете, что за звѣрь подъ ними спрятался; это не то, что ваши театральные костюмы: въ какой изъ нихъ вы ни нарядитесь, вамъ сейчасъ-же скажу, кто вы; обращики этого вы видѣли выше.

А попробуйте-ка отгадать нашихъ ряженныхъ! Попробуйте-ка! Нѣтъ, лучше берите-ка себѣ у насъ нарядъ и харю—и щеголяйте въ нихъ по бѣлу свѣту и, повѣрьте, благо вамъ будетъ.

Вотъ возьмите хоть долгополый нарядъ и обезьянью харю главнаго прикащика одного большаго московскаго магазина; сами по себѣ и нарядъ, и харя вовсе не эфектны и даже можно сказать, плюгавенькіе.

Но взгляните на все это въ нѣкоторыхъ особенныхъ эпохахъ и кризисахъ: тутъ-то увидите, какая нойдетъ игра!

Подходитъ къ прикащику хозяинъ, котораго онъ что-называется, но ноги ненавидитъ и обираетъ, какъ липку, желая ему ежеминутно сквозь землю провалиться.

Подходитъ, говоримъ, хозяинъ, и нашъ «молодецъ» вдругъ преобразился: дивишься, куда дѣвалась нахально—плутовская рожа, умные, но наглые и алчные глаза, самоувѣренныя и загребастыя движенья:

Нашъ милый другъ
Съѣжился вдругъ;
Тише воды,

Ниже травы,
Самъ весъ дрожитъ,
Голосъ пищетъ,—

Уничтожился, изгладился, стушевался совсѣмъ человѣкъ!

Чувства нижайшія, глазки сладчайшія,
Наше вамъ, дескать, найглубочайшее!

Вотъ попробуйте этакъ замаскироваться; ну, нѣтъ-съ, трудненько. А за то такому молодцу жить на свѣтѣ тепленько!

Но вамъ можетъ быть угодно имѣть болѣе эфектный, внушительный нарядъ? есть и такіе; напримѣръ, что вамъ лучше этого:

Всѣмъ угнетеннымъ доброхотъ,
И филантропъ, и патріотъ,
Отечества примѣрный сынъ,
Притомъ почетный гражданинъ,
Платить всю жизнь свою готовъ
За неоплатныхъ должниковъ,
И нищимъ щедрою рукой
Даетъ онъ грошъ послѣдній свой,
Онъ утѣшитель вдовъ, сиротъ,
И филантропъ и патріотъ!

Исполать такому доблестному мужу! Оно конечно, доблести доблестямъ рознь: кусокъ хлѣба нашего филантропа подъ часъ кажется очень горькимъ тѣмъ, кому приходится его кушать, но... Гдѣ-же бѣдному человѣку разбирать вкусъ своего насущнаго, христа ради поданнаго хлѣба?

И какая благородная, сановитая наружность у этого отца и благодѣтеля всѣхъ угнетенныхъ! Умилительно! Ну, вы, маскарадный отгадчикъ, догадаетесь-ли, глядя на него, что подъ этимъ нарядомъ и харей сидитъ грязненькая душенка, которая не прочь и обобрать сиротъ, съѣсть ихъ послѣдній кусокъ хлѣба, по своему утѣшить всякую дѣвушку отъ 18 до 50 лѣтъ включительно, не прочь подъ видомъ доблестей, благородства, гражданскихъ и христіанскихъ подвиговъ пробраться на какое нибудь мѣстечко по-виднѣе, гдѣ бы было просторнѣе дѣйствовать шишкѣ пріобрѣтательности?...

Вамъ нуженъ можетъ быть нарядъ для молодой дѣвушки?

Ахъ, у насъ есть два; одинъ немножко устарѣвшій, но все-таки въ большомъ ходу, другой-же—самоновѣйшій.

Покажемъ вамъ сперва первый: наружность дѣвушки — смиренницы, которой страхъ хочется выйти замужъ за богатенькаго, но простодушнаго юношу, большаго поклонника всякихъ идиллистическихъ, семейныхъ женскихъ добродѣтелей.

Вотъ вамъ и сцена, которую должна научитьтя разъигрывать та, которая хочетъ нарядиться въ предлагаемый нами костюмъ:

Входитъ сладкій, богатенькій женихъ въ довольно скромную гостиную; его встрѣчаетъ миленькая, скромная дѣвушка съ стыдливо потупленнымъ взоромъ. Послѣ нѣжныхъ привѣтствій начинается разговоръ:

Нѣжная мать — чужаго ребенка.

— Будете-ли вы счастливы со мною?

— Отчего-же нѣтъ?

— Я люблю скромную, уединенную семейную жизнь.

— Ахъ, Боже мой, да что-же лучше? Шумъ свѣта, мишура, вѣчная ложь—какъ все это скучно для честной, благородной натуры. То-ли дѣло....

— Но вѣдь прійдется отказаться отъ баловъ, толпы блестящихъ поклонниковъ....

— Балы! Что можетъ быть скучнѣе этого чопорнаго бѣснованія въ душной залѣ, въ оковахъ роскошнаго бальнаго наряда?.. А поклонники? Да вѣдь развѣ въ ихъ блостящей лести есть хоть капля искренности?.. Развѣ эти люди отвѣтятъ хоть однимъ болѣе сильнымъ біеніемъ сердца на призывъ несчастной?...

Юноша женихъ растаялъ.

Вотъ сокровище! мечталъ онъ. А сокровище продолжало....

— Проводить всю жизнь съ любимымъ мужемъ, ласкать милыхъ дѣточекъ... какое счастье!...

— Но... есть много непривлекательнаго въ этой жизни: хозяйство, уходъ за дѣтьми...

— Ахъ, Боже мой!.. да развѣ поцалуй мужа, свѣжая улыбка, теплая ласка милаго ребенка не вознаградятъ за всю скуку отъ этихъ занятій, если бы она даже и была, а тѣмъ болѣе....

— Но подумай!.. Кухня, рынокъ....

— Представь, я очень люблю все это? А дѣтей!! Боже мой, да я если увижу на улицѣ оборваннаго, грязнаго ребенка, то обрадуюсь ему не знаю какъ: примусь ласкать его, цѣловать; и рада я, и жалко мнѣ его: такъ бы все кажется ему отдала....

— Добрая, ангельская душа, подумалъ съ умиленіемъ совсѣмъ разстаявшій юноша—женихъ.

И вотъ юноша—женихъ сталъ уже-мужемъ. Тутъ милая его подруга очень скоро сбросила съ себя сладенькую свою личинку и явилась совсѣмъ не сладенькой, а именно:

Мечты, мечты.
Гдѣ ваша сладость
Супругъ, ждалъ ты
Съ ней счастье, радость
А вышла, братъ
Какая гадость!
Мужъ надоѣлъ,
Забыты дѣти;
Такъ много дѣлъ
Безъ нихъ на свѣтѣ:
Графъ Н. прислалъ
Двѣ модныхъ книжки,
Модистка, балъ,
Визитъ, интрижки,
Часы бѣгутъ,
Рубли съ часами,
До мужа-ли тутъ?
Судите сами!

И стала наша идиллическая мечтательница свѣтской барыней изъ самыхъ неугомонныхъ: хозяйство забыто, дѣти тоже, ходятъ грязные, оборванные, проводятъ время въ назидательной бесѣдѣ съ прислугою, мужъ очень рѣдко удостоивается видѣть свою дражайшую половину, а если и видитъ, то разговоръ ихъ бываетъ большей частью въ слѣдующемъ родѣ:

— Послушай, Иванъ Петровичъ.

— Что, мой другъ?

— Дай мнѣ, пожалуста 50 рублей.

— На что тебѣ столько? Давно-ли ты взяла?

— Давно-ли взяла? Странно разсуждаете! Балъ былъ въ собраніи; платье нужно было... Не старое же надѣвать?.. Тамъ былъ графъ А, князь Б, баронъ В....

— Да что тебѣ до нихъ?...

— Какъ что?.. Вотъ прекрасно!...

— И то мой другъ, говорятъ....

— Что такое?.. Вы ревновать?.. какъ это мило, какъ современно!

Дайте-же денегъ, а то мнѣ на кузнецкій мостъ надо ѣхать....

— Да денегъ-то мало; нельзя-ли подождать....

— Ну, все равно, я возьму у князя Б, а ты отдашь....

— Нѣтъ, ужъ лучше я тебѣ дамъ; самъ перебьюсъ какъ нибудь... Ахъ, мой другъ, не о такой семейной жизни ты мнѣ говорила....

— Мало-ли что ни говориться; неужели вы думали, что я въ самомъ дѣлѣ выйду за васъ за-мужъ и сдѣлаюсь вашей первой кухаркой, нянькой и судомойкой? Странныя понятія!.. а еще считаетесь образованнымъ человѣкомъ....

Вотъ это вамъ костюмъ, не правда-ли?

Дадимъ вамъ и другой, въ этомъ-же родѣ, только фасонъ поновѣе: современная эманципированная дѣвица.

Костюмъ тоже хорошенькій; смѣю вамъ рекомендовать:

Платье очень узкое,
Очень плохо сшитое,
Все слова не русскія,
Ручки рѣдко мытыя,
Вѣчно съ папиросами,
Строго грудь закрытая,
Голова вопросами
Всякими набитая
Волосы коротки,
Ни цвѣтовъ, ни лентъ
Словомъ, вы красотка
Въ юбочкѣ—студентъ.

Ну, что-же? Всякій живетъ, какъ знаетъ, всякій живетъ и долженъ жить по своей натурѣ, наклонностямъ, убѣжденіямъ; это будетъ жизнь правильная, естественная.

Но тутъ бы не было маскарада. Нѣтъ, и здѣсь есть маскарадъ, костюмировка, личина.

— Какая цѣль многихъ подобныхъ эманципированныхъ барышенъ?..

— Совершенно таже, что и вышеописанныхъ любительницъ скромной семейной жизни—до брака: выгодное замужество. Только судьбою онѣ поставлены въ другое общество, а потому и должны примѣняться къ нему.

Такъ въ этомъ обществѣ принято восторгаться просвѣщеніемъ, либерализмомъ новыми идеями, посѣщать всевозможныя лекція, устраивать всякія сборища съ гражданскимъ направленіемъ, отрицать все, что прельщало нашу дѣвушку и женщину въ прежнее время: танцы, балы, театры, наряды, семейныя радости женскую стыдливость и скромность, а обнаруживать совершенно противоположныя всему этому наклонности.

И наша дѣвица всѣми силами старается костюмироваться такимъ образомъ и какъ можно ловчѣе скрыть свое пламенное желаніе попасть за мужъ за какого-нибудь юнаго эманципированнаго юношу, у котораго еще не всѣ денежки эманципировались изъ кармана.

Въ библіотеку спѣшитъ,
То на лекцію бѣжитъ,
То уставы для артели
Пишетъ цѣлыя недѣли,
То читаетъ, рѣжетъ трупъ,
То бѣжитъ въ какай-то клубъ
И на грозномъ, женскомъ вѣчѣ
Говоритъ азартно рѣчи,
И ужъ подлинно хлопотъ
Бѣдный дѣвѣ полонъ ротъ.

Ну, и вскорѣ попадетъ за-мужъ за кого желала, или, если не за-мужъ, то... въ гувернантки къ молодому вдовцу, весьма неутѣшному въ своемъ вдовствѣ.

Этотъ костюмъ тоже не дуренъ и—самый новый!

Да и такіе-ли у насъ найдутся еще костюмы!

Вотъ напримѣръ фигура очень честнаго человѣка, который въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ забиралъ постоянно деньги у одного торговца, дѣлалъ, благодаря этому кредиту, большія, прибыльныя дѣла, каждый разъ возвращалъ взятыя деньги, чтобы затѣмъ снова взять еще большую сумму, сошелся съ своимъ кредиторомъ такъ, что другъ безъ друга нигдѣ и наконецъ....

Но вы, читатель, не повѣрите этому концу; однакожъ есть и сейчасъ люди, которые волею-не-волею ему вѣрятъ....

И такъ «вотъ конецъ какой случился», а конецъ, какъ извѣстно, дѣлу вѣнецъ.

Въ одно прекрасное утро честный теловѣкъ взялъ у своего кредитора столько, что долгъ его возросъ тысячъ до пятнадцати и пересталъ его посѣщать.

Кредиторъ однажды является къ нему; ну, здравствуй, какъ поживаешь? и пр.

— А, что, братъ, нужно бы должокъ-то уплатить; вотъ дѣлишки твои идутъ, благодаря намъ, хорошо.

— Какой должокъ?

— А мнѣ-то 15,000!

— Что ты, никакъ съума сошелъ! Я тебѣ ничего не долженъ и никогда у тебя денегъ не бралъ.

Довѣрчивый кредиторъ остолбенѣлъ; у него никакихъ письменныхъ документовъ не было; онъ давалъ на честное слово, какъ хорошему знакомому, дѣльцу, который въ добавокъ всегда акуратно возвращалъ взятое,

— Ты шутишь? сказалъ онъ.

— Нѣтъ, не шучу: я у тебя никакихъ денегъ не бралъ.

— Но послушай....

— Да ты что ко мнѣ пристаешь?.. Эй, дворникъ, выведи вонъ этого человѣка!...

И дворникъ вывелъ этого чоловѣка. А у этого человѣка эти деньги составляли почти все его имущество; говорятъ, чудакъ помѣшался.

Извольте-ка такъ замаскироваться, чтобы васъ лѣтъ пять нельзя было узнать, что вы за звѣрь!.. И послѣ этого вы скажете, что наши костюмы и личины плохи?

Нѣтъ-съ, не плохи.

Да и взгляните, пожалуста, въ наше собраніе костюмовъ: у насъ не только для людей есть разные наряды и личины, но и для каждой вещи, для каждаго чувства, мысли, слова!

Вотъ такъ богатство!

Мы вамъ въ заключенье постараемся предложить маленькій каталогъ нашихъ костюмовъ и масокъ, говоря по нынѣшнему, потѣшныхъ нарядовъ, личинъ и харь, говоря по старинному:

Вотъ крыловская лисица,
Что судьей у куръ была,
Вотъ новѣйшая синица,
Что намъ моря не зажгла;
Близнецовъ сіамскихъ пара,
И редакторъ—либералъ,
Что сперва гасилъ пожары,
Послѣ мысли погашалъ;
Вотъ вамъ доблестный строитель
Нашихъ всяческихъ дорогъ,
Просвѣщенія рачитель,
Филантропъ и педагогъ;
Вотъ съ осанкой благородной
Сочинитель и артистъ,
Секретарь онъ превосходный,
И бухгалтеръ и рѣчистъ
Но нарядъ по живописнѣй
Предложить мы можемъ вамъ:
Вотъ служитель безкорыстный
Всѣмъ общественнымъ мѣстамъ;
Чтитъ обязанность святую
Онъ отечества сыновъ
И, за тысячу—другую,
Онъ „почетнымъ“ быть готовъ.

Словомъ всякіе наряды
Предложить мы можемъ вамъ,
Все найдете, что вамъ надо
По умѣреннымъ цѣнамъ:
И писаку, что безъ толку
Льститъ вельможамъ во всю мочь;
И святую богомолку
Что понѣжиться не прочь;
И тартюфовъ очень многихъ,
Кроткихъ агнецовъ на видъ,
И мамашу нравовъ строгихъ,
Съ той поры, какъ не грѣшитъ;
Слугъ обманчиво покорныхъ,
Лживыхъ взглядовъ, лгущихъ фразъ
Ханжества и чувствъ притворныхъ
Все найдете вы у насъ.

Ну, не хорошъ ли нашъ сборникъ костюмовъ для вашего удовольствія, не разнообразенъ-ли, не потѣшенъ-ли нашъ масляничный маскарадъ?—Повеселитесь же на немъ, нашъ снисходительный читатель.

5.

По случаю масляницы можетъ быть вы устроите у себя домашній спектакль. Такъ вотъ вамъ кстати очень веселенькій водевильчикъ, который я нашелъ у себя на дняхъ въ бумагахъ; написанъ онъ впрочемъ не мною и называется:

УПРОЩЕННОЕ ПРАВОПИСАНІЕ.

Шутка съ куплетами.

въ 2-хъ дѣйствіяхъ.

Дѣйствующія лица.

Савва Саввичъ Завихряевъ, отставной маіоръ, помѣщикъ, плотоядный, до ржанаго хлѣба весьма падокъ. Веселый толстякъ.

Нимфодора Никандровна, его жена, поджарая не красивая барыня, съ претензіями на современность и начитанность. Полуграмотная, сильно жеманится и манерничаетъ. Съ нѣжнымъ и пылкимъ сердцемъ.

Уличный книгопродавецъ.

— Чудакъ баринъ! Назвалъ меня тряпичникомъ литеретуры.

Александръ Ивановичъ Крестовоздвиженскій, юный, непризнаный литераторъ, изъ семинаристовъ. Занятъ исключительно собой. Солидно и умѣренно либераленъ. Многословенъ и высокопаренъ. Живетъ гувернеромъ у другаго помѣщика того же села.

Дуняша. Апетитная горничная, уже не первой молодости. Желаетъ сочетаться законнымъ бракомъ и тѣмъ упрочить свое общественное положеніе. Претендуетъ на нѣкую признательность со стороны главы барскаго семейства за ревностную нѣкогда службу и потому важничаетъ. Впрочемъ все это не мѣшаетъ ея дружескимъ отношеніями къ барынѣ.

Прохорычъ маститый стараго покроя дворецкій сосѣдняго помѣщика, скопившій на старость нѣкія крупицы отъ барскихъ достатковъ. Задумалъ обрачиться, но солидно. Знаетъ себѣ цѣну и вообще резонеръ. Трусливъ при господахъ—ходитъ въ ливреѣ.

Дѣйствіе происходитъ лѣтомъ въ селѣ помѣщика Завихряева въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы во времена крѣпостныя.

ДѢЙСТВІЕ I-е.

Литературно-ученый кабинетъ современной эманципированной дамы. Книги, газеты, литографированныя тетради, портреты разныхъ современныхъ дѣятелей по стѣнамъ. Мягкая мебель. Пыль и неряшество. Двѣ двери.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Дуняша живописно раскинулась на диванѣ и куритъ барынину папироску.

Ужасть просто, какъ скучно! Погубить свою молодость и красоту въ ефтой деревнѣ! Все такое мужичье необразованное! Да ужъ и лакуферы ефти несчастные—только и наровятъ, какъ бы невѣжество тебѣ какое сдѣлать. Какъ бы не такъ-сейчасъ связалась съ вами; держи карманъ! Баринъ ефтотъ—хуже горькой рѣдьки надоѣлъ; да кажись онъ и самъ уже не прочь меня съ рукъ скачать—что же? выдай за-мужъ, да денежекъ не пожалѣй. Нешто плакать объ васъ станутъ? Вотъ хошь бы за Прохорыча—конечно, онъ изъ себя совсѣмъ неавантажный, да и старый. Ну, да плевать, ефтакіе, говорятъ, еще лучше въ мужьяхъ-то бываютъ. Эхъ, въ Питенбурхъ бы съѣздить... то-то городъ, великатесъ просто... бланманже... (Слышенъ звонокъ. Дуняша вскакиваетъ, тушитъ въ попыхахъ папироску и бросается изъ комнаты).

ЯВЛЕНІЕ 2.

Нимфодора Никандровна и за ней Дуняша. Нимфодора Никандровна небрежно бросаетъ бурнусъ Дуняшѣ, а потомъ книги и тетради на столъ и опускается въ изнеможеніи на диванъ. Дуняша стоитъ у дверей).

Нимфодора Никандровна. Фу, какъ устала! Ахъ Дуняша, не повѣришь что за скандалъ случился на публичной лекціи профессора Катонтіева; просто пассажъ!

Дуняша. Ахъ барыня какія страсти!

Нимфодора Никандровна. Ахъ, Дуняша, просто неизобразимо! Душенька, говорю, неизобразимо! Это буквально демонстрація!

Дуняша. Ахти матушки мой! Святые угодники, спасите насъ?

Нимфодора Никандровна. Фи, Дуняша, какая ты дура! Когда ты наконецъ цивилизуешься? Поди прочь! подай папироску! (Дуняша закуриваетъ папироску, подаетъ ее, на-лету цѣлуетъ ручку барыни,) дура! Дай сюда лекціи—столикъ, чернильницу и перо! (Дуняша подаетъ). Я сломя голову скакала домой-чтобы не забыть, что читалъ профессоръ. А то иначе не поправишь низачто... (Беретъ листъ, весь записанный каракулями) Ты не можешь представить себѣ, Дуняша, минутку опоздать поправить... и прощай лекція, ничего не разберешь!...

Дуняша. Скажите пожалуста!

Нимфодора Никандровна (принимается за поправку лекціи. Дуняша хочетъ убрать на столѣ.) Оставь!.. (Дуняша оставляетъ): убирать теперь не принято... Это лирическій безпорядокъ: это... Ахъ, Дуняша, и Александръ Ивановичъ былъ!...

Дуняша. Тоже записывали?...

Нимфодора Никандровна. Какъ можно! Онъ вѣдь литераторъ... Онъ даже и не слушалъ, наблюдалъ публику. (Поправляетъ лекцію и говоритъ.) Боже... какъ это трудно!.. ничего не разбираю... Да и забыла все... Боже мой!

Дуняша. Да вы бы подождали—можетъ, Александръ Ивановичъ будетъ сегодня; они чай, ефто все знаютъ.

Нимфодора Никандровна. Разумѣется... Да все неловко!.. Ты этого не можешь понять....

Дуняша. А вѣдь они очень изъ себя недурненькіе, Нимфодора Никандровна?...

Нимфодора Никадровна. Да, bel homme... Но, уйди ты, пожалуста, трещотка... вотъ я чрезъ тебя все перепутала... (Дуняша уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 3.

Нимфодора Никандровна одна. Какъ этотъ простой народъ мало еще у насъ развитъ! Удивительно! Никакіе высшіе интересы его не волнуютъ!.. Надо, однакожъ, это поправить (принимается за тетрадь)... Александръ Ивановичъ какъ-то холоденъ, въ немъ мало этаго... поэтическаго жару!.. Но онъ больше, кажется, критикъ... Не могу понять что тутъ... хоть убей!.. (Бросаетъ перо). Освистали! И профессоръ говорилъ, и еще разныя лица; все это съ такимъ увлеченіемъ?.. Шиканье, свистки... рѣзко выражались!.. Нѣтъ, что ни говорите, а наше молодое поколѣніе... Впрочемъ, подожду, что объ этомъ произшествіи скажетъ Современникъ... Ахъ, душка Современникъ!.. (Входитъ мужъ въ военномъ сюртукѣ и съ коротенькой трубкой).

ЯВЛЕНІЕ 4.

Савва Саввичъ. Ты вернулась? (Жена не обращаетъ на него вниманія. Смотритъ въ тетрадь). А лошадей не выпрягли. Приказать надо было. Человѣкъ!!

Нимфодора Никандровна. Ахъ, отстань!.. Мѣшаешь!.. Забыла приказать... Самъ можешь....

Савва Саввичъ. Я всегда тебѣ мѣшаю... Ну, уйду! Съ лекціи?

Нимфодора Никандровна. Да, да, да! Отстанешь-ли? наказаніе какое!

Савва Саввичъ. Уйду, матушка, уйду!.. (идетъ къ дверямъ). Съ тѣхъ поръ какъ на эти публичныя лекціи стала ѣздить каждый день въ Москву... и приступу къ ней нѣтъ... всѣхъ лошадей загнала... (хочетъ отворить дверь. Сталкивается съ Дуняшей, которая вбѣгаетъ въ попыхахъ).

ЯВЛЕНІЕ 5.

Савва Саввичь. (отскакиваетъ) фу, мать моя! Экъ тебя дернуло!.. Горитъ, что-ли? Вишь, загорѣлось... ха, ха, ха!.. Чуть съ ногъ не сшибла!.. Этакая, судырь мой, бобелина наскочитъ на тебя... ха, ха, ха!... сокрушить во цвѣтѣ лѣтъ!...

Дуняша. Вы, баринъ, завсегда надсмѣхаетесь... Барыня, Александръ Ивановичъ....

Нимфодора Никандровна. Что, что?.. (Вскакиваетъ)....

Дуняша Александръ Ивановичъ пожаловали....

Нимфодора Никандровна. Проси! Что же ты стоишь?.. (Дуняша бѣжитъ).. Ахъ, Господи! Я въ такомъ неглиже!.. Т. е. слишкомъ нарядно!.. Какъ была въ Москвѣ... (суетится, мужъ на нее смотритъ насмѣшливо)... Ты что сталъ, какъ пень?.. (Мужъ сѣлъ). А онъ еще сѣлъ!.. Поди встрѣчай... Ахъ, ты и не мылся сегодня, кажется!.. не брился?.. Страмъ какой!...

Савва Саввичъ. Эхъ, мать моя....

Нимфодора Никандровна. Отстанешь-ли ты отъ этой скверной привычки называть такъ меня... Какая я тебѣ мать?...

Савва Саввичъ. Отставалъ... пробовалъ... не могу!.. Нѣтъ, я лучше въ самомъ дѣлѣ уйду (уходитъ въ другую дверь).

ЯВЛЕНІЕ 6.

Входитъ Александръ Ивановичъ и жеманно раскланивается. Нимфодора Никандровна подаетъ ему руку:)

Нимфодора Никандровна. Charmée... прошу садиться, (указываетъ на диванъ подлѣ себя.)

Александръ Ивановичъ. Вы были на лекціи... я имѣлъ удовольствіе васъ видѣть... Вы ревностная, кажется, послѣдовательница доктринъ....

Нимфодора Никандровна. Ахъ помилуйте!.. я такъ мало подготовлена... Мы женщины,... наше образованіе такъ жалко, такъ несовременно....

Александръ Ивановичъ. О, вы сами Нимфодора Никандровна, представляете собою краснорѣчивѣйшее опроверженіе... вы такъ усердно посѣщаете наши бѣдныя усилія.... наши первые проблески свободнаго публичнаго слова... такъ акуратно записываете... я, видите ли, замѣтилъ....

Нимфодора Никандровна. Благодарствую... очень лестно... но какъ же иначе? Вѣдь публичныя лекціи... это... это... протестація.. это заявленіе....

Александръ Ивановичъ. Вы совершенно правы, Нимфодора Никандровна и съ вашими мнѣніями нельзя не согласиться во всѣхъ отношеніяхъ. Но, къ сожалѣнію,... вы видѣли... сегодня!..

Нимфодора Никандровна. Ваше мнѣніе желала бы я узнать... Александръ Ивановичъ... мнѣніе русской критики... вѣдь вы больше критикамъ посвящаете свою литературную дѣятельность?

Александръ Ивановичъ. Да, я преимущественно критикъ... но впрочемъ... не все же отрицаніе... надо иногда имъ сказать и положительное слово... знаете, облечь это въ форму популярно-ученой статьи...

Нимфодора Никандровна. Вы много пишете?.. Позвольте этотъ нескромный вопросъ.

Александръ Ивановичъ. Помилуйте... О да!.. Но больше подъ псевдонимомъ знаете... не хочу ихъ стѣснить авторитетомъ имени; да и многіе изъ этихъ господъ... мои хорошіе знакомые... согласитесь... правда глаза колетъ... въ особенности правда, облеченная во всеоружіе сціентифическихъ аргументовъ... Потому я рѣшился не подписывать....

Нимфодора Никандровна. Но могу-ли надѣяться... конечно не теперь... но впослѣдствіи... когда ближе познакомимся... что вы удостоите посвятить меня хоть немножко въ тайны вашей авторской славы... приподнять завѣсу.

Александръ Ивановичъ. Ахъ, съ величайшѣмъ удовольствіемъ!.. Теплое участіе женщины... (зѣваетъ)....

Нимфодора Никандровна. Вы устали? Много, вѣрно, вчера работали?

Александръ Ивановичъ. Всю ночь просидѣлъ... серьезная статья... Требуетъ громаднѣйшей эрудиціи... о вліяніи буквы Ѳ на характеръ и тенденціи русской литературы....

Нимфодора Никандровна. Ахъ, какъ это должно быть любопытно!.. А кстати: что наша орфографія?.. Вѣдь вы кажется, избраны въ президенты?...

Александръ Ивановичъ. Нѣтъ, я остался скромнымъ членомъ... отклонилъ эту честь, но дѣйствую неуклонно... Вопросъ важный!!. Удивительно упростится правописаніе... да притомъ будетъ основано на почвѣ чисто національной... множество буквъ совершенно изгоняются....

Нимфодора Никандровна. Ахъ какой прогрé? Это просто революція... и, подумаешь, нашему вѣку будетъ принадлежать честь этой радикальной реформы... Ужъ Русскій Вѣстникъ... не даромъ новыя буквы ввелъ... онъ провидѣлъ, что старыя будутъ признаны негодными....

Александръ Ивановичъ. Да, но... дѣло видите, собственно въ томъ, что... Впрочемъ, если позволите, я вамъ сообщу въ рукописи приготовленный мною проектъ... преобразованія, кореннаго....

Нимфодора Никандровна. Ахъ какъ это мило съ вашей стороны!.. Merci, Александръ Ивановичъ... и въ рукописи... c'est charmant... Я тоже на дняхъ попробовала свои силы... Позвольте, я вамъ прочитаю... (поднимается и идетъ къ столу).

Александръ Ивановичъ (въ смущеніи). Много обязанъ... но... (Нимфодора Никандровна вопросительно на него смотритъ)... я считаю еще себя слишкомъ... я едва-ли долженъ рѣшаться руководить вашъ талантъ (въ сторону) что-то очень толстое несетъ... эхъ, убраться бы поскорѣе... да мнѣ нужно этого стараго бурбона... денегъ хочу занять... чертъ знаетъ куда убрался... (Нимфодора Никандровна садится съ толстой тетрадью. Александръ Ивановичъ вздохнувъ, тоже садится. Молчаніе. Нимфодора Никандровна вертитъ листы, Александръ Ивановичъ шляпу и поглядываетъ на дверь).

Нимфодора Никандровна. Это повѣсть моего прошлаго...

Александръ Ивановичъ. Да-съ... (молчаніе).

Нимфодора Никандровна. Правдивая повѣсть... Я должна предварительно....

Александръ Ивановичъ. Конечно... но (въ сторону) хоть бы мужъ, что-ли, пришелъ... на выручку....

Нимфодора Никандровна (откашлявшись, начинаетъ читать) Не помню, какой великій писатель сказалъ: жить, это страдать....

(Входитъ мужъ—Жена бросаетъ рукопись съ гнѣвомъ, а Александръ Ивановичъ бросается къ нему, какъ къ избавителю).

ЯВЛЕНІЕ 7

Савва Саввичъ. Здравія желаю! (дѣлаетъ подъ козырекъ) Банжуръ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ—забыли, забыли насъ! Грѣшно, камрадъ, грѣшно.

(Нимфодора Никандровна многозначительно и насмѣшливо глядитъ на Александра Ивановича и указываетъ на мужа.

Александръ Ивановичъ отвѣчаетъ ей жестами).

Александръ Ивановичъ. Каюсь, каюсь торжественно, почтеннѣйшій Савва Саввичъ и впредь обѣщаю быть исправнѣе. Но, знаете, литература....

Савва Саввичъ. Служба, значитъ—тэкъ-съ... хе, хе. На краа-улъ, скорымъ шагомъ, маршъ!

Александръ Ивановичъ (иронически смѣется) Это бы еще ничего—да вотъ бѣда—не только скорымъ шагомъ, но и вовсе не маршируетъ впередъ....

Савва Саввичъ. Стало быть: стой, равняйсь! Смирно! Руки пошвамъ! Такъ и слѣдуетъ вашего брата... хе, хе!...

Нимфодора Никандровна. Это профаниція литературы!.. Вы Александръ Ивановичъ, извините моего мужа: онъ все не можетъ забыть военной команды.

Савва Саввичъ. Команда вещь первостатейная! Вотъ бы васъ всѣхъ писателей то на площадь, да выстроить... въ струнку! да проморить часовъ 10 сряду на ученьи... Посмотрѣлъ бы я на васъ ха, ха, ха. Во время оно я даже на этотъ счетъ пѣсенку сочинилъ подъ нашъ маршъ:

Вольничать будетъ друзья:
Шутишь, ата́нде,
Слушать каманду!
Гаркнулъ бы я.
Къ носу поднесъ бы кулакъ:
Трамъ, та ра рамъ,
Руки по швамъ!
Вотъ у насъ какъ—
. . . . . .

Я вѣдь въ полку былъ тоже въ свое время не послѣдній риѳмоплетъ—такія закомуристыя штучки отмачивалъ... А нынѣшніе офицеры что!.. Пшикъ!...

Нимфодора Никапоровна. Ахъ mon ami... ты постыдился бы Александра Ивановича.

Александръ Ивановичъ. Ничего, ничего... небезпокойтесь, Савва Саввичъ....

Савва Саввичъ. До что вы сегодня кислые какіе?.. Жена... точно фухтелями тебя начальство удостоило... Да и вы Александръ Ивановичъ будто не солоно хлебали, хе, хе,.. Ты бы мамочка... хоть бы спѣла что-нибудь!.. Она вѣдь у меня пѣвица....

Александръ Ивановичъ. Скажите, такъ вы обладаете и музыкальнымъ талантомъ?

Нимфодора Никандровна. Нѣтъ это пустяки... когда-то учились... но теперь... холодная проза... изчезло вдохновеніе.

Александръ Ивановичъ. Пожалуста... спойте что-нибудь національное... нынѣ вѣдь это въ модѣ (иронически) духъ времени... повѣтріе... кризисъ!...

Нимфодора Никандровна. Ахъ, какой вы юмористъ... Вы опасный человѣкъ!.. Но что-же я вамъ спою?.. (садится за старое, разбитое фортепьяно). Право, не знаю....

Савва Саввичъ. Эхъ, ужъ эти барыни... никакъ нельзя, чтобы не покобениться... По моему, сѣла... ну и зашкваривай!....

Нимфодора Никандровна (Указывая на мужа головою) Вѣдь это въ состояніи испугать какую угодно смѣлую фантазію... (дурно прелюдируетъ)... Что же бы?.. Ахъ знаю... (начинаетъ пѣть. Савва Саввичъ садится въ кресло и понемногу засыпаетъ. Александръ Ивановичъ все больше и больше пріятно удивленъ; Нимфодора Никандровна поетъ до крайности комично изыскано).

Люди добрые внемлите
Печали сердца моего
Мою скорбь вы всѣ поймете;
Ахъ зачѣмъ люблю его?

(Смотритъ нѣжно на Александра Ивановича и поетъ визгливо).

Ты меня полюбилъ.
Ды меня погубилъ.

(Александръ Ивановичъ пожимаетъ плечами въ недоумѣніи, говоря про себя; вотъ напраслина! Мужъ отъ этого припѣва просыпается, вздрагиваетъ, но засыпаетъ опять).

Александръ Ивановичъ. Но, виноватъ... слова этого извѣстнаго романа, кажется, немножко не тѣ?...

Нимфодора Никандровна. Да... но я ихъ измѣнила нѣсколько... въ минуту душевной невзгоды... какъ сказалъ Пушкинъ.

Александръ Ивановичъ. Лермонтовъ.

Нимфодора Никандровна. Какъ? Но впрочемъ, вамъ и книги въ руки....

Александръ Ивановичъ. Продолжайте, Нимфодора Никандровна... прошу васъ... Вы такъ прелестно поете (въ сторону). Пусть ужъ лучше поетъ... а то опять читать примется....

Нимфодора Никандровна (поетъ, нѣжно поглядывая на Александра Ивановича).

Ахъ, тебя я недостойна,
Души моей ты идеалъ,
Я сгораю страстью знойной
Ты меня очаровалъ } (впзгливо)
Ты меня полюбилъ }
Ты меня погубилъ...:

(мужъ вскакиваетъ—опять садится)

Александръ Ивановичъ. Превосходно!.. Но вы себя разстраиваете у васъ удивительно чувствительное сердце, Нимфодора Никандровна....

Нимфодора Никандровна. Ахъ, вы не знаете... вы не можете понять, какъ я несчастна (очень разчувствовались.)

Александръ Ивановичъ (въ сторону) часъ отъ часу не легче!.. А мужъ спитъ!.. Господи, за что наказываешь меня!...

(Нимфодора Никандровна посидѣвъ нѣсколько въ грустной задумчивости, обращается къ Александру Ивановичу, глубоко вздыхая).

Нимфодора Никандровна. Вы не музыкантъ?.. А то дуэтомъ бы спѣли... что нибудь. Я съ такимъ удовольствіемъ спѣла бы съ вами... съ такимъ удовольствіемъ....

Александръ Ивановичъ. Вы слишкомъ любезны... Нимфодора Никандровна... Впрочемъ, я и пою....

Нимфодора Никандровна. Не ужели!.. Ахъ скажите! Я предчувствовала... Я была увѣрена, что такой совершенный мущина... какъ вы... непремѣнно... поетъ!..

Но что-же спѣть намъ? Изъ оперъ?.. (опять прелюдируетъ что-то). Но слова опять будутъ мои... (нѣжно смотритъ на Александра Ивановича)....

Александръ Ивановичъ. Тѣмъ лучше....

Нимфодора Никандровна. Ближе къ сердцу... пусть сердце сердцу вѣсть подаетъ....

Савва Саввичъ (въ просонкахъ). Что же она не поетъ!.. А я люблю всхрапнуть до обѣда подъ пѣніе своей мамочки... (засыпаетъ).

Александръ Ивановичъ (въ сторону). Что она хочетъ этимъ сказать?.. Интрижку?.. Да хоть въ тѣлѣ была, а то вонъ выжига какая... (ей) но позвольте въ такомъ случаѣ и мнѣ импровизировать подъ вашъ мотивъ (въ сторону) чего не сдѣлаешь отъ скуки? Да и показать ужъ ей себя, пусть страдаетъ... какъ говаривалъ нѣкій поручикъ.

Нимфодора Никандровна (поетъ на мотивъ: осѣдлаю коня)

Осѣдлаю коня
Коня быстраго
Убѣгу въ темный лѣсъ
Съ идеаломъ моимъ.
Ахъ прощай старый мужъ,
Въ темный лѣсъ я бѣгу
На грудь кинусь къ нему
Страстно къ сердцу прижму

(Мужъ вскакиваетъ и скоро ходитъ по комнатѣ).

Александръ Ивановичъ. Браво!.. браво! да и какіе прекрасные стихи?...

Нимфодора Никандровна. Ахъ, Александръ Ивановичь... да это еще только начало....

Александръ Ивановичъ (въ сторону) батюшки—свѣты! Пропалъ я совсѣмъ!

Савва Саввичъ. Ты сегодня моя мамочка... какъ-то особенно громко поешь... не разстроились бы нервы... охъ, вы не знаете, Александръ Ивановичь, что она очень нервная... а вѣдь бѣда, какъ нервы разстроятся, доложу вамъ... Просто вонъ бѣги. Вы мнѣ повѣрьте... я не даромъ мужемъ называюсь... вотъ у меня гдѣ всѣ эти нервы сидятъ... (показываетъ на шею).

Нимфодора Никандровна. Ахъ... mon ami... ты опять заговорилъ, а я думала, ты спишь... (прелюдируетъ) Что-же не импровизировали Александръ Ивановичъ?

Александръ Ивановичъ (любезно). Вашъ конь такъ быстро мчался, что моя импровизація за нимъ не поспѣла....

Нимфодора Никандровна. Ахъ, какой вы юмористъ, право... Вы знаете второй голосъ пловцевъ?

Александръ Ивановичъ. Знаю... мы его еще въ семи... хмъ!

Нимфодора Никандровна. Что-съ?

Александръ Ивановичъ. Я говорю, мы его въ семействѣ знакомомъ недавно пѣли.

Нимфодора Никандровна. И прекрасно. Импровизируйте-жь теперь: я такъ страстно желаю услышать вашу импровизацію. А я ужъ теперь спою слова романса, потому-что своихъ еще не прибрала....

Александръ Ивановичъ (въ сторону) и слава Богу! (становится въ картинную позу за фортепьяно, ерошитъ волосы и вообще рисуется. Нимфодора Никандровна поетъ извѣстныя слова «по рѣкѣ внизъ по широкой»—а онъ вторымъ голосомъ, неохотно, слѣдующій куплетъ;)

Ахъ зачѣмъ ты сердце хладно
Жаръ остылъ зачѣмъ въ крови,
Ахъ, какъ было бы отрадно
Чашу пить съ тобой любви...

Нимфодора Никандровна. Безподобно!!. и какое inversion въ послѣднемъ стихѣ! (шутливо) Поэтическая вольность... не правда-ли?.. Но зачѣмъ жаръ остылъ? Но будемъ-те продолжать... (начинаетъ второй куплетъ, Александръ Ивановичъ импровизируетъ).

Но увы, я, пламя страсти....

(и на высокой нотѣ страшно фальшивитъ; мужъ опять вскакиваетъ; пѣвецъ конфузится нѣсколько и говоритъ, полушутя).

Нѣтъ, такъ пѣть безбожно... да и импровизація крайне плоха... Будетъ, будетъ!

Нимфодора Никандровна (которая сперва такъ распѣлась, что и не замѣтила остановки, прійдя въ себя, смѣется). Ахъ, ничего, ничего, продолжайте... вѣдь нельзя же безъ этого... А тамъ allegro такое страстное пойдетъ....

Александръ Ивановичъ (въ сторону) Экъ она любитъ страстные allegro... (ей) Нѣтъ, извините, Нимфодора Никандровна, я рѣшительно отказываюсь....

Нимфодора Никандровна (нѣсколько обиженнымъ тономъ). Ахъ, какой же жестокій!.. Лишать меня наслажденія....

Савва Саввичъ Ну, если, Александръ Ивановичъ не хочетъ, то я эту Алегру спою—я знаю ее. Валяй мамочка....

Нимфодора Никандровна (съ неудовольствіемъ). Вотъ еще!.. Ты никогда не умѣешь попасть... въ тонъ....

Савва Саввичъ. Попаду, ей, ей... вотъ ты начни только...

(поетъ на мотивъ «рѣка шумитъ»).

Жена моя ей богу вретъ
Что мужъ ей въ тонъ не попадетъ,

Нимфодора Никандровна. Ай, ай!.. что это ты! какъ это можно!.. вретъ!..

Савва Саввичъ. Вотъ видишь... Ну, развѣ не попалъ? А... ха, ха, ха!.. Александръ Ивановичъ? Развѣ не попалъ?.. Впрочемъ... что ни говорить, а пора и червячка заморить... Человѣкъ!! то есть хоть Дуняша, обѣдать, бестіи! Александръ Ивановичъ, вы съ нами? А послѣ обѣда соснуть! храповицкаго задить?

Нимфодора Никандровна. Надѣюсь, что Александръ Ивановичъ будетъ такъ любезенъ....

Александръ Ивановичъ. Благодарю очень бы радъ но никакъ не могу обѣдать у васъ сегодня,.. я спѣшу... мое почтеніе...

Нимфодора Никандровна (встаетъ)... Вѣчно помѣхи... Ахъ эти гг. литераторы.

Савва Саввичъ. Жаль, жаль—а какъ важно бы накормили васъ, на убой, просто: а потомъ бы соснули....

Александръ Ивановичъ. Кто нынче спитъ?.. почтенный Савва Саввичъ?

Савва Саввичъ. Нѣтъ, я какъ погляжу, такъ и нынче всѣ также спятъ, какъ и прежде спали... что ни толкуйте вы тамъ, господа сочинители...

(Александръ Ивановичъ раскланивается и уходитъ Савва Саввичъ его провожаетъ).

Нимфодора Никандровна. До свиданія, Александръ Ивановичъ до скораго, пріятнаго свиданія.

ЯВЛЕНІЕ 8.

Нимфодора Никандровна (одна. Въ величайшемъ восторгѣ. То ходитъ, то растянется на диванѣ, то по клавишамъ побренчитъ).

Очаровательный!.. Какъ любезенъ, остроуменъ? И при томъ сколько солидности въ сужденіяхъ!.. Вотъ какова современная молодежъ!.. Напрасно Тургеневъ ее считаетъ такою холодною... Нѣтъ, его Базаровъ, конечно, мастерски изображенъ... но, по моему мнѣнію, это одна сторона молодости: холодный умъ... а пламенное, глубокое чувство?.. это вѣрно кто нибудь вскорѣ намъ представитъ въ романѣ. Ахъ Тургеневъ!. Да вѣдь онъ художникъ.., такъ, кажется, сказалъ Современникъ или Русскій Вѣстникъ. Но Александръ Ивановичъ! Ахъ, какъ милъ! Просто, герой романа! Я чувствую, что къ нему не равнодушна... просто, такъ и чувствую, что таю... таю... при немъ... Неужели онъ можетъ оставаться равнодушнымъ къ моимъ пламеннымъ взорамъ... страстнымъ вздохамъ?.. Ахъ, неужто и этотъ романъ остановится на первой страницѣ?.. неужто онъ будетъ холоденъ... безчувственъ?.. Онъ любитъ, вѣроятно, когда имъ восхищаются... какъ всѣ геніальные люди... Постойте! Я ему какъ нибудь спою... стишки Катерины Петровны... за свои выдамъ... ничего! (подходитъ къ фортепьяно) экая противная эта Катерина Петровна! Представить себѣ не можете!.. Маленькая, толстая... носъ какъ вишня владимірская... (жестикулируетъ)... черномазая, точно трубочистъ... а всѣ мущины такъ и бѣгаютъ за ней... Ни таліи... ни стройности въ дваженіяхъ... (жесты)... просто чугунная тумба. Ахъ. мущины, мущины! Когда вы научитесь понимать женщинъ... плѣнятся истинной красотой... (охорашивается)... А вѣдь стихи какіе пишетъ, даромъ что тумба. Послушайте... (садится за фортепьяно) посудите сами!.. Ну не досадно-ли? (прелюдируетъ и поетъ на страстный мотивъ).

Ахъ молодежъ современная, душка?
Прочь предразсудки, долой старина!
Жизни вопросы—пустая игрушка!
Какъ ихъ легко разрѣшаетъ она!

Какъ она счастлива вѣчнымъ сомнѣніемъ,
Какъ она вѣруетъ въ силы свои!
Какъ дорожитъ она собственнымъ мнѣніемъ
Сколько въ ней къ слабымъ - созданьямъ любви!

(входитъ Дуняша съ Прохорычемъ).

ЯВЛЕНІЕ. 9.

(Нимфодора Никандровна съ досадой оборачивается къ нимъ. Прохорычъ, комически нарядный мнется и украдкой, но очень нѣжно поглядываетъ на Дуняшу. Дуняша съ нимъ довольно нахально но холодно кокетничаетъ. Во все продолженіе этой сцены Прохорычъ пытается что то тайно передать Дуняшѣ, но не рѣшается).

Нимфодора Никандровна. Что скажете? Лѣзутъ тутъ... мѣшаютъ дѣломъ заниматься... ну?

Дуняша (фамильярно). А вотъ сударыня, Прохорычъ съ запиской отъ Александра Ивановича.

Нимфодора Никандровна (въ сторону). Какое счастье!... скажите!.. (ему) давай скорѣе!...

(Прохорычъ мнетъ въ лѣвой рукѣ двѣ записки и хочетъ одну передать Дуняшѣ, которая перемигивается съ барыней).

Что-же?.. Давай братецъ!.. Здоровъ Александръ Ивановичъ?

Прохорычъ (все подступаетъ къ Дуняшѣ и суетъ записку) честь имѣю... то-есть въ добромъ здоровьи-съ... изволятъ себя чувствовать-съ... Приказали... презентовать-съ... (Дуняша замѣтивъ, что онъ ей подаетъ что-то, быстро и украдкой взяла записку и тотчасъ спрятала).

Нимфодора Никандровна. Потерялъ?.. Ахъ Боже мой!.. (ломаетъ руки).

Дуняша смѣется, глядя на Прохорыча).

Прохорычь. Скачалъ!.. кажись не хитрая штука... записочку передать, а въ потъ броситъ проклятая... (подаетъ записку Нимфодорѣ Никандровнѣ...) Уфъ!.. (утирается платкомъ).. Приказали-съ т. е. на счетъ отвѣта-съ... (Дуняша въ это время украдкой читаетъ свою записку, когда барыня не смотритъ, и больше и больше удивляется и хмурится. Барыня тоже удивляется, глядя въ записку, но, напротивъ, дѣлается все веселѣе).

Нимфодора Никандровна (въ сторону). Очень странно!.. Каковъ!.. (Прохорычу) спасибо, любезный... но отвѣтъ я пришлю... (Прохорычъ все охорашивается и умильно поглядываетъ на Дуняшу)... Кланяйся Александру Ивановичу... очень, очень поблагодари....

Прохорычъ. Буду кланяться... безпремѣнно буду... счастливо остоваться... т. е. честь имѣю просить прощенія....

(Нимфодора Никандровна въ недоумѣніи глядитъ на Прохорыча, который, все кланяясь, отступаетъ къ дверямъ).

ЯВЛЕНІЕ 10.

Нимфодора Никандровна. Ахъ, Дуняша, какое счастье! какое неизобразимое блаженство!...

Дуняша. Ахъ сударыня, горе какое?.. подлецъ какой!

Нимфодора Никандровна. Кто, дура ты этакая?

Дуняша. Онъ, барыня... чтобы его разорвало!.. Ужъ простите меня... я не смѣла, да больно зло взяло....

Нимфодора Никандровна. Что ты, что ты, съ ума что-ли сошла!.. Не понимаю! Поди ты? (смотритъ въ записку). Ахъ, какъ мило! Вотъ послушай, Дуняша.

Дуняша (въ сторону). Ну ее... все съ амурами со своѣми! опротивѣла совсѣмъ?.. Мало ей толстяка-то!.. (ей) отъ Александра Ивановича!

Нимфодора Никандровна. Да, да, дитя мое... Пишетъ-то, пишетъ какъ?

Дуняша. Чай и не поймешь ничего; какіе нибудь бельмесы да куралесы вмѣсто русскихъ словъ натыканы!

Нимфодора Никандровна. Ахъ какая дура ты! Напротивъ! Вотъ слушай: (читаетъ) «Краля моя писаная красоты не описанной Саша ангелъ какъ не стыдно сердце взять и не отдать я очинно страдаю и отъ васъ большую муку принимаю по ефтому слезно васъ прошу не ради чего инаго другаго а только что гля блезиру и значитъ потолковать о чемъ слѣдуетъ пожалуйте сегодня вечеромъ въ садъ на свиданіе потому я человѣкъ степенный и баловствомъ да азарствомъ не занимась, а будете всѣмъ довольны я здоровъ чего и вамъ желаю вашъ по гробъ жизни». Каково! Вѣдь это чисто по русски, не правда-ли?

Дуняша. Да что ефто, сударыня, точно нашъ лакуферъ писалъ? Господи ефтакъ никогда, кажись, не пишутъ? Право.

Нимфодора Никандровна. Ахъ, глупенькая, глупенькая! Это писано по новѣйшей, упрощенной, орфографіи, основанной на національной почвѣ!

Дуняша. Опять вы бельмесами заговорили?

Нимфодора Никандровна (не слушая ея). Каково! Скажите!! Даже въ пылу страсти онъ не забываетъ высшихъ интересовъ!.. Въ садъ на свиданіе!. Непремѣнно буду! Ахъ какой онъ charmant!.. (опять смотритъ въ записку. Дуняша между тѣмъ читаетъ свою)... прелесть! ни прописныхъ буквъ, ни знаковъ препинанія, ни ятей... нигдѣ ни одного ятя! (подпрыгиваетъ). Ахъ, какъ это весело!! Только зачѣмъ языкъ-то какъ будто въ самомъ дѣлѣ лакейскій?...

Дуняша. И впрямь... ровно лакусъ необразованный наваракалъ, ей, ей, сударыня! Лопни мои глаза!..

Нимфодора Никандровна. Ахъ какой вздоръ, Дуняша! Это національный языкъ!.. какой, въ самомъ дѣлѣ странный! А въ моду не на шутку начинаетъ входить!.. Учиться надо... но гдѣ! (къ публикѣ) ахъ какое затрудненіе, господа? Извольте тутъ придумать, гдѣ выучиться намъ національному языку!... (закрывая лице, бѣгаетъ по сценѣ)... Божей мой?.. Вотъ изволь тутъ отвѣчать ему!.. Что дѣлать, что дѣлать,... (Поетъ на мотивъ «ахъ подруженьки». Дуняша сперва смотритъ на нее,, качая отрицательно головой, а потомъ и сама подпѣваетъ)

Ахъ какое затрудненье!
Какъ отвѣтъ ему писать!
Гдѣ учиться намъ по русски?
(публикѣ) Я прошу хоть васъ сказать.
Но за то правописаніе
Прелесть! какъ упрощено!
Иже, ять, ѳиты и еры
Это все въ Архивъ сдано.

ДУЭТЪ.

Нимфодора Никандровна показываетъ записку).

Вотъ взгляните, наслажденіе!
Слышенъ тутъ народный духъ!
Садъ, блезиръ, въ двоемъ прогулка
Какъ пріятно нѣжатъ слухъ!

Дуняша)

Вотъ такъ гнустное творенье,
И назвать то скверно въ слухъ:
Денегъ проситъ вишь въ цидулкѣ
Ахъ общипанный пѣтухъ!

ЯВЛЕНІЕ 11.

Вбѣгаетъ Савва Саввичъ при послѣднихъ двухъ стихахъ, съ салфеткою на шеѣ и размахивая руками, въ которыхъ ножикъ и вилка. Мотивъ «ахъ жги, говори».

ТРІО.

Нимфодора Никандровна

Какъ взгляну на это (показываетъ записку)
Жаръ любви
Такъ и вспыхнетъ въ молодой крови.
Александръ Ивановичь, милый мой
Ахъ, хочу на вѣки быть твоей
(оглядывается).

Дуняша

Какъ взгляну на это (показываетъ записку) злость
беретъ.
Денегъ вздумалъ старый требовать уродъ!
Погоди вотъ за мужъ выйду за тебя
Будешь шелковый ты старый у меня!

Савва Саввичъ

Ахъ совсѣмъ простыла тамъ уха
Караулъ спасать пойдемте, ха, ха, ха!

Нимфодора Никандровна. Мужъ! экая скука! (ему) Сейчасъ сейчасъ!.. Ишь проголодался! А давно-ли завтракали (идетъ за мужемъ, публикѣ). Наслаждайтесь тутъ поэтическимъ восторгомъ, когда безпрерывно мужъ кричитъ ѣсть хочу и съ ухой лѣзетъ!...

Саввва Саввичъ. Сухой, ей, ей, мамочка, сухой!

Нимфодора Никандровна. Ахъ оставьте пожалуста; каламбуры нынче не въ модѣ, даже въ водевиляхъ... (уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ 2.

Вечеръ. Таже декорація —

ЯВЛЕНІЕ 1.

Дуняша (вынимая записку,)

И кто ему, прости Господи, старому чорту, написалъ ефтакую цидулку? (читаетъ). Имѣя крайнюю нужду въ деньгахъ и увѣренный въ вашей любезности, я осмѣлюсь безпокоить васъ покорнѣйшей прозьбой ссудить меня на короткое время сотней рублей, которыя васъ прошу передать мнѣ сегодня въ саду при личномъ свиданіи. Я не желалъ бы, чтобы это было извѣстно Нимфодорѣ Никандровнѣ. Въ надеждѣ на благосклонный... (Входитъ барыня)... Тьфу пропасть! Идетъ!.. Опять не успѣла дочитать до конца? (прячетъ въ карманъ записку.)

ЯВЛЕНІЕ 2.

Нимфодора Никандровна (разодѣтая) Ахъ, Дуняша, не знаю какъ отвѣтить мнѣ Александру Ивановичу... а надо поскорѣе....

Дуняша. Вотъ такъ!.. А еще все книжки читаете да на лекціи енти ѣздите!...

Нимфодора Никандровна. Не то!.. Тутъ надо отвѣтить, понимаешь!.. его слогомъ.

Дуняша. Какимъ ефто слогомъ... опять?

Нимфодора Никандровна. Слогомъ... ну! это значитъ... слогомъ его и только.

Дуняша (махнувъ рукой) поди разбери васъ... Такъ что же? И отвѣчайте его... слогомъ, что-ли. Я то почемъ знаю?

Нимфодора Никандровна (подумавъ) Придумала!. Послушай, Дуняша!

Дуняша. Чего изволите!

Нимфодора Никандровна. Подиктуй мнѣ, какъ ты пишешь записки своимъ возлюбленнымъ?

Дуняша (въ сторону) Ишь дошлая какая! Про возлюбленныхъ стала разспрашивать... а тамъ узнаетъ что, такихъ гляди, возлюбленныхъ тебѣ накладетъ!

Нимфодора Никандровна (сердито) Дуняшка, что ты тамъ ворчишь!

Дуняша. Ничего не ворчу. Что прикажете?

Нимфодора Никандровна (сердито) Я не приказываю... я прошу тебя....

Дуняша. Барское-ли дѣло просить... вы извольте приказать... мы нато холопы, а вы бары....

Нимфодора Никандровна (ласково) Ну полно, Дуня. Я видишь-ли, хотѣла-бы, чтобъ ты мнѣ продиктовала....

Дуняша. Ефто что значитъ.... продиковала?

Нимфодора Никандровна. Продиктовала... т. е. сказала, какъ бы ты, напр., отвѣтила на письмо своего возлюблен....

Дуняша (потупя глаза) Что ефто вы барыня, я ни отъ какого возлюбленнаго не получала писемъ... я не изъ таковскихъ....

Нимфодора Никандровна. Да если бы и получила!.. что же тутъ дурнаго?

Дуняша (въ сторону) Ишь какой лисой Патрикѣевной подъѣзжаетъ... сиротой казанской... (ей) Какъ ефто возможно-съ... Я вѣдь дѣвица... кажется...

Нимфодора Никандровна. Но я не про то... ахъ, какая ты глупая!.. Ты пойми; вотъ если бы такое письмо получила (показываетъ ей записку), какъ бы отвѣчала....

Дуняша (лукаво) Да вамъ на-что... сударыня?

Нимфодора Никандровна (въ сторону) надо все ей сказать, видно... иначе не скажетъ; а надо непремѣнно отвѣтить національнымъ языкомъ, иначе скажетъ... не слѣжу за современностью—отстала... а что хуже этого?.. (ей) Видишь-ли, Дуня, (даетъ ей денегъ) на тебѣ на серги... только молчи!

Дуняша (прячетъ бумажку) Извѣстное дѣло... будьте на ефтотъ счетъ безъ сумленія... всякое удовольствіе доставимъ...

Нимфодора Никандровна. Ахъ, ты ужъ и богъ знаетъ что! Мнѣ нужно только ему отвѣтить вашимъ слогомъ... понимаешь? А потомъ ты отнесешь записку... поскорѣе.

Дуняша. (въ сторону) Постойка, голубушка, мнѣ написать-то нѣкому цидулку этому лысому дьяволу Прохорычу—пущай напишетъ, а я сбѣгаю, да и попрошу скотницу Аксинью передать ему... самой не ловко....

Нимфодора Никандровна. Что-же?...

Дуняша. Извольте-съ.

Нимфодора Никандровна. Содержаніе записки помнишь.

Дуняша. Содоржаніе-то? какъ не помнить-съ!

Нимфодора Никандровна (беретъ бумагу и перо). Ну сказывай....

Дуняша. Да что сказывать-то? Звать, что ли, прикажете-съ?

Нимфодора Никандровна. Разумѣется.

Дуняша. Пишите-съ (Нимфодора Никандровна пишетъ,) Приходите черезъ часъ въ нашъ садъ я желаю-съ вами увидаться ожидаю васъ съ нетерпѣніемъ остаюсь преданная вамъ на вѣки нерушимо.

Нимфодора Никадровна. И только?

Дуняша. Больше то чего-же?

Нимфодора Никандровна. Еще бы надо что нибудь. Ахъ, этого мало.

Дуняша. Чего-же еще-то? Вамъ все мало! коли мало, сами пишите....

Нимфодора Никандровна. Нѣтъ, нѣтъ... я такъ. На, Дуня, отнеси ему; да скорѣй, скорѣй!

Дуняша (въ сторону) Ишь приспичило! Подождешь! (ей) сейчасъ, сейчасъ!.. (убѣгаетъ).

— Ужъ такой несообразный; ничѣмъ его не урезонишь!

ЯВЛЕНІЕ 3.

Нимфодора Никандровна. Романъ!.. чистый романъ!.. и еще съ литераторомъ!.. ахъ, какъ это интересно!.. у меня еще не было съ литераторомъ!.. Воображаю, какъ краснорѣчиво будетъ объясниться въ саду!.. Да! Уѣхалъ бы этотъ Савва Саввичъ куда нибудь. Ну да мнѣ все равно! Только не помѣшалъ бы... хоть эманципированная женщина и небоится, конечно, своего мужа... и въ грошъ его не должна ставить... но все же, при немъ... какія могутъ быть изліянія?...

ЯВЛЕНІЕ 4.

Савва Саввичъ. А ты здѣсь мамочка!

Нимфодора Никандровна (въ сторону) И зачѣмъ пришелъ? (ему) что вамъ нужно!

Савва Саввичъ. Я такъ... мамочка... скучно все молчать одному да бродить... пришолъ тутъ съ тобой помолчать... хе, хе!

Нимфодора Никадровна. Ну и молчите... (садится и беретъ какую-то тетрадь).

Савва Саввичъ (зѣвая) Ты что читаешь Мамочка?

Нимфодора Никандровна (съ досадой) Бюхнера! А вы только мѣшаете всегда!—(читаетъ).)

Савва Саввичъ; не буду, не буду... (бродитъ по комнатѣ и куритъ. Въ сторону) Ужасно надоѣла Дуняшка!.. Пристала сегодня... дай ей сто рублей! Было-бы за что!.. за-мужъ бы ее поскорѣе... опять безъ карбовонцевъ дѣла не сварганишь. Бестія, знаетъ себѣ тоже цѣну.. Мало не возьметъ. А безъ денегъ нельзя... вѣдь у меня тоже совѣсть есть.

Нимфодора Никандровна (будто читаетъ, въ сторону) куда бы его прогнать?.. Пора и въ садъ... какъ бы это по литературнѣе устроить?.. не ударить лицемъ въ грязь!.. Притворюсь, что оскорблена... нѣтъ это старо!.. Ахъ, какъ жаль, что я романовъ не пишу... не знаю, что ныньче въ этихъ случаяхъ дамы дѣлаютъ... Боже мой, Боже мой!

Савва Саввичъ. Хоть бы гдѣ накрыть ее съ кѣмъ... этакъ... подъ тѣнью древесною... ха, ха, ха... тогда бы отечески... и деньги въ карманѣ остались... и добродѣтель бы торжествовала... Да, пройдоха, бестія!.. Не услѣдишь!.. Впрочемъ, попробуемъ....

Нимфодора Никандровна (громко) Вы, Савва Саввичъ, сегодня никуда не поѣдете?...

Савва Саввичъ Куда, мать моя, на ночь глядя?...

Нимфодора Никандровна. опять: мать моя!

Савва Саввичъ. Виноватъ, виноватъ... матушка... (нетерпѣніе Нимфодоры Никандровны)... опять! эхма!.. А ты развѣ на лекцію?.. Не ужто ныньче и ночью публичныя лекціи?...

Нимфодора Никандровна. Экой вздоръ ты мелешь!.. уши вянутъ!.. Да хоть бы и ночью?.. Есть наука, которою только ночью и занимаются... напр. Астрономія...

Савва Саввичъ. Нѣтъ Мамочка, ужъ эта мое почтеніе... замужней женщинѣ ночью заниматься Астрономіей!... да еще въ Москвѣ съ профессорами!.. ужъ это команъ ву порте ву... пермете сортиръ....

Нимфодора Никандровна (съ негодованіемъ сильно возвысивъ голосъ) Что ты мелешь!.. Ну, что ты мелешь?.. Ну въ умѣ-ли ты? А если бы кто посторонній былъ?

Савва Саввичъ. Что ты, какъ можно при постороннихъ... Я теперь только... пока никого нѣтъ... А то я молчу, не безпокою тебя....

Нимфодора Никандровна. Еще бы!.. Впрочемъ отъ васъ все станется... вы такой невѣжа! (входитъ Александръ Ивановичъ).

ЯВЛЕНІЕ 5.

Александръ Ивановичъ (раскланивается) Прелестная погода!

Нимфодора Никандровна (въ сторону) что это значитъ! зачѣмъ онъ здѣсь... а не въ саду?—Или былъ ужъ? А я то?...

Савва Саввичъ. Вы очень кстати пожаловали... Александръ Ивановичъ... а мы съ мамочкой... разговаривали сейчасъ....

Александръ Ивановичъ. Я помѣшалъ вамъ, почтенный Савва Саввичъ?

Нимфодора Никандровна. О нѣтъ, совершенно напротивъ... (во все это явленіе Александръ Ивановичъ постоянно старается поддѣлаться къ Саввѣ Саввичу, а Нимфодора Никандровна преслѣдуетъ Александра Ивановича).

Александръ Ивановичъ. А я представьте, Савва Саввичъ... прямо къ вамъ въ садъ... погода, знаете очаровательная....

Нимфодора Никандровна (въ сторону, всплеснувъ руками) о я несчастная! Онъ былъ въ саду!.. А все этотъ бегемотъ (показывая на мужа).... Погоди же ты?.. Ахъ, какая досада!.. (Александру Ивановичу) Я тоже непремѣнно желала сегодня погулять въ саду... но думала, что въ сумерки... (постоянно многозначительно на него смотритъ)... пріятнѣе!.. Если бы знала...

Александръ Ивановичъ (въ сторону) Вотъ надоѣла... Даже скверно! (ей) не повѣрите, какая досада, что я этого не зналъ... я бы явился позже... чтобы вамъ сопутствовать....

Нимфодора Никадровна (въ сторону) удивительно! какъ онъ говоритъ! не зналъ: а записка? странно.

Савва Саввичъ Что-же? посидите, чайку съ нами, закуски, наливочки бы того....

Александръ Ивановичъ Можно бы; можно.—Но я сегодня же долженъ съѣздить въ Москву.... (подмигивая Саввѣ Саввичу)... дѣлишки (въ сторону) очень деньги нужны, проигрался... надо его задобрить, буду сочинять ему, авось хоть это сочиненіе дастъ денегъ!...

Савва Саввичъ Хмъ, хмъ,.. понимаю, понимаю: дѣла не терпящія отлагательства... (треплетъ его по плечу)... Тэкъ-съ тэкъ-съ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ.

Нимфодора Никандровна (недовольна)... Ты все шутишь, mon ami... Александръ Ивановичъ вѣрно ѣдетъ по литературнымъ дѣламъ....

Савва Саввичъ Хе, хе,.. знаемъ мы эти литературныя дѣла... разсказывайте соловья на соснѣ... нѣтъ... насъ не проведешь; знаемъ, гдѣ раки зимуютъ... Такъ вѣдь, батенька!...

Александръ Ивановичъ (все больше отводитъ его въ сторону)... Ну конечно... да при дамѣ....

Савва Саввичъ. Эхъ, что дамы?.. Да развѣ онѣ и сами-то... подъ часъ не... тово!.. хе, хе!...

Нимфодора Никандровна. Что онъ все къ мужу липнетъ?.. Что это значитъ?.. Рѣшительно, теряюсь... (ему) Погода въ самомъ дѣлѣ такъ восхитительна, Александръ Ивановичъ, что грѣшно сидѣть въ четырехъ стѣнахъ... пойдемъ-те погулять... (въ сторону) Авось, онъ тамъ наконецъ объясниться... неопытенъ, кажется, а еще писатель!.. Впрочемъ, это еще пріятнѣе....

Савва Саввичъ. И въ самомъ дѣлѣ пойдемъ-те-ка, пойдемъ-те....

Нимфодора Никандровна (въ сторону) Вотъ ужь совершенно некстати расходился!.. Вѣчно онъ суется, куда не надо!.. Противный какой.

Александръ Ивановичъ. Съ большимъ удовольствіемъ... (въ сторону) а, въ садъ хочетъ, значитъ, получилъ записку и денегъ дастъ... Но жена, точно бельмо въ глазу... Какъ бы это устроить! (подумавъ) Нашолъ! (къ Нимфодорѣ Никандровнѣ) а я вамъ кое-что привезъ... очень, знаете важное... (таинственно) оставить не могу... прочесть бы вмѣстѣ?...

Нимфодора Никандровна. Ахъ какъ восхитительно будетъ вмѣстѣ!.. Вообразите!

Александръ Ивановичъ. Очень любопытная вещь! (Саввѣ Саввичу) А вы прійдите въ садъ, милѣйшій Савва Саввичь—я сейчасъ буду... (потираетъ руки) устроить можно будетъ кое-что...

Савва Саввичь (ему) хмъ, хмъ! компрене... качнемъ, качнемъ!.. на славу. Ай да Александръ Ивановичъ! Спуску не даетъ (мигаетъ) Я ужъ тамъ похлопочу... (громче) Я мамочка... того... пойду по хозяйству (уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 6.

Нимфодора Никандровна. Какъ я рада, что мы наконецъ одни! Садитесь ближе...

Алесандръ Ивановичъ (садится) Вы слишкомъ добры!.. Merci... (въ сторону) Какъ бы скорѣе отдѣлаться отъ этой... да въ садъ... буду съ ней какъ можно холоднѣе... невѣжливо?.. да что прикажете!

Нимфодора Никандровна. Александръ Ивановичъ!

Уличный обѣдъ.

— Щи-те горячи, сама на горшкѣ сидѣла, чтобы не простыли. Кушай на здоровье.

Александръ Ивановичъ (въ сторону) и разговаривать-те не знаю о чемъ....

Нимфодора Никандровна Александръ Ивановичъ?

Александръ Ивановичъ Ахъ, виноватъ!.. извините Нимфодора Никандровна....

Нимфодора Никандровна Мечтатель!.. Поэтъ!.. ну можно-ли такъ... съ дамой? Даже не слышите, когда васъ зовутъ....

Александръ Ивановичъ Еще разъ прошу у васъ извиненія, Нимфодора Никандровна... съ литераторами это случается... Такъ много вопросовъ... тутъ (показывая на голову).

Нимфодора Никандровна (въ сторону) надо непремѣнно объясниться, не теряя времени... а то мой благовѣрный... какъ разъ его нелегкая принесетъ... (ему) Ахъ Александръ Ивановичь! съ сегоднишняго дня я сдѣлалась рѣшительной поклонницей новой орѳографіи... съ той минуты... какъ имѣла удовольствіе.. ахъ невыразимое удовольствіе получить... вы понимаете?...

Александръ Ивановичъ (въ сторону) Хоть убейте, ничего не понимаю; но скрою рожу, будто все понимаю... (ей любезно) О да!.. иначе и быть не могло!.. я увѣренъ....

Нимфодора Никандровна (въ сторону) Каковъ! какая увѣренность... это ужъ не хорошо!.. Кажется, такъ сразу не дѣлается... надо постепенно... Надо показать ему, что я понимаю приличія... главное... не уронить себя въ его глазахъ!.. (ему) Конечно, увлеченіе... но свѣтъ жестокъ... а его приговоръ все таки... т. е. не его, общества... и если я позволила себѣ отвѣчать....

Александръ Ивановичъ (въ сторону) Фу, точно въ жмурки играю! (ей) О помилуйте... да это такъ понятно... (въ сторону) буду твердить, что понятно... авось и въ самомъ дѣлѣ понятнѣе покажется... (ей) это совершенно понятно!..

Нимфодора Никандровна Ахъ не говорите..., Александръ Ивановичъ... свѣтъ не можетъ, не хочетъ этаго понять... Признаюсь, я и сама не понимаю....

Александръ Ивановичъ (въ сторону) Дѣло дрянь... коли и сама уже не понимаетъ....

Нимфодора Никандровна Какимъ образомъ это все случилось, Александръ Ивановичъ... это цѣлый романъ!

Александръ Ивановичъ (въ сторону) т: е: что? Чортъ знаетъ что... (ей) Помилуйте, Нимфодора Никандровна, это такъ просто... (въ сторону) Вѣдь должно быть о правописаніи, что-ли, говоритъ....

Нимфодора Никандровна Но вы писали... а между тѣмъ... хоть мнѣ очень пріятно васъ здѣсь видѣть....

Александръ Ивановичъ (въ сторону) Чортъ знаетъ, какъ это все вяжется... правописаніе... мой визитъ!.. Тутъ что-нибудь да не ладно... Даже жаль, что угналъ я этого стараго канрала въ садъ....

Нимфодора Никандровна (въ сторону) Онъ не получилъ моей записки!.. Но какъ его спросить? (ему шутливо) какъ вы находите мои слабые опыты... въ новомъ правописаніи?...

Александръ Ивановичъ. (въ сторону) Что нибудь навараксала по новому правописанію?.. Не читалъ! Ну, да не важность... не привыкать толковать о томъ, чего и въ глаза не видалъ... (ей) Какъ-же, какъ-же!.. Превосходно!.. Я въ восхищеніи.

Нимфодора Никандровна. (въ сторону) Слава Богу!.. Ну, вотъ наконецъ (ему) Я боялась... что будетъ не совсѣмъ понятно...

Александръ Ивановичъ. Ахъ помилуйте... совершенно, какъ нельзя болѣе понятно...

Нимфодора Никандровна. Но какимъ же образомъ вы здѣсь... вмѣсто того чтобы?...

Александръ Ивановичъ. (въ сторону) Нѣтъ тутъ что-нибудь другое—право!.. Отложить надо отвѣтъ, по непониманію вопроса (ей многозначительно) Это вещь серьезная и долго расказывать... я боюсь какъ бы кто не помѣшалъ... позвольте отложить до другаго раза!.. Я вамъ все подробно разскажу....

Нимфодора Никандровна. Что-же дѣлать! (въ сторону): онъ не хочетъ... сказать!.. (вздыхаетъ)... Ахъ! Наши мечты и надежды такъ рѣдко сбываются... въ особенности мои... я такъ несчастлива!...

Александръ Ивановичъ. (въ сторону) вотъ еще разрюмится, пожалуй! этого только не доставало!.. (ей) Успокойтесь, Нимфодора Никандровна, сдѣлайте милость!.. вѣдь тутъ еще небольшое несчастье!

Нимфодора Никандровна. (слезливо)... И вы можете такъ говорить?.. Ахъ сердце женщины... зачѣмъ ты такъ слабо!.. Мущина этого никогда не въ состояніи понять... Мущины такъ холодны... (идетъ къ фортепьяно. Плаксиво) Александръ Ивановичъ... я вамъ спою... какъ я страдаю!...

Александръ Ивановичъ. (въ совершен. отчаяніи) Часъ отъ часу не легче! Хоть бы сквозь землю какъ-нибудь провалиться!.. Глядите... Подходитъ... отворяетъ свои цимбалы... сидится... начинаетъ тренькать, откашливаться... (при первыхъ нотахъ куплета вскрикиваетъ) Ухъ, батюшки, проналъ!...

Нимфодора Никандровна. (на мотивъ: моего ль вы знали друга)...

Не сбылись мои мечтанья,
Вы судьбой разбиты въ прахъ
Мнѣ остались лишь страданья...
И весь вѣкъ пройдетъ въ слезахъ....

Александръ Ивановичъ. (въ сторону) Повѣрьте, господа, я и теперь чуть не плачу!

Нимфодора Никандровна.

Я съ такой любовью страстной
Отдавалась вся ему
Я писала... все напрасно!
Онъ, увы, не полюбилъ—

Александръ Ивановичъ. (въ сторону) Чортъ знаетъ что! Даже риѳмы не вышло?.. Да и неужто это она все на мой счетъ?.. Экая пытка!.. Подпѣвать развѣ отъ скуки?...

Нимфодора Никандровна.

Какъ хорошъ онъ, ахъ, какъ молодъ!
Какъ любила бъ я его!
Но увы могильный холодъ
Въ сердцѣ видно у него.

Александръ Ивановичъ. (въ полголоса).

Ахъ съ кокеткой престарѣлой
И влюбившейся при томъ,
Съ глазу на глазъ вечеръ цѣлый
Что за скука быть вдвоемъ!

вмѣстѣ

ЯВЛЕНІЕ 7.

(Обѣ половинки двери съ трескомъ растворяются и входитъ торжественно Савва Саввичъ, крича назадъ: пожалуйте, пожалуйте! Нимфодора Никандровна вскакиваетъ отъ фортепьяно, очень разстроенная и раздосадованная, а Александръ Ивановичъ съ кресла очень обрадованный—)

Нимфодора Никандровна. Что такое!
Александръ Ивановичъ. Савва Саввичъ?
вмѣстѣ.

Савва Саввичъ. Ничего, мамочка (назадъ) Пожалуйте-те, не конфузьтесь, честь имѣю представить!...

ЯВЛЕНІЕ 8.

(Входитъ весьма скопфуженный Прохорычъ и очень сердитая Дуняша; останавливаются у дверей, Савва Саввичъ очень веселъ. Остальные въ недоумѣніи).

Савва Саввичъ. (все хохочетъ, бойко разсказываетъ) Каковы!.. ха, ха!.. Каковъ я-то! Убилъ бобра? (въ сторону показывая на Дуняшу) Этого-то я давно, положимъ, убилъ! (женѣ) Вообрази, мамочка... хожу въ саду того... по хозяйству... (мигая Александру Ивановичу) значитъ!.. (женѣ) и вдругъ слышу... за кустами... на скамейкѣ... вотъ эти голубки.. (показываетъ)... воркуютъ (съ досады) Да хоть бы... ну какъ слѣдуетъ, а то просто чуть въ волосы не вцѣпятся другъ другу? (Дразнитъ ихъ) Онъ ей... о никогда я у васъ никакихъ денегъ не просилъ, Авдотья Ѳерапонтовна... а она ему: и вы врете... Евсей Прохорычъ... чтобы мнѣ провалиться на эфтомъ мѣстѣ...» а онъ: помилуйте... Авдотья Ѳерапонтовна... я самъ не оставленъ барскою милостью!.. а она: вы врете у меня и записка ваша есть... сто рублей просите... и какъ ефто языкъ у васъ не отсохъ... да и кто вамъ енту проклятую записку написалъ?.. Вотъ спросите ихъ!...

Александръ Ивановичъ. (въ сторону) Что за чортъ!.. что-то подозрительно!..

Савва Саввичъ. (серьезно) Ну помилуйте, господа! Вѣдь это соблазнъ! Вздумали, бестіи рандеву... у меня въ саду сочинять!.. Каковы... Нѣтъ голубчики...

законнымъ бракомъ!.. (Дуняшѣ) А ты... мамзель... благодари бога, что и такъ дѣло кончилось... что не задалъ я тебѣ пермете сортиръ... (въ сторону) съ плечь долой, а обѣщанныхъ денегъ, какъ ушей своихъ тебѣ не видать... дудки!...

Дуняша. (ему) И такъ много довольны... благодаримъ покорно... Вѣкъ, не забудемъ вашихъ милостей!

Савва Саввичъ. Ладно, ладно!.. (весело) Такъ денегъ запросилъ... сто рублей?

Прохорычъ. (торжественно и медленно выступая) Честь имѣю сударь... позвольте доложить... вашему высокородію....

Савва Саввичъ. Ну, ну, докладывай!..

Прохорычъ. По прежъ всего... значитъ... не извольте сумлѣнія имѣть... потому, я милостями своихъ господъ не оставленъ... выходитъ... на ефти ея сто рублевъ... я съ позволенія вашей милости....

Савва Саввичъ. Да вѣдь ты писалъ ей?...

Прохорычъ. Никогда въ ефтомъ художествѣ не повиненъ былъ...

Савва Саввичъ. Да вѣдь писалъ?.. хе, хе!

Нимфодора Никандровна. (въ сторону) Что съ нимъ дѣлается?.. То обрадовался, когда они вошли... то опять задумчивъ сталъ?.. Со мной Боже... какъ холоденъ?...

Прохорычъ. (мнется)

Савва Саввичъ. Да писалъ, писалъ!.. (Александру Ивановичу) Вотъ должно быть литература!.. Любопытно бы прочесть! Покажика Дуняша?

Дуняша. Да и покажу!.. Я не понапрасну на него вскинулась! вотъ смотрите! (показывая).

Савва Саввичъ. (передаетъ Александру Ивановичу) Это по вашей части! Мы такъ... знаемъ, бывало, получали тоже отъ субреточекъ (въ сторону) Впрочемъ и теперь еще того!

Александръ Ивановичъ. (взглянувъ въ записку; въ удивленіи) Что это! Какими судьбами! Прохорычъ! (въ полголоса) Старый дуракъ! это моя записка?

Прохорычъ. (изобразивъ собой сильное удивленіе) эхма?.. Вотъ те на!..

Савва Саввичъ. (беретъ записку у Александра Ивановича) А что? неправдали? Литература!.. орѳографія? (съ удивленіемъ) странно! Никакой нѣтъ орѳографіи! Да такъ и мнѣ не написать (съ удивленіемъ) О ста то рубляхъ тутъ говорится... Но, что вижу? (Александру Ивановичу) Ваша подпись... Вамъ сто рублей надо?.. Свиданіе въ саду?

Нимфодора Никандровна. Какъ?.. Что это значитъ?..

Савва Саввичъ. (Смотря на адресъ) Да это мнѣ адресовано! (Всѣ въ недоумѣніи) Дуняша, ты Сидоръ Карпычъ? (съ гнѣвомъ) Какъ вы смѣли, ракаліи... мнѣ адресованную записку?...

Прохорычъ. (сперва попятился, но снова выступаетъ) Позвольте вамъ доложить... виноватъ, на старости лѣтъ... по случаю, значитъ полюбовнаго состраданія къ Авдотьѣ Ѳерапонтовнѣ....

Савва Саввичъ. (гнѣвно) да говори толкомъ, старая ворона!...

Прохорычъ. (оторопѣвъ)... Смѣшался—съ, ей Богу смѣшался... ненарокомъ-съ..

Выходитъ... Богъ попуталъ... (Александру Ивановичу) Прихожу этто утромъ... Авдотья Ѳерапонтовна на встрѣчу... ну съ позволенія вашего не воздержался... потому, ужъ любовь къ нимъ такую имѣю... Спрашиваю... дома-ли баринъ! Потому изволите видѣть... одна записка была къ барину отъ ихней милости (указывая на Александра Ивановича).

Александръ Ивановичъ. (съ нетерпѣніемъ) Ну?

Прохорычъ. Говорятъ, барина нѣтъ... (сердито) они ишь все по хозяйству... Ну я барынѣ и отдалъ... думаю... передадутъ

Александръ Ивановичъ. (тихо) Дуракъ!.. Сказано было... лично барину передать!

Прохорычъ. (Также тихо) Запамятовалъ... батюшка... ей, ей запамятовалъ!..

Нимфодора Никандровна. Ну, разсказывай!
Савва Саввичъ. Валяй дальше! } вмѣстѣ

Прохорычъ. Окромя ефтой цидулки... (мнется и ухмыляется) у меня была на всякую аказію, значитъ, къ нимъ (показывая на Дуняшу)... Барыня глядятъ строго таково... отдаю имъ... да и Авдотьѣ Ѳерапонтовнѣ... хотѣлъ, съ вашего позволенія... тихонько... эдакъ (показывая,) какъ хотѣлъ отдать записку) Ну и перемѣшалъ, видно... которую Авдотьѣ Ѳерапонтовнѣ... ту, должно, вамъ отдалъ (показывая на Нимфодору Никандровну, которая не можетъ скрыть своего замѣшательства)... а вашу (Александру Ивановичу) ей отдалъ... (къ Дуняшѣ).

Савва Саввичъ. (женѣ) Ты что, мамочка, точно поперхнулась чѣмъ!

Нимфодора Никанировна. Ахъ мнѣ дурно! (опускается на диванъ Александръ Ивановичъ Савва Саввичъ и Дуня бросаются къ ней).

Прохорычъ. (разводя руками) Вѣдь вотъ аказія какая стряслась!.. Смотри пожалуй!.. и барыню-то ишь какъ покоробило!.. И цидулки перепуталъ... Никогда этаго не бывало со мной! Видно, недобрый человѣкъ повстрѣчался... али всталъ съ лѣвой ноги?.. Оказія (киваетъ головою).

Нимфодора Никандровна. (прійдя въ себя, Александру Ивановичу) благодарю васъ!.. Ничего, это пройдетъ!.. А я думала... (про себя) Нѣтъ... не скажу ему!.. Просмѣетъ!.. Еще сатиру напишетъ... Онъ такой юмористъ!...

Александръ Ивановичъ. Успокойтесь, Нимфодора Никандровна, вамъ спокойствіе теперь болѣе всего необходимо!...

Савва Саввичъ. И въ самомъ дѣлѣ... успокойся мамочка? (Александру Ивановичу) она у меня такая нервная... Охъ ужъ эти нервы!.. Такъ мамочка у тебя записка?...

Нимфодора Никандровна. (съ бѣшенствомъ) Да отстанете-ли вы отъ меня? извергъ вы мучитель!.. Ваша жена умираетъ, а вы съ своими записками; ну не крокодилъ-ли вы послѣ этаго?.. Ахъ не кто непожалѣетъ слабой женщины! (въ полголоса) на, съѣжъ!.. (бросаетъ записку).

Александръ Ивановичъ. (въ сторону) Она совсѣмъ рехнулась!.. Убраться бы хоть скорѣе!...

Савва Саввичъ. (смотря въ записку и громко ее читая) Я говорилъ!.. Вотъ вѣдь!.. Литература!.. хе, хе!.. Упрощенное правописаніе!.. (Александру Ивановичу)

Вѣдь нынче, говорятъ, мода выйдетъ писать и говорить всѣмъ, какъ вотъ они (указываетъ на Прохорыча и Дуняшу) пишутъ и говорятъ... Такъ, что-ли батенька... Александръ Ивановичъ?

Александръ Ивановичъ. Не совсѣмъ такъ, да если бы и такъ... худаго тутъ ничего нѣтъ.

Савва Саввичъ. Нѣтъ, слуга покорный: на старость лѣтъ переучиваться, нѣтъ... пермете сортиръ... теперь хоть и съ грѣхомъ пополамъ а побарски пишемъ....

Дуняша. (злобно) А я вотъ знаю барыню, которая ужъ больно по простонародному-то охоча!.. (Нимфодора Никандровна мигаетъ ей. Дуня смѣется) Они ишь думаютъ, что и кавалеры имъ по простонародному станутъ писать (Нимфодора Никандровна даетъ ей тихонько деньги)....

Савва Саввичъ. Неужели есть такія, батенька Александръ Ивановичъ?...

Алесандръ Ивановичъ (насмѣшливо) Всякія бываютъ Савва Саввичъ (въ сторону глядя на Нимфодору Никандровну) А, теперь мнѣ становятся понятны ея намеки—ха, ха, ха... она думала, что я ей писалъ эту записку по упрощенному новому правописанію?.. и звалъ въ садъ на свиданіе... для блезиру... ха, ха, ха!

Нимфодора Никандровна. (про себя съ досадой) Жестокій! И онъ еще смѣется! Нѣтъ, да и что мнѣ въ немъ понравилось—совсѣмъ противный!... и глаза... и носъ противный!.. Да и ума-то не видно никакого... онъ едва-ли и литераторъ... фи! да и записка... языкъ такой вульгарный, тривіальный!

Савва Саввичъ. (Дуняшѣ) Такъ стало, денегъ у тебя не просилъ?...

Дуняша. Стало быть, нѣтъ.

Савва Саввичъ. А все таки безнравственно... въ саду... законнымъ бракомъ!.. непремѣнно! (Дуняшѣ) И денегъ обѣщанныхъ, голубушка, тю, тю!

Прохорычъ. Благодаримъ покорно... намъ такая навегація не претитъ-съ...

Дуняша. (дѣлая ему гримасу; про себя) Подавись ими!

Савва Саввичъ. (смотритъ на часы) Что это! 11 часовъ! Спать пора! хе, хе! Вы конечно съ нами Александръ Ивановичъ... т. е. ужинать?

Алесандръ Ивановичъ. (расклапиваясь) Извините... я никакъ не могу мое почтеніе! (Нимфодора Никандровна весьма холодно ему кланяется).

Савва Саввичъ. (зѣвая) А жаль, что не остаетесь... накормилъ бы васъ на убой, хе хе!...

Александръ Ивановичъ. Очень пріятно, Савва Саввичъ, но право не могу!.. Покойной ночи!.. (въ сторону) Чортъ бы взялъ этаго стараго сыча! Вотъ теперь и хлопочи опять о деньгахъ. А до зарѣзу нужно. Прегнусная исторія!...

Савва Саввичъ

Кутерьма ей-ей какая:
Злится мамочка моя
(показывая на Александра Ивановича) Онъ смѣется все, а я
Ничего не понимаю
Вотъ не такъ-ли зачастую
Засуется родъ людской?
Поглядишь, махнешь рукой!
Да того... на боковую!

Нимфодора Никандровна

Ахъ какой пасажъ скандальный!
Можно-ли? Такой faux pas!..
И записка! какъ глупа!
И языкъ какой тривьяльный!

Вмѣстѣ

Александръ Ивановичъ

Вотъ, скажу вамъ, приключенье.
Нѣтъ, влюбленному сычу
Дѣлъ съ тѣхъ поръ не поручу
Никакихъ—мое почтенье! (кланяется)

Дуняша

Ужасть, право, какъ досадно?
Вѣдь пронюхалъ—же таки!
Ахъ, ужъ эти старики!
Дать не хочетъ, ну да ладно!

Вмѣстѣ

Прохорычъ

Не проштрафься ты маленько,
Утромъ, старый дуралей!
Онъ бы далъ таки за ней!
Вѣдь они... того... давненько!

Всѣ

(къ публикѣ)

Если ваше мы вниманье
Утомили, господа
Тутъ амуръ виною... да!..
Да еще—правописанье.

6.

Ужъ если къ масляницѣ вашъ старичокъ-весельчакъ такъ расходился, что маскарадъ вамъ устроилъ, и даже водевильчикъ отъискалъ, то вотъ вамъ еще два стихотворенья.

I.

Пусть недовольные твердятъ,
Что скверно жить на свѣтѣ,

Шарманщикъ и уличная пѣвица.

„Возми въ ручку пестолетку,
Прострѣли ты грудь мою!“

Что бытъ семейный-сущій адъ,
Что всюду подлость и развратъ,
Обманы, козни, сѣти,

Что правды нѣтъ ни въ комъ давно,
Что честныхъ всѣ боятся,
Что слово честное — смѣшно,
Что жить мѣшаетъ лишь оно,
И жизнью наслаждаться.

Что денегъ нѣтъ ни у кого,
А всѣ живутъ роскошно,
И, не имѣя своего,
Чужимъ живутъ — и ничего.
Что жить на свѣтѣ тошно.

Все ложь, и вздоръ и клевета
На жизнь и человѣка,
Что жить чужимъ трудомъ всегда
Или безъ всякаго — труда
Привыкъ онъ — спокоенъ — вѣка.

Повѣрьте — надобно ей, ей
Тѣмъ болѣе трудиться,
Чѣмъ жить становится хитрѣй,
Чѣмъ въ жизни болѣе затѣй
Чтобъ жизнью насладиться.

Трудъ честный — это что за трудъ?
Не трудъ, а наслажденье.
Но справьтесь тутъ, когда кладутъ
Любимцы счастья васъ подъ спудъ,
Какъ скучное прошенье.

Какъ за душою ни гроша,
Ни средствъ, ни дарованій,
А жить такъ просится душа,
А жизнь вокругъ такъ хороша,
Полна очарованій.

Но чуть ты жизнью овладѣлъ
Постигъ ея науку,
Сталъ мастеромъ всѣхъ скользкихъ дѣлъ,
Сталъ ловокъ, беззастѣнчивъ, — смѣлъ,
Набилъ во всемъ ты руку,

Ликуй! Живи, какъ хочешъ ты,
Задумывай проворно
Однѣ другихъ смѣлѣй мечты;
Богатство, ласки красоты,
Все, все тебѣ покорно.

Роскошенъ, сладокъ твой обѣдъ,
Пыхтя, ты спишь въ каретѣ,
Тебѣ вездѣ почетъ, привѣтъ,
И говоришь въ просонкахъ: нѣтъ!
Врутъ, можно жить на свѣтѣ!

2.

Подходитъ праздникъ: все вверхъ дномъ!
Готовятъ, чистятъ, шьютъ и моютъ,
Дымъ коромысломъ, пыль столбомъ!
А дождь шумитъ и вѣтеръ воетъ.
Но поданъ крытый экипажъ
И, къ Пасхѣ получивъ награду,
Пріятель размышляетъ вашъ:
„Ну много-ль человѣку надо?“

Закупленъ весь кузнецкій мостъ,
Шиньены, шляпки, кринолины;
Въ карманѣ чувствуется постъ,
Зато есть яства, сласти, вина,
Насилу держитъ экипажъ
Покупокъ всяческихъ громаду
И думаетъ пріятель вашъ:
„Ну много-ль человѣку надо?

Наѣлись пасхи, ветчины,
Сметаны, масла, сыру, сала,
И я, и гости—всѣ пьяны,
Всего наѣлись до отвала,
Отъ табаку темно вокругъ,
И задыхаясь тутъ отъ чада,
Подумалъ, охая, вашъ другъ,
„Ну много-ль человѣку надо?“

Недѣлю ѣли, пили мы,
Съ утра до утра—ровно сутки,
Весною дождались зимы
И разболѣлись всѣ желудки.
Улегся другъ вашъ на кровать,
Кряхтитъ, терпя всѣ муки ада,
И думаетъ.„ Чтобъ захворать,
„Ну много-ль человѣку надо?“

Прошла недѣля, но балы
Пиры, кутежъ не умолкаютъ,
И всѣ довольны, веселы,
И постъ недавній забываютъ.
А другъ вашъ боленъ, масло пьетъ,
И думаетъ:„ вѣдь вотъ досада,
Чтобы поправить свой животъ,
Какъ выпить много масла надо.“

7.

ЛѢТО.

Лѣтомъ жарко бываетъ, а потому о чемъ-же и толковать въ это время, какъ не о жарѣ? А такъ какъ у вашего старичка-весельчака есть про все стишки, то и про жары найдутся. Вотъ вамъ они; не правда ли, въ нихъ такъ и слышно, что человѣкъ раскисъ отъ жара?

Тяжко, скучно,
Знойно, душно,
Братцы жарко, жарко, жарко!
Сохнутъ губы,
Эхъ, чайку-бы.
Ибо жарко, жарко, жарко.

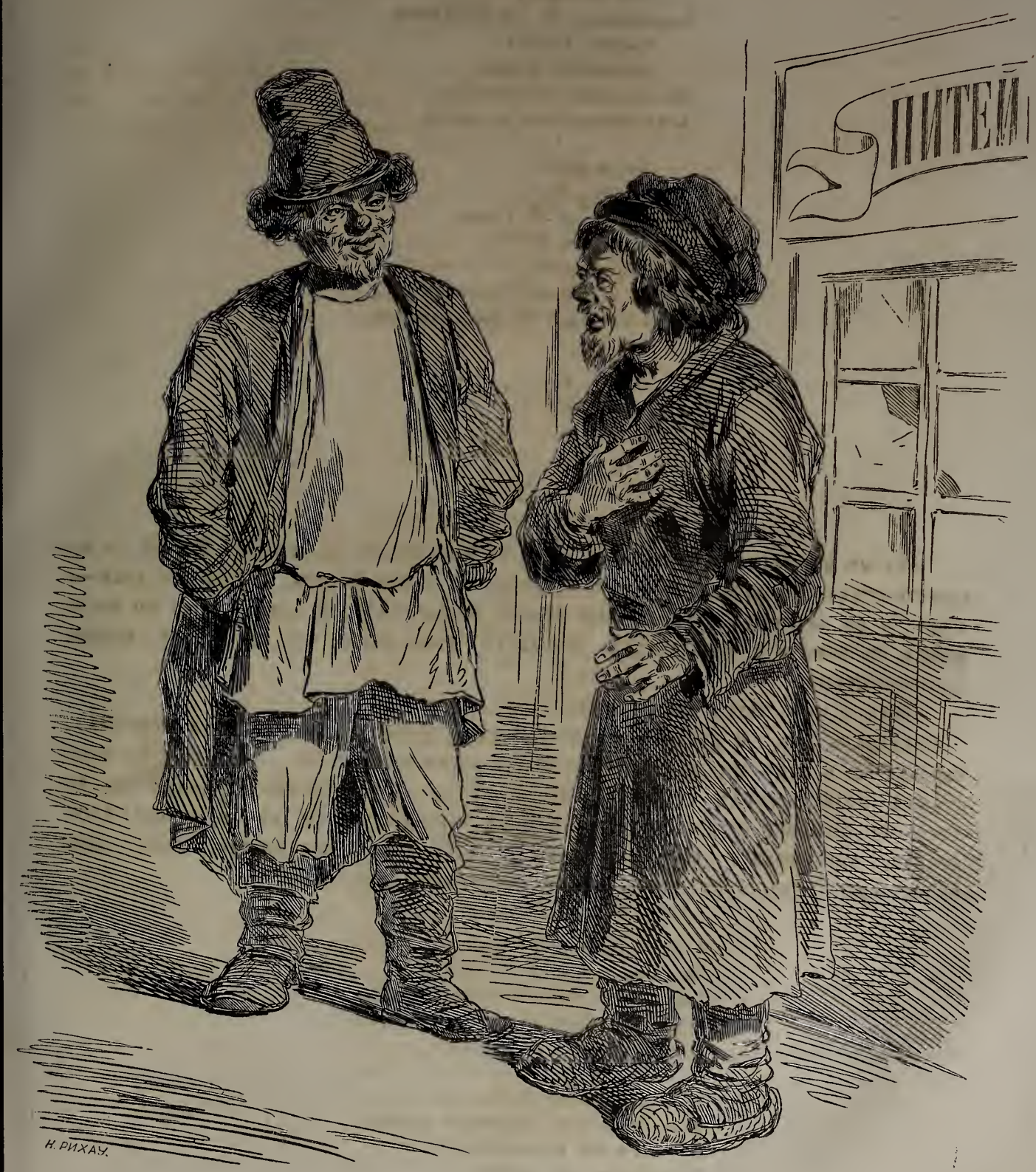
Ахъ, скорѣе,
Ну, живѣе,
Самоваръ подай мнѣ Варька,
Напои-ка
Угости-ка,
Въ грязь лицемъ ты не ударь-ка,
Ибо жарко, жарко, жарко.

А мы, братцы,
Искупаться
Сходимъ, выкуримъ сигарку,
Потъ, зѣвота,
Спать охота,
Нѣтъ, чайку давай, сударка,
Ибо жарко, жарко, жарко.

Все томится,
Съ ногъ валится,
Горяча подъ липой лавка,
И подъ тѣнью,
Съ русской лѣнью
Дремлетъ стадо, бродитъ шавка,
Въ полѣ вянетъ, сохнетъ травка.

Пахарь бѣдный
Вонъ побѣдной
Легъ на землю головою,
Спишь сердечный
Съ своей вѣчной
Ты подругою сохою
Среди зноя, зноя, зноя,

Петруха выпилъ дешевки.



— У—у—у! Инда за сердце хватаетъ! Бррр!
— И дешево, и сердито.

Вонъ и баринъ
Весь изжаренъ
Искупавшись въ сонной рѣчкѣ,
Сытый, гладкій
Спитъ такъ сладко
Въ холодочкѣ на крылечкѣ,
А на полѣ—точно въ печкѣ.

Куры дуры
Шуры, муры
Перестали съ пѣтухами,
Спятъ на травкѣ
На муравкѣ,
Спятъ, зарывшись головами—
Самъ уснешь тутъ надъ стихами.

8.

Лѣтомъ московскихъ цвѣточковъ и ягодокъ надо искать не въ самой Москвѣ, а въ окрестностяхъ, на дачахъ; конечно, есть они въ самой Москвѣ, но это все такъ — оборъ; а на дачахъ..... тамъ-то они вполнѣ разцвѣтаютъ. А потому надо по бесѣдовать съ вами и о московскихъ дачникахъ, тѣмъ болѣе, что они народъ вообще прелюбопытный.

Вотъ я вамъ хоть о себѣ скажу.

Приходитъ лѣто. Я дачникъ, до мозга костей, дачникъ во что бы то ни стало (эхъ, сколько бы я вамъ хорошихъ французскихъ словъ сказалъ но.... ихъ зри въ передовыхъ политическихъ статьяхъ «Москв. Вѣдом.») я временно (пожалуй, на 28 дней—съ законной отсрочкой) искуственный мужичокъ, нѣтъ! фи—мужичокъ! поселянинъ, пастушокъ.... нѣтъ, все нѣтъ.... тутъ тоже есть хорошее слово, самое французское слово.... да, да: я пейзанъ, пейзашка; вотъ какъ!

Я въ деревнѣ, я въ деревнѣ!
Лаетъ песъ и стонетъ возъ,
Спитъ старикъ въ избенкѣ древней,
И вездѣ навозъ, навозъ!
Я въ деревнѣ, я въ деревнѣ.

Я на дачѣ, я на дачѣ!
Ночь. Всѣ спятъ. Не спитъ кабакъ,
Пьяныхъ вой и лай собачій;
Не поймутъ они никакъ,
Что на дачѣ я, на дачѣ.

Я у рѣчки, я у рѣчки!
Яркій полденъ, душный зной,
Кони, телки и овечки
Всѣ купаются со мной;
И мы въ рѣчкѣ, и мы въ рѣчкѣ.

Ахъ, я въ полѣ,въ чистомъ полѣ!
Ну бѣгомъ! Вздымаю пыль,
Точно дикій конь на волѣ,
Мну цвѣты, траву, ковыль;
И все мчусь я въ чистомъ полѣ.

Вотъ я въ лѣсѣ, въ темномъ лѣсѣ,
Стой! за трешникъ мнѣ цвѣты
Предлагаются, повѣсѣ,
Ручкой сельской красоты;
И мы въ лѣсѣ, въ темномъ лѣсѣ!

Вотъ я дома, други, дома.
Дождь на крышу льетъ съ утра,
Растрепалъ на ней солому.
Въ избу льетъ какъ изъ ведра;
Славно дома, славно дома.

Эка радость, эка радость!
Раки, рыба и бобы,
Лукъ, капуста—что за сладость!
Хлѣбъ ржаной, вода, грибы,
Эка радость, эка радость!

„Землянику, землянику!
Пять копѣекъ за кувшинъ,"
—„А дешевле?"—Наберп-ка
Самъ ты столько, господинъ!„
И купилъ я землянику.

Эка прелесть, эка прелесть!
Тихій вечеръ, шопотъ водъ,
Стадъ мычанье. рощи шелестъ,
Бабъ визгливый хороводъ;
Эка прелесть, эка прелесть!

Я въ деревнѣ, я въ деревнѣ!
Совершивъ по лужамъ путь,
Отдалъ брюки Ѳедосѣвнѣ,
Чтобъ замыла какъ нибудь;
Я въ деревнѣ, я въ деревнѣ!

И такъ рѣшено: дачная жизнь прелесть, а я пеизашка, самый милый пеизашка.

—Дурашка, пузанчикъ, восклицаетъ моя дрожайшая половина (къ лѣту и ей завелся), дама столько-же нѣжная, сколько и солидная во всѣхъ отношеніяхъ—ну, какой ты пастушокъ! Ты въ зеркало на себя посмотри: вонъ въ избѣ на печкѣ наше гостинное зеркало.

— А что-же мой ррозанчикъ?

—Ну, развѣ такіе пастушки бываютъ... Плѣшивый, съ просѣдью, гладко выстриженный, виски крючками смертоносно къ глазамъ загнулъ, лице какое-то офиціально-гемороидальное... ну, какой ты пастушокъ?

—Оно конечно, но... съ другой стороны, почему-же я и не пастушокъ?—И я тоненько запѣлъ, совсѣмъ закативши глазки подъ лобокъ:

Я пастушокъ, я пастушокъ!
Люблю я миную скотинку,
Топчу я съ нею луговинку,
Порою дуну и въ рожокъ;
Я пастушокъ, я пастушокъ.

Я пейзанъ, я пейзанъ!
Цвѣточки нѣжно рву у дачи,
Ну и съ пастушками... удачи!
Отдулся мило мой карманъ;
Я пейзанъ, я пейзанъ.

Нѣжно, чувствительно это я, скажу вамъ пропѣлъ. Но моя дрожайшая половина осталась совсѣмъ недовольна моимъ романсомъ; не знаю уже почему.

Да и какъ-же я не постушокъ, какъ-же не пейзашка! Живу, кажется, совсѣмъ какъ подобаетъ благовоспитанному пастушку; утромъ я встаю съ восходомъ солнца (т. е. въ мой кабинетъ, когда лакей ставни отворитъ) затѣмъ сейчасъ же, такъ сказать выгоняю «скотинку на широку луговинку», какъ поется въ какой-то пѣснѣ, т. е. самого себѣ промимаю, что по-французски называется променадъ, или променажъ учинить.

Послѣ легкой рысцой съ припрыжкой возвращаюсь въ свою укромную хижину (милая хижина: сквозитъ, течетъ и за лѣто — только 500 руб.!) и принимаюсь за важную работу такъ-сказать удобренія, т. е. собственной особы, иначе — скромно завтракаю, по пастушьи: бутылка шампанскаго, трюфели — ну, и другіе скромные продукты нашего деревенскаго хозяйства.

Послѣ этого столько-же важнаго, сколько и пастушески простаго занятія, т. е. завтрака или самоудобренія, я дѣлаю что-же?

— Что-же въ самомъ дѣлѣ вы дѣлаете?

— Какъ что? Сыне тлетворной западной цивилизаціи, ужели не постигаешь? Сижу и курю, потомъ... хожу и курю, потомъ... сижу и не курю, наконецъ...

— Ходите и не курите?

— Вотъ и не отгадали.

— Ну, лежите.

— Опять не отгадали.

— Да что вы, помилуйте! Вѣдь человѣкъ такое животное, что въ данный моментъ долженъ непремѣнно или сидѣть, или лежать, или ходить.

— Опять нѣтъ и нѣтъ! Есть еще одна позиція, изобрѣтенная, правда, человѣкомъ въ новѣйшее время, но... геніальная.

— Какая, какая?.. Ради Бога, скажите скорѣе!

— А висѣть?

— Такъ вы что-же? Убиваете время черезъ повѣшеніе?

— Да-съ, вишу; на гимнастикѣ значитъ.

— Зачѣмъ-же?

— Да вѣдь иначе какъ-же я съѣмъ свой пастушески скромный обѣдъ? Трудно, сударь мой, коверкать по скоморошьи дворянскіе члены, но... что дѣлать! для блага общаго-съ. А не то гулять иду; во лузья! Мнѣ душно здѣсь, я въ лѣсъ хочу. И прелесть, я вамъ скажу, въ нашихъ лѣсахъ! Прелесть на нашемъ родномъ просторѣ! Какъ на этотъ счетъ написаны стишки какимъ-то княземъ или барономъ?...

«Край ты мой, родимый край!.. дальше не помню, но должно быть такъ:

Край ты мой, родимый край!
И просторъ, и воля,
Куда хочешь, ты ступай:
Всюду дичь м поле.
Ничего въ немъ не видать,
Въ нашемъ чистомъ полѣ,
Домъ, лачужка, тишь да гладь —
Экое раздолье!

И въ самомъ дѣлѣ важно: хоть 30 лѣтъ скачи — ни до чего не даскачешь. За это похвалю. Только иной разъ покушать захочется — вотъ уже это неудачно-съ.

Подъ вечеръ за воротами собирется милая прислуга; посмотрите, какъ чувствительно эти младшія братья проводятъ тутъ свое время. Нашъ рисунокъ представляетъ вамъ эту миленькую сцену. Я, прознаться, частенько наблюдаю ее, усѣвшись, послѣ прогулки, на балконѣ.

Сперва выходитъ дворникъ — философъ съ нѣсколько мрачнымъ взглядомъ на вещи; онъ то-и-дѣло куритъ и илюетъ. Вообще не многословенъ, но говоритъ съ вѣсомъ и глубокомысленно. Вскорѣ появляется сладчайшій кучеръ съ тоненькимъ голоскомъ и съ гнусавой гармоніей; онъ нѣжно затягиваетъ: «смолкни пташка кинарейка!» Звуки пѣсни привлекаютъ сосѣднихъ горничныхъ, толстушекъ, вѣчно хохочущихъ и что-нибудь жующихъ. Съ появленіемъ ихъ начинается любезный разговоръ.

— Спойте пѣсенку, Дормидонтъ Петровичъ, воскликнутъ дѣвушки.

— Съ нашимъ удовольствіемъ-съ. А вы что дадите?

— Хе, хе... ничего-съ.

— Эфтаго и у насъ много-съ...

— Ну, вотъ орѣшковъ...

— Ахъ, орѣшки! Высыпались въ прорѣшки... Хе, хе!..

— Спойте-же Дормидонтъ Петровичъ... Какіе спѣсивые!

— Извольте-съ... А подтягивать будете-съ?.. Безъ эфтаго нельзя-съ.. Эфтакъ не въ примѣръ авантажнѣе будетъ-съ...

— Ха, ха.. Мы не умѣемъ подтягивать...

— На счетъ эфтаго-съ будьте безъ сумленія, Аграфена Васильевна.

Дѣвушки еще громче фыркнули и пустились со всѣхъ ногъ бѣжать; Сладчайшій кучеръ, поглядѣвши вслѣдъ за ними, сказалъ:

— Великатныя дѣвчонки, первый сортъ!..

— Мразь! глубокомысленно замѣтилъ дворникъ, сплюнувъ.

Подобныя милыя сцены часто развлекали вашего пріятеля. Ну и живемъ мы такимъ манеромъ: «во чистомъ полѣ» и занимаемся сельскими работами: кушаемъ, спимъ, скучаемъ, наряжаемся, бродимъ другъ къ другу. (Это въ дачной ариѳметикѣ называется: помножать скуку самое на себя), ѣздимъ въ Москву какъ можно чаще, чтобы не совершенно отвыкнуть отъ московскихъ сплетенъ, шума и зловонья — и это тоже очень похвально, ибо никакая тварь не должна отвыкать отъ родной стихіи.

Достоинство дачи мы мѣряемъ слѣдующимъ способомъ, не лишеннымъ остроумія и оригинальности: чѣмъ больше спимъ на дачѣ, лучше. Вы, кажется, удивляетесь, но я вамъ сейчасъ это объясню. Мы не спимъ когда? Знаете-ли?

— Нѣтъ, не знаю.

— Ну, такъ слушайте:

О, мы не спимъ, когда, дѣлишки чтобы уладить,
Складной душонкою мы всячески кривимъ,
И изощряемъ умъ, чтобы ближнему нагадить,
И путаемъ друзей, и все, и всѣхъ мутимъ;
Тутъ мы не спимъ!

Ну, а на дачѣ эти случаи представляются рѣдко, а потому и клонитъ тамъ ко сну.

Отъ скуки мы непремѣнно цѣлыми толпами, въ видѣ древнихъ тѣней безъ пристанища, такъ-какими-то снофидами бродимъ по всевозможнымъ платформамъ, дебаркадерамъ, пристанямъ, вокзаламъ, мѣстамъ остановки дилижансовъ и пр. Хоть 20 разъ въ день приходи поѣздъ на платформу нашей дачи, мы непремѣнно прибѣжимъ, встрѣтимъ его, проводимъ, взгляпемъ на вагоны, локомотивъ, и на дымъ поднимемъ взоры, и на колеса посмотримъ — тутъ-ли они, голубчики?.. А главное намъ непремѣнно надо знать, что за народъ ѣдетъ, откуда, куда, въ чемъ одѣтъ— разумѣется, насъ интересуютъ облаченія модныя, а не прозябающія внѣ всякой моды: сибирки, чуйки, шубки, сарафаны, армяки, тулупы и прочія безобразія, на картинки модъ никогда не попадавшія...

И сейчасъ вы различите нашего брата дачника или нашу сестру дачницу на платформѣ — бродимъ мы сонно, вяло, сами не знаемъ, зачѣмъ; всѣхъ толкаемъ, на все натыкаемся, глядимъ безсмысленно на то, на что совсѣмъ глядѣть нечего; напр. на рельсы, которыя сегодня уже 20-й разъ видимъ.

И вотъ встрѣчается нѣсколько такихъ блуждающихъ дачныхъ душъ; встрѣчаются онѣ сегодня тоже ровно въ 20-й разъ; но не смотря на это начинается между ними разговоръ въ родѣ слѣдующаго:

— А, скажите, я не думала, что васъ здѣсь застану! Какая пріятная неожиданность!

— Ахъ, скажите, вѣдь я тоже не думала!..

— Очень большой поѣздъ.

—Нѣтъ, не очень, кажется.

— Да, пожалуй, что и не очень; пойдемъ-те гулять по платформѣ (или по плацформѣ, какъ говоритъ одна часть пассажировъ, которая строго отличается отъ другой рѣшительно во всемъ. Для меня, по крайней мѣрѣ, «платформа» и «плацформа» служитъ сейчасъ-же указателемъ, съ какой категоріи поссажиромъ я имѣю дѣло.

— Я очень долго ходила по плацформѣ, .говоритъ милая барышня, одѣтая, какъ сильфида и по послѣдней модѣ.

— А, голубушка, по «плацформѣ» — ты или горничная, или купеческая дочка: знаю:

Ну и знакомятся этакимъ манеромъ, бродя по платформамъ, всѣ дачники между собою, знакомятся до тошноты, до отвала, до того, что при неизбѣжной встрѣчѣ другъ съ другомъ на лицахъ ихъ невольно выражается слѣдующая мысль: опять онъ (или она). Ну и восклицаешь словами какого-то стихотворца:

Что это за скука, Господи ты Боже!
Ни одной заѣзжей, незнакомой рожи,
Все глядятъ такъ низко, такъ офиціально,
Не съ кѣмъ перемолвить конфиденціально.

И продолжаешь самъ на эту тему:

Тятеньки скучаютъ, маменьки зѣваютъ,
Дочки по платформамъ бродятъ и вздыхаютъ,
Или вдругъ съ просонья захохочутъ страшно;
Недоросли, дѣвы курятъ безпрестанно,
Разговоръ французскій, шопотъ очень русскій,
Юбки необъятны, а платформы узки.

Ну и живемъ такимъ образомъ на дачѣ, лѣто коротаемъ, себѣ и другимъ надоѣдаючи, время очень весело провожаючи. Невольно другой разъ спросишь себя: зачѣмъ это мы на дачи переселяемъ свои грѣшныя тѣлеса? Жили бы въ Москвѣ, небо коптили. Странные бываютъ на свѣтѣ люди, не правда-ли.

9.

НИ НА ЧТО НЕ ПОХОЖІЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ МОЕГО ПРІЯТЕЛЯ.

а) Лука Лукичъ Дроздовъ въ домашнемъ быту.

— Вздоръ какой нибудь, скажетъ читатель.

— Вы правы.

— Такъ зачѣмъ-же пишете, зачѣмъ печатаете?

— Право не знаю.

— Вотъ хорошо! Да вѣдь нѣтъ дѣйствія безъ причины, а чтобы отыскать причину дѣйствія, стоитъ только спросить себя: почему? и причина будетъ отыскана— говорила вамъ еще въ школѣ реторика Кошанскаго. Или забыли?

— Нѣтъ, помню; но въ томъ-то и бѣда, что въ жизни есть много дѣйствій совсѣмъ безъ всякихъ причинъ. Для нихъ даже существуетъ особое слово — такъ, едвали не чаще всѣхъ другихъ словъ употребляющееся въ разговорѣ. Напр. зачѣмъ пишете сей вздоръ? Такъ.

— Ну, тутъ что нибудь да не такъ.

— Повѣрьте, что такъ и вотъ читайте-ка нашъ курьезный разсказъ.

— Ну это не доказательство.

— Доказательство, ей-ей, доказательство — какъ и всѣ другія... Но, право, какъ вамъ не надоѣло читатель производить вашими мозгами тѣ фокусъ-покусы, которые люди безъ мозговъ возвели въ почетное званіе разсужденій Блаженни никогда ни о чемъ не разсуждающіе, для нихъ бо пріуготовлены всѣ сладости сей земной жизни.

— Только интересно, въ какой связи находятся всѣ эти милыя вещи съ какимъ-то Лукою Лукичемъ.

— Ни въ какой.

— Непостижимо!

— Очень постижимо — вы вотъ отъ вѣка отстали; вамъ бы все логика, да какая-то связь. А къ чему тутъ логика, связь?.. Вотъ уже подлиннно непостижимо!.

— Довольно, начинайте лучше вашъ разсказъ.

— Давно бы такъ, а то надоѣло разговаривать; да и кто нынче разговариваетъ? Нынче одни разговариваютъ, а другіе молчатъ, и бесѣда состоитъ въ переливаніи извѣстныхъ свѣтскихъ анекдотовъ изъ головы разскащика въ головы слушателей, т. е. изъ пустаго въ порожнее. Такъ всегда думалъ и мой хорошій пріятель Лука Лукичъ Дроздовъ.

— А онъ думалъ? Бѣдный!

— Да, когда-то; но теперь видно уже довольствуется пережевываніемъ своего запаса старыхъ мыслей, находя, что онѣ хоть и тронулись немножко, но все еще очень вкусны. Это что еще? У меня есть пріятели, которые весь свой вѣкъ такимъ образомъ пережевываютъ, не свои, а чужія мысли и находятъ это кушанье еще слаще и экономнѣе. Примѣръ ихъ соблазнителенъ... Лука Лукичъ даже во времена оны обучалъ юнашество обходиться безъ мысли и ворочать при этомъ такъ мозгами и языкомъ, что слышалась какъ будто мысленная работа, хотя ея въ сущности не полагалось.

— Достойный, благодѣтельный мужъ!

— Да-съ и за этотъ долголѣтній подвигъ, не достаточно еще оцѣненный современниками, онъ уже и въ семъ мірѣ получилъ нѣкую мзду: въ одной изъ московскихъ улицъ у него красуется весьма уютный домикъ, а въ одномъ изъ московскихъ деньгохранилищъ покоится очень почтенный капиталецъ, проценты съ коего даютъ возможность его владѣльцу жить почти припѣваючи.

— Ну, съ этакимъ почтеннымъ мужемъ и познакомиться можно. Знакомьте, знакомьте.

Нищій.

—Мужланъ! хлѣба суетъ, а нѣтъ, чтобы денегъ дать. Эка невидаль его хлѣбъ!

— Это дѣло не трудное и для меня, повѣрьте, очень пріятное; я очень уважаю и въ добавокъ люблю своего Лука Лукича, хотя звѣзда его въ настоящее время, какъ будетъ несомнѣнно явствовать изъ нижеслѣдующаго, нѣсколько померкла. Прошу тоже его любить да жаловать. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ добрѣйшій Лука Лукичъ живетъ въ своемъ домикѣ въ нѣкоей далекой московской улицѣ — въ суровской-ли, генеральской, или иной какой высокоименитой, не припомню, да это, уповательно, вамъ совершенно все равно. Сила не въ этомъ. Сила въ томъ, что Лука Лукичъ благоденствуетъ подъ крылышкомъ своей экономки Улиты Карповны Селедки, жены зѣло добродѣлельной и къ тому всему рачительной; — просимъ замѣтить, что часть существованія Луки Лукича, которой заправляетъ сухощавая и поджарая Улита Карповна, есть исключительно часть хозяйственная. И заправляетъ она ею на славу.

Вотъ стоитъ начало лѣта. Желтый какъ канарейка домикъ съ красною крышей Луки Лукича привѣтливо красуется на солнышкѣ. Маленькая, новая калитка пріотворена и въ нее виденъ чистый дворикъ, весь усыпанный желтымъ пескомъ. По двору бѣгаютъ куры, кошки, собаки, и другія хозяйственныя скотинки, не обнаруживая относительно другъ друга никакихъ враждебныхъ страстей. Крошечное крылечка съ двумя точеными колонками ведетъ въ самый домикъ, мирный пріютъ мирнѣйшаго изъ смертныхъ Луки Лукича.

И въ самомъ дѣлѣ, что за золотая душа этотъ Лука Лукичъ! Вся безконечная его доброта, честность и младенческое простодушіе и довѣрчивость вылилась на его вѣчно улыбающійся, маленькой, толстенькой фигуркѣ, на его лысой круглой головѣ, на крупномъ мягкомъ носѣ, такихъ же губахъ, въ большихъ сѣрыхъ, безконечно ласковыхъ и добрыхъ глазахъ, въ его быстрыхъ, суетливыхъ, но всегда веселенькихъ движеніяхъ. Лука Лукичъ никогда не оставлялъ своего упитаннаго тѣла въ покоѣ; глаза его вѣчно лукаво подмигивали, руки все что-то перебирали, ножки то и дѣло сѣменили, причемъ его брюшко слегка тряслось. Наконецъ и самые его жиденькіе, бѣлокурые волосенки, которые онъ съ особенною старательностью начесывалъ съ лѣваго виска на свою лакированную лысину, тоже по видимому были закоренелыми врагами порядка и спокойствія; они то и дѣло возвращались отъ праваго виска къ лѣвому своими кончиками и развѣвались по воздуху въ видѣ длинныхъ волоконъ какого-то страннаго растенія. Ловля ихъ въ воздушномъ пространствѣ, перенесеніе концовъ черезъ лысину къ правому уху и снова возвращеніе ихъ въ воздушное пространство около лѣваго уха — это были явленія, ни на минуту не покидавшія круглую голову Луки Лукича.

Таковъ-то былъ сей мужъ по своей наружности; ходилъ онъ лѣтомъ въ совершенно бѣломъ широкомъ костюмѣ, замѣчая друзьямъ, что по закону физики, бѣлый цвѣтъ, отражая лучи солнца, препятствуетъ излишнему нагрѣванію тѣла, заключеннаго въ ткани, имъ украшенной — онъ былъ страшный натуралистъ и читалъ всевозможныя книги по естествознанію. Мало этого — онъ зорко наблюдалъ растительную и животную природу и имѣлъ цѣлый запасъ своихъ собственныхъ, какъ ему казалось, открытій и изслѣдованій.

— Ну-съ, Улита Карповна, вы, столь счастливо сочетавшіе въ своемъ имени мягкотѣлыхъ и рыбъ...

— Полно вамъ надсмѣхаться надъ моимъ тѣломъ-то; что вамъ угодно? сердито проворчала по своему обыкновенію экономка. Лука Лукичъ залился звонкимъ смѣхомъ.

— Ха, ха, ха... Мягкотѣлая... ха, ха, ха!... А знаете, Улита Карповна, что мы сегодня въ путь отправляемся? И онъ запѣлъ:

„Мальбрукъ въ походъ поѣхалъ".

— Куда еще? Ишь, дома не сидится вамъ.

— Улита Карповна, душенька, разлапушка вы моя,

Мой амурчикъ,
Мой агурчикъ
Персикъ наливной!

— Полно-те вамъ; не то я право уйду.

— Ну! не сердитесь; Улита ѣдетъ, коли то будетъ; а я сегодня поѣду, а не то пойду per pedes apostolorum.

— Не понимаю я вашихъ; по столярамъ....

— Это значитъ: на своихъ на двоихъ. Вотъ что-съ!

— Да куды?

— А въ гости. Мы званые гости—не будемъ гладать кости. А пѣшкомъ пойдемъ потому, что

Счастье ѣздить и въ каретѣ,
А съ умомъ идешь пѣшкомъ.

— Да полно вамъ болтать-то, Лука Лукичъ; какъ вамъ не надоѣстъ; вѣкъ свой болтаете.

— А все масло не выходитъ? Правда, правда, мамзель Улита.

— Ну васъ—съ мамзелью-то. Къ кому-же вы это?

— А къ достохвальному и многоуважаемому мужу, звѣздѣ отечественной философіи, а наипаче грамматики, къ Ѳитѣ Ерофеичу Мудросмыслову....

— Опять насосетесь тамъ... опять завтра надо будетъ голову уксусомъ примачивать, да чаемъ васъ отпаивать. Охота вамъ... тьфу!...

— Эхъ, госпожа Селедка, госпожа Селедка! жизнь прожить не поле перейти; а въ поле ѣсть всякія травки; а травки попадаютъ въ водку; а водка попадаетъ въ голову; а голова, если она буйная, попадаетъ въ полицію. Вотъ почему и говорится, что жизнь прожить, не поле перейти... Удобовразумительно?

— Да вѣдь Ѳита Ерофеичъ кажись уже на дачѣ?—и имя-то пьяное какое-то; не могла не поворчать экономка.

— А въ этомъ-то и дѣло, въ этомъ-то и дѣло. Приглашенъ Лука Лукичъ на новоселье къ свѣтилу отечественнаго слова и пойдетъ... Да-съ... пойдетъ, и немедленно—быстро говорилъ Лука Лукичъ, сѣменя по чистенькой комнатѣ, между тѣмъ какъ его угрюмая экономка сидѣла и чинила секретныя части его туалета.

— Ну идите; нешто васъ держать станутъ! Наклюкайтесь опять съ этимъ Ерофеичемъ; опять безъ сапогъ прійдете домой, какъ въ мартѣ....

— Не корите добрымъ дѣломъ, госпожа Селедка; я встрѣтилъ тогда на улицѣ человѣка безъ сопогъ, а у меня были сапоги и калоши... ну я и отдалъ сапоги... что же? Возстановилъ нарушенное жизнью равновѣсіе....

— Эхъ, Акимъ простота! вотъ ужь подлинно—простота хуже воровства; подите вы....

Но сердобольная экономка только по наружности кипятилась; на самомъ же дѣлѣ она такъ уже привыкла къ подобнымъ выходкамъ своего сороколѣтняго ребенка, что давно на нихъ рукой махнула.

— Въ чемъ пойдете?

— Какъ есть... въ бѣломъ... candidus... бѣлый цвѣтъ и лучи отражаетъ и символъ голубиной чистоты душевной....

— Вы бы поѣхали; вѣдь Богородское не близко; а на дворѣ во какая жарынь.

—Per pedes... per pedes... поэзіи больше... первобытности... Ну, а все таки приготовьте сумочку... а въ сумочку рюмочку...ку и прочее.

— Это на что?

— А преодолѣвать трудности пути! Г-жа Селедка, гдѣ ваша обычная проницательность!

— Подите вы!.. Пуще горькой рѣдьки надоѣли... Вѣчно что нибудь выдумаете... Постыдились бы... Экономка встала и вышла изъ комнаты; Лука Лукичъ продолжалъ расхаживать, потирая руки и занимаясь обычной ловлей висковъ, пускавшихся въ воздушное пространство.

Черезъ нѣсколько минутъ вернулась экономка, вся навьюченная съ головы до ногъ разными разностями: въ рукахъ несла она подносикъ съ завтракомъ—чашкой кофе съ густыми сливками и ломоть домашняго хлѣба съ масломъ и сыромъ; на правой рукѣ висѣла довольно большая сумка; уже чѣмъ-то набитая; подъ мышкой лѣвой руки была пара сапоговъ; на головѣ—на бекрень жолтая шляпа съ широчайшими полями, а въ зубахъ красный, довольно объемистый зонтикъ. Экономка любила за разъ дѣлать какъ можно больше дѣла, а потомъ сидѣть и ничего не дѣлать....

Лука Лукичъ сострадательно поспѣшилъ развьючить свою вѣрную, хотя и сердитую прислужницу. Завтракъ былъ уничтоженъ мгновенно и почти также скоро Лука Лукичъ былъ во всеоружіи.

— Не было бы дождика... такъ, больше для формы, замѣтила экономка. Шинель бы взяли...

— Богъ вымочитъ, Богъ и высушитъ... Ну-съ, честь имѣемъ кланяться, не извольте чваниться....

И онъ готовъ былъ выйти изъ комнаты.

Вдругъ дверь съ шумомъ отворилась и вбѣжалъ весь запыхавшійся краснощокій, растрепанный верзила лѣтъ 20, племянникъ его, канцеляристъ Петръ Иванычъ Живчикъ, извѣстный больше подъ именемъ Пети Живчика, баловень Лукя Лукича, бывшій съ годъ и въ университетѣ, хотя не могъ и самъ опредѣлить по какому

Тетка Лукерья, торговка.

— Живемъ, слава Богу, хлѣбъ жуемъ, а безъ водочки и чайку тоже не сидимъ.

факультету. Причина этому впрочемъ совершенно ясно для всѣхъ выражалась въ любимой пѣсенкѣ Пети:

Рускій я студентъ лихой,
Выросъ на квартирѣ,
Сплю на лекціи пустой,
Бодрствую въ трактирѣ.

Надо полагать, что трактирный факультетъ былъ именно той отраслью знаній, которой хотѣлъ посвятить себя Петя. Но судьбѣ было угодно распорядиться иначе.

— Дяденька, дяденька!.. Вы на дачу; знаю, знаю и я съ вами, съ вами— кричалъ и бѣсновался юноша. Только безцѣнная Калина Малиновна....

— Улита Карповна —сухо поправила экономка.

— Ну, Улита, Улита... безцѣнная Улита Карповна... хочу кушать, кушать, кушать....

Экономка знала, что Петя Живчикъ—это въ нѣкоторомъ родѣ африканскій ураганъ: пески мутитъ и взбиваетъ къ небесамъ, пальмы разныя выворачиваетъ изъ земли и даже верблюдовъ переворачиваетъ вверхъ ногами—что отъ него не отдѣлаешься ни крестомъ, ни пестомъ, а потому поспѣшила уйти.

Вскорѣ принесла она остатокъ пирога, кусокъ хлѣба съ масломъ и сыромъ, кусокъ ветчины, колбасы и остатки какой-то птицы. Петя упряталъ все это во мгновеніе ока; ясно было, что сей юноша унаслѣдовалъ одну изъ добродѣтелей своего дядюшки.

— Молодецъ Петька!.. ѣдятъ тебя мухи!—не могъ не воскликнуть умиленный дядюшка. Этакъ чай все жалованье за разъ уплетаешь?

— Плевать!.. хладнокровно сказалъ Петя и вытеръ губы рукавомъ своей служебной скорлупы. Идемъ-же, дядюшка; только, пожалуста, вы дорогой не занимайтесь ни естествознаніемъ, ни филантропіей, а то не дойдемъ... да и по обыкновенію опять попадемъ по вашей милости въ какую нибудь естественную исторію....

— Ну, смирно, чадо непокорное! яйцо да не учитъ курицы; курица да не учитъ яйца; а всѣ мирно шествуютъ per pedes... Маршъ, маршъ....

„Мальбрукъ въ походъ поѣхалъ....

Поклонъ вамъ съ хохломъ, челобитье съ шишкой, досточтимая дѣвственница Улита Карповна.

Улита кисло улыбнулась и пожала плечами.

Когда ушли наши странники, Улита Карповна вышла, по обычаю всякой прислуги, оставшейся домовничать, за ворота и тутъ встрѣтилось съ сосѣдней нянькой.

— Просто горе няня!

— А что, моя косатка?

— Ушолъ куда-то мой пѣтушокъ; опять надѣлаетъ какихъ нибудь глупостей! Ахъ ты, жисть моя!...

— И то, милая, взбалмошный онъ у тебя какой-то; кипятится, мать моя, а все ничего путнаго не выходитъ.

— Ужъ такой несообразный; ничѣмъ его не урезонишь.

— И-и-и!.. Поди-ка ты!...

— Да вѣдь вонъ прошлой осенью... Ну, надо-ли!.. Вотъ видишь шарманщикъ съ дѣвочкой?

— Вижу, милая, повадился шляться тутъ, шалыганъ, у, у!...

— Такъ вотъ, моя ты болѣзная, эфту самую дѣвочку взялъ нашъ-то домой: жаль, говоритъ, пригрѣть, воспитать надо....

Да какъ-же ты-то позволила, да что это ты!.. Ахти?

— Да мнѣ-то что?.. Ну и взялъ. Она его и то и се, наврала съ три короба; онъ ее обулъ, одѣлъ....

— Обулъ, одѣлъ?.. А—а!...

—А она, матушка ты моя, черезъ два дня ночью обокрала до чиста, да и удрала... да вотъ теперича опять со своимъ тальянцемъ-ли, жидомъ-ли, прости Господи, и бродитъ, да распѣваетъ:

Возьми въ ручку пестолетку,
Прострѣли ты грудь мою!...

— Вѣстимо, родимая, сказано: сколь волка ни корми, а онъ все къ лѣсу смотритъ.

— И правда, и правда, подтвердила Улита Карповна. Отозвавшись такъ не человѣколюбиво о несчастной дѣвочкѣ, уличной пѣвицѣ, соловьѣ слякоти, извощиковъ и кабаковъ, сердобольныя женщины разошлись по домамъ. А уже гдѣ-то далеко слышалось.

„Подъ вечеръ осени ненастной".

б) Ѳита Ерофеичъ Мудросмысловъ на дачѣ; съ неба свалившійся гость.

Дача, на которой нашелъ себѣ временное успокоеніе отъ треволненій столичной жизни философствующій Ѳита Ерофеичъ Мудросмысловъ, находилась въ селѣ Богородскомъ, недалеко отъ Москвы. Дорога изъ города къ ней шла знаменитыми Сокольниками, тѣнистой рощей, гдѣ во времена оны цари занимались соколиной охотой, а теперь московская публика, а преимущественно такъ называемые городскіе обыватели, упражняются въ разныхъ другихъ охотахъ; гдѣ, говорятъ были соколы, а теперь много воронъ, на томъ основаніи, что соколъ съ мѣста, ворона на мѣсто....

— Рѣчка Яуза, узенькая, не глубокая и вообще прихотливая, извилистая, съ обманчивымъ, неровнымъ дномъ, съ неожиданными провалами—не даромъ злые языки называютъ ее кляузой—отдѣляетъ Сокольники отъ Богородскаго, За ней на холмѣ расположено это послѣднее двумя улицами, идущими вдоль Яузы и цѣлой толпой домиковъ, разбѣгающихся по темному лѣсу—влѣво отъ подъема въ деревню.

Въ этихъ домикахъ живутъ болѣе счастливые смертные, то есть болѣе зажиточные дачники, такъ какъ извѣстно, что въ подстоличныхъ дачахъ нужно платить и за тѣнь кустиковъ бузины и акаціи, изображающихъ собою садъ, и за чистый воздухъ, и за всѣ крылечки, балкончики и мезонинчики, настроенные «для близиру господъ»—и платить то, что платится въ Москвѣ за очень роскошную квартиру.

Собственно улицу составляютъ домики попроще: они имѣютъ въ виду и дачниковъ попроще—учителей, студентовъ, неутѣшныхъ вдовицъ съ утѣшительными дочками и несмѣтнымъ количествомъ братцевъ, небогатыя купеческія семейства, которыя крѣпко на крѣпко закрываются и завѣшиваются шторами, маркизами, разными ставнями и занавѣсками, чтобы природа и человѣчество не мѣшали имъ спать. Къ такимъ нехитрымъ жильямъ принадлежала и дача Ѳиты Ерофеича. Она представляла домикъ, еще не старый, но уже преждевременно одряхлѣвшій отъ недоброкачественности своихъ матерьяловъ. Въ дождь она текла, вь вѣтеръ тряслась, какъ въ лихорадкѣ, въ хорошую погоду лѣтомъ кто сидитъ въ такихъ избушкахъ? Передъ ней была неизбѣжная принадлежность богородской дачи—палисадникъ, то есть крошечная, усыпанная пескомъ площадка и за ней 2—4 кустика бузины, безобразно склочившіеся въ густую зеленую массу. Палисадникомъ этимъ могли пользоваться только куры и твари божіи, равныя съ ними ростомъ—такъ малы были его размѣры. Отъ домика вдоль двора шли разныя ажурныя строенія весьма хитрой архитектуры; ихъ стѣны и крыши съумѣли вплести въ себя всевозможные матерьялы—прутья, палки, старыя веревки, куски картона, дверей, оконъ, стульевъ, наконецъ даже нѣкоторыя части крестьянскаго туалета тоже умѣстились въ этой необыкновенной мозаикѣ.

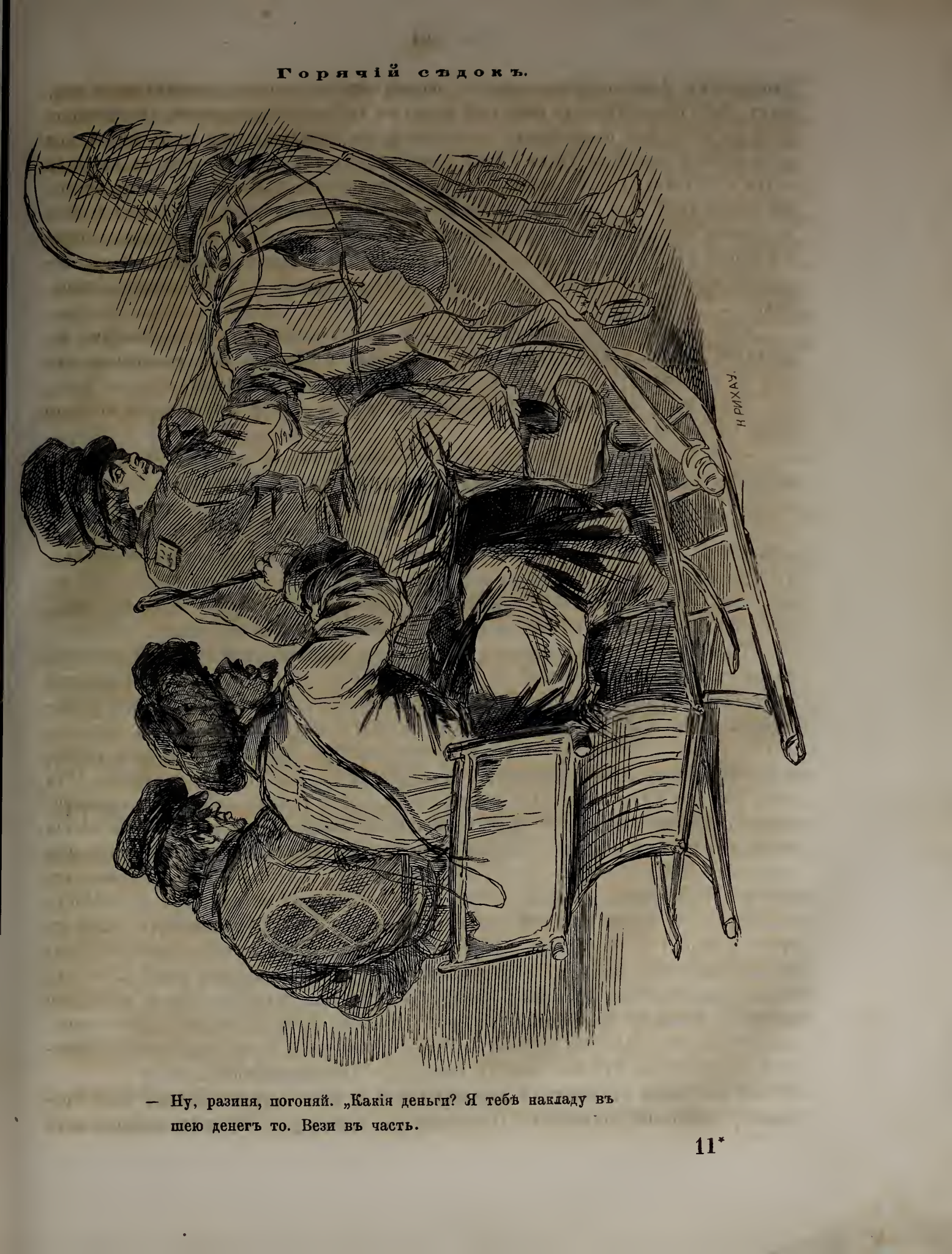
За домомъ шло поле, отъ котораго несло навозомъ весьма энергическаго запаха; поле спускалось къ ручейку съ обѣихъ его сторонъ, и оба спуска были всегда топки—лягушкамъ было на нихъ раздолье; тутъ-то эти первобытные, исконные обитатели московской мѣстности вѣроятно не разъ вспоминали всѣ прелести своей старинной вольницы еще до пришествія докучливыхъ кіевскихъ славянъ, которымъ никакъ не квакалось на Днѣпрѣ. По крайней мѣрѣ ихъ прыжки и кваканье подъ вечеръ разительно представляли какіе-то языческія нечестивыя бѣснованія въ угожденіе діаволу.

За ручьемъ шолъ густой, разнородный и растрепанный лѣсъ, весь изрѣзанный чуть видными, грязными и топкими тропинками; лѣсъ этотъ былъ громаденъ, густъ, наполненъ березой, сосной, елью, орѣшникамъ, дубомъ, въ немъ жили себѣ да поживали почти никѣмъ не безпокоимыя ягоды и всяческіе грибы, сидѣвшіе подъ большими деревьями, какъ старые нѣмцы въ широкихъ, бѣлыхъ, жолтыхъ и сѣрыхъ шляпахъ. Мертвая тишина въ этомъ лѣсу нарушалась только жужжаніемъ тьмы слѣпней, комаровъ и мухъ и по временамъ паденіемъ сосновыхъ шишекъ—словомъ всего таки въ немъ было! только заблудиться въ немъ было очень легко.

Познакомимся теперь нѣсколько съ Ѳитой Ерофеичомъ и его житьемъ—бытьемъ на своей дачѣ.

Во времена своего процвѣтанія сей маститый мужъ былъ учителемъ россійской грамматики и всегда питалъ особенное уваженіе къ высокому слогу и философскимъ

Горячій сѣдокъ.



— Ну, разиня, погоняй. „Какія деньги? Я тебѣ накладу въ шею денегъ то. Вези въ часть.

умозрѣніямъ. Дофилософствовавшись до полной пенсіи, одинокій, ненавидѣвшій женщинъ, Ѳита Ерофеичъ сталъ жить себѣ мирно въ матушкѣ бѣлокаменной, уединяясь на лѣто на дачи. Для развлеченья, а частью и изъ самолюбія, сей мужъ имѣлъ при себѣ нѣкоего отрока по имени Савка, который состоялъ при его особѣ въ качествѣ слуги и питомца. Одной изъ привиллегій Савки было подвергаться ежедневно въ послѣобѣденный часъ лекціямъ Ѳиты Ерофеича, причемъ никогда не обходилось безъ маленькой потасовки, когда слабонервный Савка, не выдержавъ монотоннаго поученія своего наставника, засыпалъ сномъ праведныхъ... Послѣ потасовки, Савка постыдно изгонялся, и Ѳита Ерофеичъ пасмурно погружался въ уединенныя размышленія....

Если случалось, что зайдетъ уличный книготорговецъ, то Ѳита Ерофеичъ непремѣнно купитъ у него одну книжку, но никакъ не больше. Но начитаетъ-же онъ ему за эту книжку! Всю литературу переберетъ; всѣмъ достанется.

Вотъ какъ бѣдный букинистъ жаловался разъ своему пріятелю на грознаго Ѳиту Ерофеича:

— Чудакъ баринъ! Назвалъ меня тряпичникомъ литературы. «Тряпичникъ! говоритъ, ты; вотъ что. Ну что ты тутъ таскаешь въ своемъ грязномъ мѣшкѣ? Показывай! Буквари—по которымъ нельзя выучиться читать; пѣсенники—въ которыхъ нѣтъ ни грамотности, ни складу, ни ладу; народные разсказы—написанные спившимся приказнымъ на старомъ архивномъ дѣлѣ; или разрозненныя книжонки, гдѣ для счета вклеены страницы изъ другихъ книгъ?.. А!.. Бестія ты! А вѣдь тоже наживаешься, коммерціей зовешь свою продажу... А ты просто, тряпичникъ, тряпичникъ—и больше ничего...» Вотъ какой бѣдовый былъ баринъ.

Теперь мы застаемъ маститаго философа на своемъ балкончикѣ, распивающаго чаекъ съ ямайскими сливками въ пріятной компаніи двухъ личностей, разумѣется не прекраснаго пола: знакомаго намъ неудавшагося студента Живчика и еще незнакомаго, но тѣмъ не менѣе почтеннаго мужа Плута Плутыча Пройдохина, спеціальнаго торговца табакомъ, сигарами и папиросами въ Москвѣ, по сосѣдству съ нашимъ пріятелемъ Лукою Лукичемъ. Г. Пройдохинъ, рыжій, усатый мущина лѣтъ подъ 40, всю жизнь свою былъ занятъ составленіемъ самыхъ смѣлыхъ и фантастическихъ плановъ обогащенія путемъ блестящей коммерціи; но къ несчастію всегда случалось такъ, что самые основательные, математически вѣрно задуманные имъ предначертанія непремѣнно разлетались прахомъ отъ какого нибудь пустѣйшаго недосмотра въ дѣйствительности. За то пока этотъ планъ не выходилъ изъ области краснорѣчія г. Пройдохина, онъ былъ поразителенъ своей обстановкой, особенно въ устахъ автора; г. Пройдохинъ мастерски владѣлъ словомъ и былъ одаренъ чрезвычайно огненнымъ, живымъ воображеніемъ, онъ не могъ ни одной вещи разсказать такъ, какъ она была на самомъ дѣлѣ... Правда, узкіе умишки честили его за это лгуномъ, вралемъ, хвастунишкой и пр. и пр., но мужи глубокомысленные, напр. Ѳита Ерофеичъ, находили въ этой особенности его нрава очень похвальное творческое стремленіе къ художественному возсозданію дѣйствительности....

Вотъ сидитъ въ большихъ креслахъ сухая, жолтая и суровая фигура Ѳиты Ерофеича, постоянно поглаживая свои сѣденькія бакенбарды, причемъ каждый разъ

губы его съ важностью отдуваются впередъ. Сѣдые, жосткіе волосы зачесаны впередъ на вискахъ прямо къ глазамъ, а надъ мудрымъ, наморщеннымъ челомъ приподняты и загнуты хохолкомъ. Большіе, стоячіе воротники и высокій, черный галстукъ придаютъ еще болѣе солидности его чопорной, костлявой фигурѣ, строго заключенной въ длинный сѣрый сюртукъ.

Г. Пройдохинъ весь въ какомъ-то рыжемъ, какъ и самъ, одѣяньи, сидѣлъ подлѣ хозяина на стулѣ, а Петя Живчикъ расхаживалъ скорыми шагами по балкону, покуривая изъ коротенькой трубочки и поплевывая то-и-дѣло. Надъ балкономъ не было крыши и вечернее солнце освѣщало красноватыми лучами эту торжественно мирную картину чаепитія. Одинъ только толстый и вѣчно заспанный, растрепанный и ухмыляющійся Савка въ широкой сѣрой курткѣ и очень узенькихъ пантолонахъ своего барина, стоя у дверей и постоянно почесываясь, нарушалъ чинный и серьезный колоритъ начерченной картины.

Шло чаепитіе и мудрая бесѣда. Г. Пройдохинъ по обыкновенію что-то излагалъ весьма плавно и обстоятельно; Петя Живчикъ безпокоился на счетъ своего дядюшки, съ которымъ еще утромъ разошелся въ Сокольникахъ и долженъ былъ прійти одинъ къ Ѳитѣ Ерофеичу, а сей достойный мужъ по временамъ возводилъ конкретныя рѣчи своихъ собесѣдниковъ въ глубокія философскія абстрактности, причемъ многозначительно покрякивалъ.

— Вы не повѣрите, вы не повѣрите, милостивые государи, — ораторствовалъ г. Пройдохинъ, прихлебывая чай съ ромомъ, это удивительный, невѣроятный случай. Клянусь вамъ, я не лгу, господа. Изобрѣтенный мною нюхательный табакъ оказывалъ въ бытность мою въ Петербургѣ непостижимыя свойства!

— Вы когда изволили быть въ нашей сѣверной Пальмирѣ? спросилъ Мудросмысловъ.

— Прошлымъ лѣтомъ... въ іюнѣ....

— Но представляется моей памяти, что въ сіе именно время вы пребывали въ Москвѣ въ долговомъ отдѣленіи?...

— Да-съ.... нѣтъ-съ..... конечно-съ..... но знаете—тихонько, инкогнито.... это знаете, тайна, секретъ....

—Да не подымемъ завѣсы таинственнаго міра; Ѳита Мудросмысловъ когда-то сказалъ, что въ міровомъ бытіи есть феномены, ускользающіе отъ философствующаго умосозерцанія....

— Ваша правда..... ускользающіе.... прекрасно сказано.... Вотъ и я тогда былъ.... ускользающимъ..... отъ.... какъ вы изволили сказать?....

— Отъ философскаго умосозерцанія.....

— Точно такъ-съ..... Такъ вотъ видите-ли-съ..... былъ я представленъ..... ну, высокій покровитель такъ благосклонно принялъ.... понимаете? Необыкновенное изобрѣтеніе!.... Табакъ золотаго цвѣта..... запахъ—божественные ароматы!.... А главное свойство, невѣроятное свойство!

— Излагайте, излагайте!

— Разъ нюхнули..... всѣ недуги, какъ рукой сняло; два нюхнули — чихъ!.... тѣло разцвѣло здоровьемъ, юностью и красотой..... нѣжныя улыбки дамъ, ручки дѣ-

вицъ летятъ къ вамъ со всѣхъ сторонъ; три нюхнули—чихъ!.... умъ пробуждается, свѣтлѣетъ, великія идеи такъ вотъ и кишатъ..... знай лови, да выполняй и каждая сдѣлаетъ милліонеромъ..... Даже самъ высокій покровитель....

— Изволилъ производить экспериментумъ!....

— Какже-съ.... осчастливилъ.... Теперь только дѣло за привиллегіей.... знаете, чтобы всѣ были непремѣнно обязаны его нюхать ежедневно и покупать исключительно у меня.... Вотъ вамъ и разсчетъ...., слушайте, каковъ барышъ-то колоссальный...

И онъ уже готовился исчислить свои будущіе колоссальные барыши; онъ даже привсталъ съ мѣста и вдохновенно растопырилъ руки. Петя Живчикъ тоже, отъ нечего дѣлать, подошелъ къ столу; дымъ отъ его трубки смѣшался съ паромъ отъ самовара; Савка тоже подкрался, ковыряя пальцемъ въ носу.

Вдругъ что-то тяжелое брякнуло съ крыши прямо на столъ, опрокинуло самоваръ, причемъ кипятокъ обварилъ Ѳиту Ерофеича, который отъ боли заревѣлъ благимъ матомъ; Живчикъ отскочилъ въ сторону, сбилъ съ ногъ Савку, а г. Пройдохинъ перелетѣлъ черезъ перилы балкона и кинулся бѣжать куда глаза глядятъ.

По немногу собесѣдники оправились и только тутъ разглядѣли, что на балконѣ подъ опрокинутымъ столомъ, весь обваренный и израненный разбитыми стаканами лежалъ, борахтаясь и охая..... ужасный видъ!.. лежалъ никто иной, какъ нашъ почтеннѣйшій Лука Лукичъ. Вотъ ужъ подлинно съ неба свалился.... Восклицаніямъ, впрочемъ не совсѣмъ дружелюбнаго свойства, не было конца; Живчикъ съ Савкой успѣли наконецъ привести въ приличный видъ столь неожиданно къ нимъ свалившуюся фигуру Луки Лукича; что-же косается до Ѳиты Ерофеича, то—его тѣлеса были рѣшительно выведены изъ своего рѣшительнаго философскаго спокойствія и самообладанія.

Но какими злочастными судьбами явился нашъ Лука Лукичъ въ гости такимъ страннымъ, такъ—сказать неисповѣдимымъ путемъ?

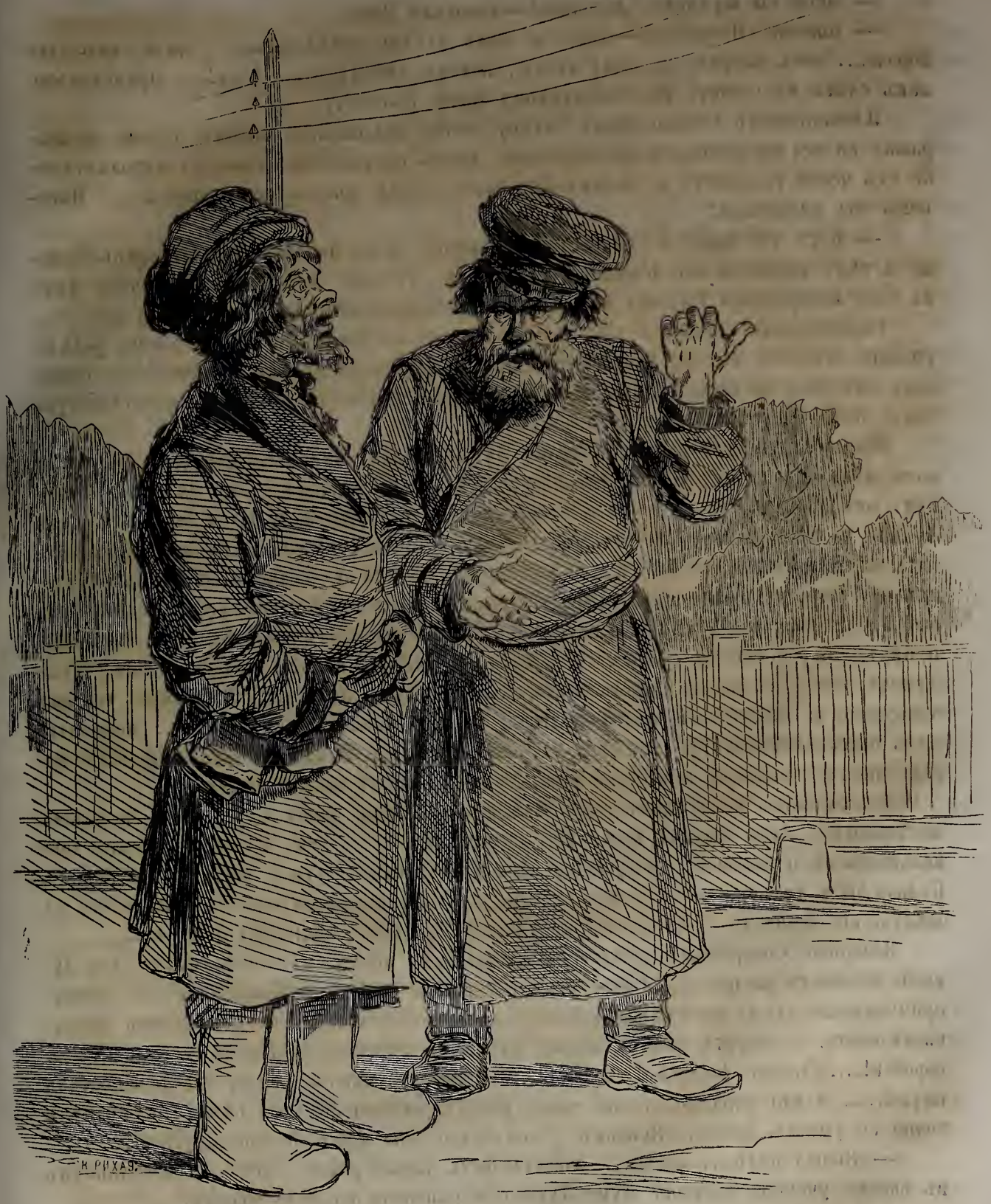
Объ этомъ не безъинтересно будетъ разсказать читателю.

в) Воздухоплаваніе Луки Лукича.

Вышедши изъ дому, Лука Лукичъ съ племянничкомъ направились къ Сокольникамъ. Было уже заполдень. Путники шли сначала молча. Вдругъ Лука Лукичъ предложилъ Петѣ Живчику зайти въ небольшое увеселительное заведеніе подъ вывѣской: «Самъ-Петербурхъ, распивочная продажа пива, меду и разныхъ водокъ.» Зашли. Было выпито приличное количество желудочной и затѣмъ все дѣло было довершено пивцомъ; фантазія Луки Лукича начала уже приближаться къ точкѣ кипѣнія.

— Послушай, Петряша, чадо мое! скучно, брате, итти этими Сокольниками; все это расчислено, расчищено, размѣрено, глупо какъ-то; эти дачи—точно капища древнихъ язычниковъ, пагоды какіе-то съ нелѣпыми идолами, носастыми, пузатыми, тупо смотрящими на все отружающее....

Петруха нашелъ Ѳедюху.



— А я былъ у шурина въ Наверкисетѣ,
— Это гдѣ людей рѣжутъ?
— Извѣстно дѣло.

— Экой вы шутникъ, дяденька!—хохоталъ Петя.

— Знаешь, Петрунька—итти бы намъ путями невѣдомыми.. . да я знаю путь короче.... вотъ направо къ тому лѣсу... потомъ лѣсомъ и..... бацъ!.... прямехонько, какъ снѣгъ на голову, къ досточтимому Ѳитѣ Ерофеичу!

Племянничекъ хорошо зналъ натуру своего дядюшки, а потому, ничего не возражая на его колумбовскія поползновенія, сталъ обдумывать, какъ бы устранить себя отъ чести раздѣлить со своимъ дядюшкою славу новыхъ его открытій.... Наконецъ онъ вскричалъ:

— Вотъ что дядя: я пойду старой дорогой, а вы новой!.. прійдете раньше меня и тѣмъ торжественно докажете всему міру, что онъ заблуждался на счетъ пути въ село Богородское. Тріумфъ вашъ будетъ неописанный!....

Скоровоспалительный и уже значительно наспиртованный Лука Лукичъ былъ въ упоеніи отъ этой мысли; онъ восторженно обнялъ племянника и комически важно давъ ему свое отеческое благословеніе, направился полемъ прямо къ чернѣвшемуся лѣсу, Петя Живчикъ пошелъ Сокольниками.

Жарко было итти полемъ бѣдному Лукѣ Лукичу; онъ весь вспотѣлъ; мухи и комары не давали ему покоя; пыль густымъ слоемъ садилась ему на лицо. Наконецъ онъ добрался до-лѣсу. Тутъ пошла другая исторія; куда было итти? Но Лука Лукичъ болѣе и болѣе разгорячался; водочка и пивцо, сочетавшись крѣпкимъ союзомъ на его погибель, стали сильно бушевать; обуяла его обычная въ такихъ случаяхъ его страсть изслѣдовать природу и разные ученые эксперименты. Дорога была выбрана на основаніи самыхъ глубокихъ географическихъ соображеній—тутъ было принято въ расчетъ и солнце, и облака, и вѣтеръ и даже полетъ птицъ; Лука Лукичъ шелъ въ неописанномъ восторгѣ отъ своихъ познаній. Выходило, что онъ прибудетъ на мѣсто часа черезъ полтора, то есть раньше племянника.... исполать! Лѣсъ былъ именно тотъ, который мы описали выше. Замѣтьте, что незадолго передъ днемъ ученаго путешествія Луки Лукича выпалъ мелкій дождь.

Останавливаясь на каждомъ шагу и любуясь каждой травкой, птичкой, каждымъ насѣкомымъ, Лука Лукичъ постоянно потягивалъ изъ своей дорожной фляги донпелькюммель и наконецъ совершенно сбился со всякаго пути и шолъ, куда попало. Нельзя было думать, чтобы такая система путешествія могла скоро привести его въ объятья его пріятеля, безъ какого нибудь такъ сказать спеціальнаго случая.....

Вечерѣло. Содержимое фляги приближалось къ концу, а восхищенный Лука Лукичъ все шолъ да шолъ..... Ему представлялись грибы необыкновенныхъ формъ, причудливыя мухи, допотопная растительность—и онъ обѣщалъ непремѣнно все это изслѣдовать..... Вдругъ видитъ весьма странную сѣренькую птичку.... глядитъ.... воробей!.... Fringilla domestica!... Нѣтъ!.... Ясно, что птичка новая, еще неизвѣстная наукѣ..... и что странно!... она очень тихо перескакиваетъ съ вѣтки на вѣтку и точно не умѣетъ летать.. Притомъ у нея будто одно крыло больше другаго....

— Новый видъ.... species.... можетъ быть, новый родъ.... genus.... воскликнулъ въ своемъ ученомъ восторгѣ Лука Лукичъ и рѣшается поймать птичку.

Съ легкостью обезьяны онъ взбирается за ней на дерево; карманъ брюкъ зацѣпился за сучекъ, разорвался и что-то упало на землю. Но Лукѣ Лукичу было не до

этого— птичка сидѣла неподвижно на верхушкѣ. Вотъ уже онъ беретъ ее рукою.... вотъ уже держитъ съ нею въ своей десницѣ степень доктора зоологіи.... лѣзетъ выше, выше.... но вдругъ!... птичка перепорхнула на другое дерево. Къ счастью, оно было близко; Лукѣ Лукичу легко было на него перебраться; птичка подождала его, но.... опять перескочила на третье дерево. Такимъ образомъ, благодаря густотѣ лѣса, онъ могъ довольно долго преслѣдовать странное пернатое созданье, которое точно дразнило его....

Но случилось наконецъ, что дерево, на которое прыгнула птичка, отстояло довольно далеко отъ того, на которомъ остался почти обратившійся въ птичку Лука Лукичъ. Злодѣйка птичка опять усѣлась на дерево и точно манила измученнаго, запыхавшагося, изцарапаннаго натуралиста. Добыча была слишкомъ заманчива, а водочка слишкомъ горячительна....

Лука Лукичъ придумалъ геніальный планъ. Онъ вспомнилъ какъ обезьяны прыгаютъ съ дерева на дерево, ухватившись на пути прыжка за крошечную вѣтку и, на минуту повиснувъ въ воздухѣ.... маршъ на слѣдущее дерево! Онъ рѣшился самъ совершить такой-же прыжокъ и притомъ, на случай, если бы всполошенная птичка вздумала порхнуть вверхъ, кинуть на нее мѣткой рукой свою широкополую шляпу съ привязанной къ ней флягой для увеличенія ея тяжести; шляпа должна была прихлопнуть птичку и увлечь ее на землю своимъ паденіемъ.

— Великій законъ Ньютона, прійди мнѣ на помощь! воскликнулъ нашъ ученый мужъ и, бросивъ шляпу съ флягой, самъ съ легкостью влюбленной кошечки скокъ...

Но злодѣйка—фляга отомстила за себя и законъ Ньютона далъ себя почувствовать; шляпа дала маху и повисла на верхушкѣ дерева, птичка «вспорхнула и полетѣла за тридевять полей,» а самъ Лука Лукичъ тоже полетѣлъ.... но прямо внизъ, въ безобразную и зловонную лужу.... жалобное кваканье лягушекъ огласило окрестность.... Лука Лукичъ лежалъ въ лужѣ безъ чувствъ, конечно, по закону свободнаго паденія тѣлъ, столь коварно найденному этимъ Ньютономъ, чадомъ коварнаго Альбіона.

Пришедши въ себя, Лука Лукичъ узрѣлъ предъ собою стараго, но еще здороваго и крѣпкаго повидимому отставнаго солдата, который, набравъ цѣлую кучу хворосту и валежнику, собирался брести этой лужей—дѣло въ томъ, что лужа была велика и обойти ее было нельзя.

— Эка баринъ, угораздило васъ.

— Ахъ, братецъ, наука, наука..... Помоги мнѣ подняться, ради Бога.

— Да, впередъ наука.... И солдатъ поднялъ бѣднаго Луку Лукича и, сколько могъ, освободилъ его отъ слоевъ грязи. Но все таки хорошъ былъ нашъ мужъ! Боже ты мой! что сталось-съ его пухленькими, румяными щеками, съ его бѣлоснѣжнымъ платьемъ!....

— Какъ мнѣ попасть.... въ Богородское?..... —едва могъ пролепетать Лука Лукичъ.

— А не знаю; я не здѣшній.

— Нѣтъ-ли здѣсь по близости хоть какой деревни?

— Есть вонъ тамъ за лужей какая-то. Только итти черезъ лужу надо

— Хм!.... пролепеталъ Лука Лукичъ.

— Давай, баринъ, на полштофъ—перенесу.

Лука Лукичъ вспомнилъ, что у него въ кошелькѣ въ брючномъ карманѣ были деньги и обрадовался этому предложенію.

— Садись, баринъ, на плечи—все равно, хворостъ надо же нести. И они пошли.

Показалась деревня. Становилось темновато.

— Давай, баринъ, на полштофъ и проваливай—сказалъ солдатъ, спустивши на землю Луку Лукича. Этотъ бросился въ карманъ..... глядь, карманъ прорванъ и кошелька и слѣдъ простылъ.

Солдатъ разсвирѣпѣлъ не на шутку.

— Ахъ ты, прощалыга этакой, шатало! У самого ни гроша за душой, а тоже барина корчитъ—жуликъ ты, филинъ пучеглазый—туда-же! Неси его—я молъ заплачу! Ишь, кушанье какое! что глядишь-то? вотъ я какъ примусъ тебѣ ребра считать.....

И воинъ свирѣпо кинулся на растерявшагося и сконфуженнаго Луку Лукича.

Надо было обратиться въ немедленное бѣгство..... Солдатъ гнаться не сталъ, но замѣтивъ стаю собакъ, науськалъ ее на бѣднаго Луку Лукича; голодныя животныя кинулись со всѣхъ ногъ преслѣдовать во всѣ лопатки бѣжавшаго ученаго мужа. Вотъ уже онѣ почти хватаютъ зубами его икры.... Лука Лукичъ опять прибѣгнулъ къ воздухоплаванію; во мгновеніе ока онъ взобрался на ажурную пристройку, а затѣмъ на крышу какого-то дома и рѣшился по крышамъ продолжать свое невѣроятное странствованіе.

Дѣйствительно онъ перебирался по заборамъ, навѣсамъ и крышамъ довольно долго, сопровождаемый бѣшенною стаею собакъ, бѣжавшею за нимъ внизу по улицѣ. Вотъ онъ уже на крышѣ крайняго дома.... вотъ съ праваго боку внизу слышны голоса.....точно мущины разговариваютъ.... вотъ онъ думаетъ, какъ бы спрыгнуть, да попросить у нихъ гостепріимства.... только вдругъ..... съ лѣваго боку крыши съ ужаснѣйшими завываніями кинулось на него что-то въ родѣ собаки, или кошки, за нимъ другое и оба исчезли.... Лука Лукичъ въ испугѣ потерялъ равновѣсіе, кинулся вправо и.... бацъ! прямо на столъ къ Ѳитѣ Ерофенчу.

Нужно-ли говорить читателю, что Лука Лукичъ подъ вліяніемъ кюммеля и всѣхъ вынесенныхъ передрягъ не узналъ села Богородскаго, по которому онъ такъ фантастически совершалъ свое второе воздухоплаваніе. Изумленіе и ужасъ его пріятелей были неописанны!

10.

ОСЕНЬ.

Грязное, скверное время, время простудъ, насморковъ, кашлей, флюсовъ и пр. самое скучное время! И часто невольно думаешь, какъ это бы не привыкнуть къ нему; вѣдь каждый годъ повторяется, вѣдь самыя весна, лѣто и зима часто походятъ у насъ на осень.

Да мало-ли къ чему мы никакъ не можемъ привыкнуть? И на этотъ счетъ у меня есть симпатическій стишокъ.

Вотъ пять тысячъ пятьсотъ лѣтъ
Все на землю дождъ идетъ
Межъ людьми обманъ, коварство,
Бѣднымъ—всякія мытарства,
Гнетъ судьба меня въ дугу:
А привыкнуть не могу.

Странно это, други, право:
И на лѣво и на право,
И внизу, и на верху
Видишь только чепуху!
Мой слуга навретъ, нагадитъ,
Пьянъ напьется, обокрадетъ,
Разсержусь, браню слугу—,
А привыкнуть не могу!

Дождь шумитъ, стучитъ въ окошки,
На душѣ скребуться кошки,
Отъ неправды отъ людской,
И отъ жизни трудовой;
У кого полна котомка,
Тотъ толкуетъ очень громко,
Я-жъ съ пустою—ни гугу;
А привыкнуть—не могу.

Вѣтеръ воетъ, вѣтеръ стонетъ,
А прохожій въ лужѣ тонетъ.
И прійдетъ домой хорошъ:
Весь въ грязи и безъ колошъ!
Вотъ въ коляскѣ баринъ видный,
Развалясь, сидитъ солидно,
А я все бѣгу, бѣгу,
А привыкнуть не могу.

Вѣтеръ небо тучей кроетъ,
То заплачетъ, то завоетъ,
То чудакъ, развеселясь,
Гонитъ франта прямо въ грязь;
Грянетъ громъ; въ грѣхахъ я каюсь,
Стихнетъ—снова пресмыкаюсь,
И весь вѣкъ свой лгу, да лгу,
А привыкнуть—не могу!...

Но есть средство сдѣлать даже очень—пріятнымъ и это время года; нужно только запастись деньженками, тепленькимъ мѣстечкомъ и т. д.

Помню, какъ-то разъ подошла къ окошку нищенка, вотъ какъ у насъ на рисункѣ. Грязная, оборванная бабенка, на лицѣ которой ужасными чертами написаны инщета, пьянство, развратъ и всякія преступленія.

— Милостыньку христа рааади!.. Больной ребенокъ.... хлѣбушка нѣту-ти

Далъ я ей грошъ, хоть знаю, что эта нѣжная мать—чужаго ребенка, что ребенокъ быть можетъ ей даже украденъ, что можетъ быть тамъ даже полѣно завернуто вмѣсто ребенка, что нищенка пропьетъ мой грошъ въ кабакѣ; но что мнѣ за дѣло до всего этого?

Блаженъ, кто въ слякоть и мятель,
Домой свернувши съ полдороги
Улечься можетъ на постель,
Торжественно задравши ноги.

Кто въ дождь холодный и сырой
Подъ бременемъ тяжелой ноши
Не странствуетъ ночной порой
(Или купилъ себѣ колоши).

И, пробѣжавъ газетный листъ,
Въ почтенномъ званьи семьянина
Мечтать привыкъ подъ вѣтра свистъ,
Поджавши ноги у камина.

И, завернувши носъ въ халатъ,
Подъ трескъ огня, въ дремотѣ сладкой,
На дворъ размокшій, черный садъ,
Изъ—подъ него глядитъ украдкой.

Глядитъ и думаетъ: „бушуй
Ты, буря жизни, предо мною,
Ломай, кидай, шуми, волнуй—
Меня оставь ты лишь въ покоѣ.

Не сломишь на окнѣ цвѣтка,
Напрасно яростно несешься,
И не загасишь огонька,
И подъ халатъ не проберешься.

Застраховавъ себя давно
Отъ всѣхъ житейскихъ треволненій,
Живу степенно и умно
Въ кругу семейныхъ развлеченій.

Гляди: ты плачешь и ревешь,
Изъ силъ ты выбился, сердечный,
А я вотъ подалъ нищей грошъ
Ну—и доволенъ безконечно.

И побрела она въ кабакъ,
И грошъ попалъ по назначенью:
Постой-ка, дамъ еще пятакъ...
Нѣтъ, нѣтъ, къ чему-же увлеченье?

Дождь все сильнѣе и сильнѣй,
Вотъ вѣтеръ погасилъ сигару,
Озябъ, къ камину поскорѣй!
Вздремнуть подъ сказку самовара.

Нѣтъ воля ваша, славно дома!
Жена мнѣ приготовитъ чай,
Дочь прибѣжитъ съ бутылкой рома
И поцѣлуетъ—невзначай....

И, вспыхнувши какъ маковъ цвѣтъ,
Вдругъ остановится рѣзвушка,
Тихонько къ мамѣ подойдетъ
И спрячетъ личико въ подушку.

И мать съ улыбкой на меня,
Погладивъ дочку, нѣжно взглянетъ,
Усядусь съ чаемъ у огня,
И.... жалко нищенку мнѣ станетъ.

Не правда-ли, что и осенняя слякоть можетъ возбуждать пріятныя и благонамѣренныя чувства?

Вотъ этакимъ-то манеромъ сижу я себѣ, да поглядываю на улицу. И смѣшныя-же сцены приходится иной разъ наблюдать; что твой малый театръ. Вотъ напр. вамъ одна такая сценка изъ моихъ осеннихъ воспоминаній.

Дождикъ только что пересталъ и вечеръ былъ довольно тихій и теплый; я открылъ окно и сидѣлъ. Прямо противъ меня стоялъ грозный блюститель порядка и разсматривалъ—кончикъ своего краснаго носа. Въ это время подошелъ къ нему знакомый солдатикъ.

—Вотъ братецъ ты мой, сказалъ этотъ послѣдній городовому, фортель какой ноньче мнѣ вышелъ; опохмѣлиться пріобрѣлъ.

— Какъ такъ? Гдѣ?.. Покражу учинилъ? Подай сюда.

— Нѣтъ, какъ можно! Очень уже странный случай вышелъ; иду этта я подлѣ палиграфова столба и гляжу вверхъ, какъ вороны на немъ дерутся. Только подходитъ ко мнѣ мужичокъ, тоже остановился и, разинувъ ротъ, глядитъ вверхъ. Наконецъ спрашиваетъ меня.

— Вы что глядите, служивенькій?

— А вотъ смотрю на палиграфъ.

— А что энто за штука палиграфъ, служивенькой?

— А энто машина такая—для пересылокъ значитъ, по кореспонденціи. Хитрая машина!

— То-есть на счетъ чего-же? Посылаютъ вещи куда что-ли?

— Да, вещи, али что сказать тамъ надыть... Ну, выпалитъ тутъ одинъ, а въ другомъ мѣстѣ отдается; вотъ онъ палиграфъ и прозывается.

— И вправду вещи посылаютъ? Вотъ хоша бы я захотѣлъ значитъ къ примѣру новые сапоги сыну къ празднику послать въ деревню—можно?

— Какъ-же! Разумѣется, можно; есть что-ли сапоги?

— Есть, вотъ онѣ.

— Ну и посылай! Повѣсь на проволоку, хлопни себя рукою по лбу, скажи: пали! и завтра получишь назадъ старые сапоги отъ сына, а онъ получитъ твои. Мужичокъ повѣрилъ мнѣ, повѣсилъ сапоги на проволоку и ушолъ, разводя руками

и толкуя, «ишь штука какая, палиграфъ! Ай да штука! Чай нѣмецъ выдумалъ!» Вотъ и пріобрѣлъ сапоги—сейчасъ продалъ ихъ дворнику Климычу, а теперь—опохмѣлиться надо. Пойдемъ-ка, пойдемъ!...

— Не соблазняй, другъ, ибо сей врагъ силенъ, а человѣкъ очинно ужъ слабъ, не соблазняй, милый!...

— Полно, пойдемъ—вѣдь ерофеичъ-то новаго завода... Тутъ непоколебимый городовъ не могъ устоять: это было выше его силъ и вотъ они, обнявшись пошли съ пріятелемъ въ гости къ новому ерофеичу.

Между тѣмъ мнѣ принесли газеты: опять война! Тутъ я вспомнилъ тоже забавный случай съ моими пріятелями, который и хочу вамъ разсказать—онъ будетъ очень кстати въ наше воинственное время.

11.

КАКЪ ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ И КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВОЕВАЛИ СЪ ФРАНЦУЗАМИ

(разсказъ безъ заднихъ мыслей).

I.

Иванъ Ивановичъ и Карлъ Ивановичъ въ нѣкоторомъ родѣ германскаго происхожденія, т. е. на столько именно, насколько можетъ быть германцемъ человѣкъ, родившійся въ Россіи, имѣющій весьма смутныя понятія о Германіи и знающій также хорошо по-русски, какъ плохо по нѣмецки.

Иванъ Ивановичъ и Карлъ Ивановичъ были между собою большіе друзья, хотя нисколько не походили другъ на друга—можетъ быть въ этомъ и надо искать ключа къ разгадкѣ ихъ странной дружбы.

Иванъ Ивановичъ—маленькій, толстенькій, юркій человѣкъ, торопыга, непосѣда, хлопотунъ и юла; Карлъ Ивановичъ — длинный, худой флегма, ходитъ точно аршинъ проглотилъ, ноги вытягиваетъ какъ журавль, да и шея-то, и носъ, воздвигавшійся изъ безсмѣннаго бѣлаго галстуха, были чисто журавлиные.

Давно оба пріятеля служили въ нашемъ городкѣ въ двухъ купеческихъ конторахъ; давно они жили въ сосѣднихъ комнатахъ одного неказистаго домика; давно они водили между собою самую трогательную, но и самую однообразную, невообразимо однообразную дружбу.

Вотъ вечеръ, зимній вечеръ, т. е. скучный, безконечно—длинный, какъ плохой романъ, темный, холодный и снѣжный на улицѣ, душный и снотворный въ человѣческихъ гнѣздахъ, именуемыхъ мелкими квартирами.

Старый старьевщикъ.

— Вотъ енотовая шуба, сотенная, а вѣдь за красненькую досталась.

Сегодня вечеръ, который длинный Карлъ Ивановичъ проводитъ у Ивана Ивановича; вечера такимъ образомъ чередовались у нихъ же больше десяти лѣтъ.

Вошелъ сперва въ свою квартиру Иванъ Ивановичъ, снялъ въ прихожей колоши, повѣсилъ на гвоздикъ шинель, причемъ ее два раза уронилъ по торопливости и воробышкомъ впорхнулъ въ свою комнатку. Все это неизмѣнно—одинаково дѣлалось вотъ уже больше десяти лѣтъ.

— Матрена, а Матрена!...

— Что прикажете? отвѣтила кухарка—Матрена, старушка въ чепцѣ, съ огромнымъ носомъ, на которомъ молодцовато гарцовали соразмѣрные съ нимъ очки, и съ головой сидѣвшей въ непомѣрномъ чепцѣ. Матрена десятилѣтней практикой давно уже знала свои собственные отвѣты, однакожъ и слушала приказаній, и отвѣчала невозмутимо—хлоднокровно.

— Самоварчикъ поставь.

— Сейчасъ поставлю.

— Еще сюда къ столу кресло пододвинь.

— Нечто Карлъ Ивановичъ придутъ?

— Придутъ, придутъ.

— Вотъ и кресло. А что-то долго Карлъ Ивановичъ нейдутъ.

— Придетъ, придетъ.

Иванъ Ивановичъ зналъ, что скорѣй вся вселенная вверхъ дномъ перевернется, такъ что и самъ Иванъ Ивановичъ и Матрена въ чепцѣ вдругъ очутятся къ верху ногами, чѣмъ не прійдетъ Карлъ Ивановичъ.

И дѣйствительно пришолъ Карлъ Ивановичъ именно въ тотъ часъ, минуту и секунду, какъ приходилъ уже не одну сотню разъ.

Друзья поздоровались молча и сѣли за чай. Напились чаю.

— Не покурить-ли, спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Можно и покурить.

И стали курить сигары, не изъ особенно благовонныхъ.

— Не съиграть-ли въ шахматы? спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Можно и съиграть.

Разставили шахматы, стали играть и...до полночи уже не сказали другъ другу ни слова. Пробило 12 часовъ, но игра ихъ еще не кончилась. Услыхавъ роковой часъ, оба пріятеля точно по командѣ подняли головы, взглянули другъ на друга и сказалъ сперва Иванъ Ивановичъ:

— Пора спать.

— Пора, медленно произнесъ Карлъ Ивановичъ. Прощайте, Иванъ Ивановичъ.

— Прощайте, Карлъ Ивановичъ.

— Покойной ночи.

— Покойной ночи.

— Матрена, посвѣти Карлу Ивановичу.

— Сейчасъ, сударь.

На завтра точь въ тъ точь тоже самое повторялось и въ квартирѣ Карла Ивановича, гдѣ былъ и чай, и шахматы, и кухарка, которую впрочемъ звали Аксиньей.

Итакъ жили эти люди десятки лѣтъ. Да не подумаетъ впрочемъ читатель, что мы для его удовольствія измышляемъ здѣсь какихъ-то автоматовъ, человѣкообразныя машинки; ничуть не бывало: оба наши пріятеля были люди не глупые, не безъ сердца, не безъ искренной привязанности другъ къ другу, и случись въ ихъ жизни, въ ихъ взаимоотношеніяхъ что-нибудь необыкновенное, кто знаетъ, не явились-ли бы въ нихъ и порывистый умъ и клокочущее чувство... Но... судьба какъ нарочно распорядилась такъ, что ничего этого не случалось ни разу до сихъ поръ и ничѣмъ не была ни разу возмущена шахматная партія нашихъ друзей, никакая необыкновенная случайность не взволновала безконечныхъ складокъ чепчиковъ почтенныхъ Матрены и Аксиньи. Но увы!.. всему этому порядку вещей, казалось, столь минералогически-незыблемому, суждено было вскорѣ обратиться въ одно сладкое воспоминаніе.....

2.

Иванъ Ивановичъ не всегда проводилъ свои досуги съ Карломъ Ивановичемъ и Карлъ Ивановичъ не всегда проводилъ ихъ съ Иваномъ Ивановичемъ. Бывали они еще кое-гдѣ; и въ этомъ-то и вся бѣда.

Начнемъ съ Ивана Ивановича.

Вотъ воскресный день и полдневный часъ. Иванъ Ивановичъ умылся, побрился, надѣлъ новый сюртукъ и отправился въ гости.

Куда отправился Иванъ Ивановичъ? Не къ Карлу-ли Ивановичу?

Увы, нѣтъ, не къ Карлу Ивановичу.

Иванъ Ивановичъ тоже лѣтъ десять все такимъ-же образомъ отправлялся въ гости въ одно премилое семейство, заключавшее въ себѣ самую милую барышню Лизхенъ, по-русски Лизавету Фердинандовну, которая вздыхала съ Иваномъ Ивановичемъ каждое воскресенье съ часу до трехъ вотъ уже десять лѣтъ. Придетъ Иванъ Ивановичъ, войдетъ въ гостинную, выйдетъ Лизхенъ, сядутъ на диванъ и давай вздыхать; такъ это мило бывало выходить: повздыхаютъ и разойдутся.

Папаша и мамаша никогда не мѣшали этимъ упражненіямъ, безспорно, совершенно невиннымъ. Но однажды случился необыкновенный казусъ; пріѣхалъ къ Лизхенъ какой-то дядюшка, чуть не съ того свѣта. Всѣ забыли даже о его существованіи, но дядюшка пріѣхалъ съ деньгами, былъ старъ, одинокъ — и принялись-же цѣловать и кормить дядюшку.

Случился этотъ казусъ какъ разъ въ воскресенье. Входитъ Иванъ Ивановичъ и чувствуетъ, что у Лизхенъ совершается что-то необыкновенное.

— Ахъ, Иванъ Ивановичъ, къ намъ дядюшка пріѣхалъ!

— Дядюшка!...

— Милашка дядюшка, совсѣмъ бѣлый, какъ мой котъ Муръ.....

— Бѣлый, какъ котъ!... Скажите!...

И Иванъ Ивановичъ хотѣлъ еще что-то присовокупить на счетъ бѣлаго дядюшки, но былъ подхваченъ подъ руку папашей и мамашей, самимъ дядюшкой и уведенъ въ столовую завтракать.

Къ концу завтрака подвыпили папаша, дядюшка, подвыпилъ и Иванъ Ивановичъ, хоть съ роду ничего не пилъ, мамаша тоже будто подвыпила, хоть и теперь ничего не пила... въ воздухѣ чувствовались какіе-то воспалительные, электрическіе элементы. Иванъ Ивановичъ вышелъ въ гостинную.

Лизхенъ уже сидѣла на диванѣ и приготовилась вздыхать. Но къ крайнему ея изумленію Иванъ Ивановичъ повелъ себя на этотъ разъ совершенно необычайнымъ образомъ: онъ сталъ ей пожимать ручки, бѣгать вокругъ нея воробышкомъ, что-то бармотать на подобіе сладкаго мяуканья и наконецъ — бухъ передъ нею на колѣни.

Въ это время вошли папаша съ дядюшкой, другъ друга поддерживая и поощряя шествовать бодро и солидно. Но, увидѣвши необычайное положеніе Ивана Ивановича, остановились и стали размышлять.

Размышлялъ по-видимому и самъ Иванъ Ивановичъ, гнядя на полъ и не имѣя силъ встать на ноги; размышля и Лизхенъ, разглядываяла потолокъ. Размышленіямъ положила конецъ вбѣжавшая мамаша, очень бойкая мамаша, которой давно уже надоѣли великопостныя вздыханія Ивана Ивановича.

— Прекрасно! вскричала мамаша.

— Прекрасно! вскричали папаша и дядюшка.

— И съ Богомъ! вскричала мамаша.

— И съ Богомъ! вскричали папаша и дядюшка.

Ну, и кончилось все: вскорѣ нашъ Иванъ Ивановичь сталъ женатымъ человѣкомъ, самъ не зная какъ; пошла обычнымъ путемъ семейная жизнь, звонкій голосокъ Лизаветы Фердинандовны ни на минуту не умолкалъ во всемъ околодкѣ; по разнымъ его тонамъ одинъ старикъ сосѣдъ даже сталъ ежедневно повѣрять свои часы... Потомъ аккуратно черезъ 9 мѣсяцевъ и дѣтки....

Такъ прошло десять лѣтъ; много семейныхъ бурь и ливней пронеслось надъ побѣдной головушкой Ивана Ивановича; вздыхалъ теперь только онъ одинъ.

3.

Но что-же въ это десятилѣтіе подѣлываетъ нашъ Карлъ Ивановичъ? Что ихъ умилигельныя дружественныя отношенія къ Ивану Ивановичу? Какъ на нихъ отразился семейный бытъ этого послѣдняго? Начать съ того, что судьбѣ какъ будто нарочно угодно было награждать обоихъ нашихъ друзей почти одинаковыми случайностями; такъ было и теперь.

И Карлъ Ивановичъ каждое воскресенье ходилъ въ одно премилое семейство, въ которомъ тоже имѣлась дочка, Матильда Вильгельмовна, дѣвица длинная, сухая, ну — совершенный Карлъ Ивановичъ женскаго пола.

Какъ-же проводила время эта милая чета? Опять вздыхали? Нѣтъ; Карлъ Ивановичь могъ вздыхать только, когда затягивался сигарой; Матильда-же Вильгельмовна вздыхать совсѣмъ не могла; она знала, что съ первымъ ея вздохомъ вся ея душа выпорхнула бы изъ тѣла.

Карлъ Ивановичъ держалъ на рукахъ нитки, а Матильда Вильгельмовна разматывала ихъ; черезъ каждые четверть часа они другъ другу только улыбались. Разговора не было. Такъ мило все это шло десять лѣтъ.

Но именно въ то самое время, какъ съ Иваномъ Ивановичемъ случилось вышеописанное несчастье или счастье, нѣчто подобное случилось именно въ тоже самое время и съ Карломъ Ивановичемъ.

Надо замѣтить, что папаша и мамаша Матильды Вильгельмовны были люди длинные, сухіе, суровые, точь въ точь сама Матильда Вильгельмовна и Карлъ Ивановичъ.

Вотъ однажды, когда прошло ровно десять лѣтъ со дня перваго знакомства Карла Ивановича съ ихъ дочерью, длинный и сухой папаша сказалъ таковой-же мамашѣ.

— Надо это дѣло кончить; будетъ.

— Что будетъ? спросила мамаша.

— Сказано будетъ, и будетъ.

— Да, что будетъ?

— А вотъ увидишь.

И папаша медленно и важно, съ сквернѣйшей сигарою въ зубахъ, направился въ гостинную, гдѣ разматывали никти его дочка и Карлъ Ивановичъ.

— Такъ, Карлъ Ивановичъ, вамъ угодно жениться на моей дочери.

— Да.... Но....

— Да. Вамъ угодно, и мнѣ угодно, и ей угодно, и всѣмъ угодно.

— Да.

— Но я.... но онѣ....

— Но я.... но десять лѣтъ прошло.... стало быть пора.... Вы познакомились съ нами 5-го октября 1850 года въ 12 часовъ дня; теперь этому ровно десять лѣтъ; стало-быть пора, тведро прибавилъ папаша, взглянувъ на часы.

— Пора-съ.... Но....

— Тутъ не можетъ быть: но! крикнулъ папаша.

— Не можетъ быть, жалобно проговорилъ Карлъ Ивановичъ спутавши всѣ нитки.

— Ну, и съ Богомъ!..

— И... съ.... Богомъ, промычалъ Карлъ Ивановичъ густымъ басомъ и черезъ нѣсколько дней уже былъ счастливымъ супругомъ Матильды Вильгельмовны.

И вотъ и для нихъ прошло дасять лѣтъ, прошло по-видимому нѣсколько иначе, чѣмъ для Ивана Ивановича съ супругой, но въ сущности также. Матильда Вильгельмовна не другой же день послѣ замужества отыскала гдѣ-то въ своемъ бренномъ тѣлѣ такой голосокъ, который могъ покрыть любой оркестръ и стала утѣшать своего супруга дѣтками тоже аккуратно каждые девять мѣсяцевъ.

Увы, въ теченіи этихъ злополучныхъ десяти лѣтъ наши друзья очень рѣдко видѣлись между собою; за то тѣмъ болѣе тѣсной дружбой связались ихъ дрожайшія половина на окончательную гибель своихъ супруговъ.

4.

Наступиль грозный іюль настоящаго года. Всѣ заговорили о войнѣ, всѣ стали читать политическія отдѣлы въ газетѣ, водить пальцемъ по всей картѣ Европы, отъискивать Саарбрюкенъ, точно иголку, которую потеряли въ соломѣ, всѣ люди

нѣмецкаго подданства потащились въ свой фатерландъ воевать съ французомъ. Военная суматоха коснулась и нашего городка.

Нашъ городокъ верстахъ въ десяти отъ станціи желѣзной дороги. Вотъ однажды утро было прекрасное.... ахъ, извините! прескверное хотѣлъ сказать — небо нахмурилось, шелъ мелкій, холодный дождикъ, дорога между городкомъ и станціей загрязнилась, глина на ней размокла, мѣстами мутнымъ, грязно-желтымъ стекломъ стояли лужи, мѣстами пробирались куда-то такіе-же грязные ручейки. Трава, вѣтки деревьевъ — всё это размокло, повисло сиротливо и точно плакало каплями дождя отъ малѣйшаго вѣтра.

На дорогѣ было совершенно пусто. Вдругъ изъ одной городской улицы выходитъ кругленькая фигурка въ кожаномъ пальто, въ воинственной шапкѣ съ огромнымъ козырькомъ, съ ружьемъ и сумкою черезъ плечо и съ палкою въ рукахъ — ни дать, ни взять нашъ Иванъ Ивановичъ.

Видно, на охоту собрался нашъ другъ?.. Нѣтъ-же, не на охоту; онъ собрался съ французомъ воевать — вотъ что. Онъ даже взялъ съ собою записную книжку, чтобы вносить въ нее свои подвиги, но книжка размокла въ карманѣ.

Идетъ, шагаетъ мѣрно и грозно нашъ Иванъ Ивановичъ, идетъ воеваеть француза; идетъ и глядитъ пристально на концы своихъ сапоговъ; но въ это время прямо на него, и тоже глядя исключительно на концы своихъ сапоговъ, идетъ и другой воинъ — видно тоже воевать француза: совершенно также одѣтый, также вооруженный, онъ вытянулся преимущественно вверхъ, а потому — ни дать ни взять Карлъ Ивановичъ.

Вдругъ оба героя столкнулись носами, шапки съ нихъ слетѣли, ружья поколебались, и они чуть не шлёпнулись оба въ грязь.

— Иванъ Ивановичъ!

— Карлъ Ивановичъ!

— Вы куда?

— Воевать Француза. А вы?

— И я воевать Француза.

— Но какого Франпуза? Вотъ вопросъ.

— Есть одинъ Французъ: мусье Сакребле, учитель въ нашемъ городкѣ. На него иду.

— И я на него иду.

— Но за что? Вотъ еще вопросъ.

— Онъ цѣловался съ моей женою.

— И съ моей...

— Когда я вошелъ...

— Когда я вошелъ...

— Они думали, я ушолъ, а я не ушолъ... Вотъ какъ!...

— И я не ушолъ.... Вотъ какъ!...

— Я сталъ шумѣть.....

— И я сталъ шумѣть...

Бѣдный, но доблестный воинъ.

— Мосье! Энъ су!.. бѣдному, но благородному офицеру.

— Но проклятый французъ нахлабучилъ мнѣ шапку до самыхъ плечь, поцѣловалъ еще разъ жену и ушолъ...

— И мнѣ нахлобучилъ, поцѣловалъ и ушолъ...

— И такъ: иду воевать!

— И я иду воевать. Значитъ вмѣстѣ идемъ воевать. Смерть французу Сакреблё! Смерть!...

— Смерть! повторилъ грозно Карлъ Ивановичъ. Стая воронъ напуганная ихъ воинственными жестами, поднялась съ грязнаго пригорка и вспоркхула надъ ними, съ любопытствомъ осматривая новыхъ героевъ. А герои торжественно шествуютъ, немилосердно растаптывая мокрую глину громадными колошами. Нѣсколько времени эта бранная сила двигалась такимъ образомъ впередъ въ торжественномъ безмолвіи, было что-то страшное и вмѣстѣ умилительное въ семъ воинственномъ зрѣлищѣ.

Пока они идутъ такимъ образомъ, мы должны сказать нашему читателю, что-за личность этотъ французъ Сакреблё, на котораго вдругъ такъ грозно ополчились наши пріятели.

Личность Сакреблё! Но личность-ли это?... Не есть-ли это скорѣе какая-то куча разныхъ человѣческихъ качестъ, вдругъ вспыхнувшая предъ вами потѣшнымъ огонькомъ съ шумомъ, копотью, трескомъ — и такъ застывшая въ этой вспышкѣ?

Покрайней мѣрѣ эта странная картина намъ приходила въ голову, когда мы смотрѣли на этого француза. Громадный, богатырски сложенный мущина, пузатый, съ краснымъ, толстымъ носомъ, съ вѣчно бѣгавшими, воспламененными глазами, съ лысой головой, безпорядочно усыпанной какими-то клочьями въ родѣ волосъ, вѣчно ораторствующій, хохочущій, дѣлающій среди самыхъ остроумныхъ выводовъ самые ребяческіе промахи, не имѣющій ни кола, ни двора, питающійся, какъ птица божія, то учитель роднаго языка, никогда не выучившій ему ни одного ученика, то гдѣ нибудь поваръ, компаньёнъ, полицеймейстеръ, временно обязанный утѣшителъ какой нибудь еще не совсѣмъ погасшей вдовушки, гувернёръ и проч. и проч.

Фамиліи его ни кто не зналъ, а всѣ привыкли звать его мусьё Сакреблё, потому что въ своемъ разговорѣ онъ то-и-дѣло стрѣлялъ этимъ словомъ, какъ картечью изъ пушки. Въ описываемую годину мусьё Сакреблё прокутилъ всѣ свои деньжонки, перессорился со всѣми мужьями, перецѣловалъ всѣхъ женъ и дѣвицъ отъ 19-то до 50 лѣтъ включительно и рѣшился ѣхать на родину воевать съ нѣмцами.

Вотъ каковъ былъ французъ Сакреблё!....

5.

Оказалось, что наши друзья узнали объ отъѣздѣ громаднаго француза на поле брани и рѣшились дать ему генеральное сраженіе за противузаконные штурмы ихъ дрожайшихъ половинъ.

И вотъ шествуютъ наши герои....

Входятъ въ деревню. Ну, извѣстно, что такое наша деревня въ дождливое, грязное время; каждая избенка въ ней, каждый предметъ своимъ видомъ, зловоніемъ, нравственною гнусностью есть грязь, грязь, грязь, принявшая самыя разнообразныя и прихотливыя формы.

Посрединѣ грязной деревни стоитъ трактиръ. Онъ собственно потому трактиръ, а не изба, лучага, хлѣвъ, что надъ нимъ красуется надпись: «здѣсь — заведеніе: дешево и мило».

— Карлъ Ивановичъ! Я промокъ и прозябъ.

— И я Иванъ Ивановичъ.

— Воинамъ должно подкрѣплять свои силы водкой и закуской.

— И чаемъ, Иванъ Ивановичъ.

— Идемъ, Карлъ Ивановичъ, и — смерть врагу!

— Смерть врагу, Иванъ Ивановичъ.

И вотъ наши пріятели въ трактирѣ. Непомѣрно грязный, заспанный и растрепанный малый, ухитрился принесть въ своихъ растопыренныхъ пальцахъ разомъ графинъ какой-то «желудочной отрады», закуску изъ мяса отъ какого-то неопредѣленнаго звѣря и огурчика, близкаго къ разложенію, и наконецъ подносъ съ чайникомъ и двумя чашками.

Пріятели выпили, закусили, еще выпили, еще закусили и т. д.

Все это совершалось въ торжественномъ молчаніи: великую грозу человѣчеству предрекала сія тишина.

— Пора въ походъ, вдругъ вскричалъ Иванъ Ивановичъ и быстро направился на улицу.

Точь въ точь тоже совершилъ и Карлъ Ивановичъ. И опять пріятели пошли— было торжественно мѣрно.

Но вдругъ... Иванъ Ивановичъ остановился и, грозно взглянувъ на Карла Ивановича, спросилъ:

— Если убьемъ этого проклятаго Сакребле, кому будутъ принадлежать побѣдныя трофеи, состоящія единственно въ недѣлимыхъ часахъ, ибо все остальное никуда не годится?

— Кто убьетъ.

— Но если оба убьемъ?

— Хмъ.

— Да, если оба?

По древне-германскому праву... заикнулся—было Карлъ Ивановичъ.

— А по моему кто сильнѣе.

— А кто сильнѣе? Положимъ вотъ... побѣжденный французъ... бренные остатки... мерзость запустенія... и часы торчатъ... Кто сильнѣе, спрашиваю васъ, вскричалъ совсѣмъ распѣтушившійся Иванъ Ивановичъ. Винцо начинало сильно разбирать пріятелей.

— Да, кто сильнѣе! крикнулъ Карлъ Ивановичъ.

— Я васъ спрашиваю. кто сильнѣе, васъ!...

— А я васъ, васъ!...

— Нѣтъ, вы скажате!.. Вы!!....

— Нѣтъ-же, вы, вы!...

— А вотъ-же скажете вы, вскричалъ уже звѣрски Иванъ Ивановичъ.

На этотъ вопросъ сперва ничего не отвѣчалъ Карлъ Ивановичъ, только мутно посмотрѣлъ на своего противника но вдругъ... наскочилъ на него, надвинулъ ему шапку на самые уши и отскочилъ опять....

Иванъ Ивановичъ не выдержалъ этой обиды, такъ не кстати напомнившій ему проклятаго француза и его семейныя невзоды; онъ размахнулся палкой, бацъ!.. и прямо по носу Карла Ивановича. Очки слетели и разбились въ дребезги.

Началась потасовка, къ стыду всего просвѣщеннаго міра. Два почтенныхъ друга, честь и украшеніе нашего городка, вдругъ дерутся... и чѣмъ-же? Хоть бы какимъ нибудь благороднымъ оружіемъ, а то—стыдно сказать—палками!.. И изъ-за чего? Нѣтъ, это не наши друзья!...

— Вотъ тебѣ, Иванъ Ивановичъ.

— Съѣшь, Карлъ Ивановичъ.

— Презрѣнная ты кубышка, Иванъ Ивановичъ.

— Гнусный журавль ты, Карлъ Ивановичъ.

— Я тебѣ....

— Я тебѣ....

Но вдругъ наши пріятели остановились, какъ вкопаные; издали послышался шумъ и свистъ подъѣзжавшаго поѣзда; мысль объ общемъ, ненавистномъ врагѣ примирила нашихъ достойныхъ союзниковъ.

— Карлъ Ивановичъ; свиститъ и шумитъ.

— Свиститъ и шумитъ, Иванъ Ивановичъ.

— Онъ уѣдетъ!...

— Онъ уѣдетъ!...

— Поединокъ отлагается: идемъ! идемъ!...

— Идемъ—и смерть врагу!...

И оба пріятеля быстро кинулись къ станціи, хотя лишенный очковъ Карлъ Ивановичъ то-и-дѣло оступался и падалъ въ лужи, считая ихъ сухими мѣстами, а сухія мѣста лужами. Наконецъ они подбѣжали къ вагонамъ; поѣздъ только что остановился и пыхтѣлъ, какъ разсвирѣпѣвшій звѣрь или почти какъ Иванъ Ивановичъ. Пассажиры суетились около вагоновъ.

6.

Грозная, кровавая развязка приближалась! Не было сомнѣнія, что гнусный врагъ находится гдѣ-нибудь среди этихъ пассажировъ и готовъ сѣсть въ адское изобрѣтеніе и убраться въ свою Францію, дабы сдѣлаться воиномъ и проливать—себѣ кровь за отечество какъ и не въ чемъ не бывало.

Началась давка, суета.

— Давайте искать презрѣннаго врага, Карлъ Ивановичъ.

— Давайте, Иванъ Ивановичъ.

И принялись искать его среди пассажировъ, хотя и тутъ близорукій Карлъ Ивановичъ то-и-дѣло натыкался на самыхъ мирнѣйшихъ гражданъ, вмѣсто лютыхъ враговъ; ибо, какъ сказано, лишился своихъ очковъ въ постыднѣйшей изъ междоусобныхъ браней, когда-нибудь пятнавшихъ страницы исторіи.

Вотъ онъ нѣсколько шаговъ отошелъ отъ своего союзника, бродитъ, бродитъ среди народа и вдругъ... убійственно приподнявъ палку вверхъ, кидается на какого-то господина, крича во все горло:

— Стой, гнусный развратитель добродѣтельныхъ супругъ!.. Куда убѣгаешь?.. Стой!.. Твой послѣдній часъ насталъ.

Нѣсколько человѣкъ оборачивались на нашего воина, оборачивался и тотъ, на котораго спеціально былъ направленъ конецъ его сокрушительной палицы, останавливался, глядѣлъ съ недоумѣніемъ и досадою... Но къ счастью въ это время подбѣгалъ и Иванъ Ивановичъ.

— Что вы развоевались, Карлъ Ивановичъ; Богъ съ вами.

— Гнусный развратитель добродѣтельныхъ....

— Карлъ Ивановичъ, вы ошиблись; у гнуснаго развратителя и брюхо больше, и носъ синій... Успокойтесь!.. Мы его найдемъ....

— Нѣтъ, это онъ, я долженъ убить его!...

— Вамъ говорятъ: не онъ. Взгляните сами; у этого зубовъ нѣтъ, а вѣдь у того есть.

— Въ самомъ дѣлѣ, вы правду говорите, Иванъ Ивановичъ. Это не онъ. Иду отыскивать его и—смерть врагу!...

И опять натыкался на кого-нибудь совершенно не въ попадъ, и опять выручалъ его союзникъ. Наконецъ выведенный изъ терпѣнья своимъ товарищемъ на полѣ брани, Иванъ Ивановичъ воскликнулъ:

— Не отставайте отъ меня, Карлъ Ивановичъ, а то васъ наконецъ побьютъ, ей—ей побьютъ.

Вдругъ Иванъ Ивановичъ ощетинился точно котъ и грозно воскликнулъ:

— Вотъ онъ!.. Вотъ гнусный развратитель!....

Дѣйствительно, передъ ними стояли во всей своей грозной красѣ мусьё Сакреблё. На немъ была непомѣрная шляпа съ широчайшими полями; въ рукахъ держалъ онъ колоссальный зонтъ и сакъ-вояжъ; на необъятномъ брюхѣ извивалась часовая цѣпочка съ печатями и брелоками.

Увидавши такъ—сказать наступательныя дѣйствія враговъ, мусье Сакребле поставилъ себя тоже на военную ногу, а именно выставилъ впередъ свое чрево и растапырилъ руки.

— Ба! месье Германцы!.. Здраствуйте!.. Здравствуйте и прощайте!... вскричалъ онъ, заливаясь хохотомъ.

Но грозный врагъ не хохоталъ; онъ остановился передъ нимъ въ торжественномъ безмолвіи, приподнявъ палицы; генеральный, кровопролитный бой готовъ былъ начаться; всѣ присутствовавшіе съ недоумѣніемъ вопрошали другъ друга, на чьей сторонѣ будетъ побѣда; кто-то уже сообразилъ, что не мѣшало-бы подготовить и телеграфный станокъ.

Но къ счастью для враждовавшихъ сторонъ и для всего человѣчества вдругъ, откуда не возмись, хлынули между воинами оба семейства нашихъ пріятелей.

— Иванъ Ивановичъ!.. Зачѣмъ вы здѣсь?.. Вы пьяны!.. кричала супруга Ивана Ивановича.

— Карлъ Ивановичъ!.. Зачѣмъ вы здѣсь?.. Вы пьяны!.. И носъ у васъ разбитъ!.. кричала супруга Карла Ивановича.

— Папаша!.. папаша!.. домой?.. домой!.. заголосили всѣ дѣти, которыхъ было ровно 20 человѣкъ.

Но наши герои храбро пробирались такъ-сказать черезъ свое потомство и шли доблестно прямо на врага, презрѣвъ всѣ опасности. Минута была по истинѣ торжественна!...

Но вдругъ... раздался третій звонокъ... Гнусный Сакребле, вскричавъ: адье Медамъ!.. мгновенно скрылся въ вагонѣ и вихремъ укатилъ по чугункѣ. Наши союзники такъ и остались съ поднятыми палками и разинутыми ртами....

— Ну, что стоите!.. вскричали супруги; фи, нализались!.. Стыдъ и срамъ!.. Маршъ домой!.. Маршъ, маршъ!...

И повели нашихъ воителей домой со стыдомъ веліимъ доблестныя супружницы. Пріятели наши шли безмолвно, повѣсивъ носы и безнадежно разводя руками; они хорошо знали, что вотъ теперь-то собственно начнется война—и какая война!!.. Война съ женою; самая ужасная изъ войнъ....

СМѢХЪ И ГОРЕ.

Приключенья мужичка Петрухи въ Москвѣ

Трудненько въ Москвѣ жить порой и нашему брату, а коково-же бѣдному мужичку, особенно заѣзжему, деревенскому? Мы вамъ разскажемъ здѣсь нѣсколько забавныхъ приключеній съ однимъ такимъ мужичкомъ, пріѣхавшимъ въ первый разъ въ Москву, приключеній, которыя могли бы кончиться для него очень не забавно, какъ вообще всякія приключенія для горемычнаго бѣдняка.

Звали нашего мужичка Петрухой и жилъ онъ себѣ поживалъ въ одной деревнѣ, недалеко отъ Москвы и желѣзной дороги; жилъ онъ себѣ безвыходно цѣлую жизнь въ своей деревенькѣ.

Но вдругъ захотѣлось ему побывать въ Москвѣ, повидаться съ теткой Лукерьей, на людей посмотрѣть и себя показать.

— Слышь, а слышь, Матреха, какъ-то говоритъ онъ женѣ, сѣмъ-ка я съѣзжу въ Москву, тетку Лукерью провѣдаю....

— Очумѣлъ что-ли, Петруха, куда ты собрался?...

— А всѣ ѣздятъ въ Москву... слышь ты!.. Ну и я... Оно и тетку Лукерью провѣдать надо.,. Ѳедюха, слышь ты, тоже ѣдетъ... Нешто поѣхать?

— Ну что же? съ Богомъ... коли Ѳедюха ѣдетъ. . онъ парень бывалый... Съѣзди... съ нимъ: ничего?...

Такъ и поѣхалъ Петруха съ Ѳедюхой.

Ванька съ холоднымъ сѣдокомъ

— Постоялъ бѣдняга, въ ожиданіи денегъ, наконецъ почесалъ голову, плюнулъ, сѣлъ на козлы своихъ саней и поплелся по улицѣ.

Прошли сперва пѣшкомъ до дороги, неся на плечахъ по мѣшку со всякимъ добромъ; въ Петрухиномъ мѣшкѣ были: новая рубаха, штаны, деревенскій пирогъ теткѣ Лукерьѣ и кусокъ холста, въ тряпочку завязанный адресъ этой тетки и паспортъ Петрухи, наконецъ кое-что изъ съѣстнаго: крутыя яйца, хлѣбъ, соль въ бумажкѣ.

Пришли на станцію; Ѳедюха взялъ два билета въ Москву, ударилъ звонокъ, наши путники сѣли и поѣхали.

Вотъ часовъ въ 8 утра они подъѣзжаютъ къ Москвѣ. Вдругъ Петруха говоритъ Ѳедюхѣ, когда поѣздъ остановился на станціи:

— Ѳедюха, а Ѳедюха!

— Что ты?...

— Побереги-ка мѣшокъ, а я схожу попью кваску. Поѣлъ маленько рыбки... нутро-то воротитъ....

— Поди, поди.

Ну, и вышелъ Петруха, вышелъ на плотформу, толкается въ народѣ, спрашиваетъ мужичковъ: гдѣ бы, братцы, туто-ка мнѣ кваску испить... поѣлъ маленько рыбки....

— Вонъ поди, вона! Вишь, баба стоитъ; она квасъ продаетъ, копѣйка за кружку, ничего!...

Добрался нашъ Петруха до бабы.

— Кваску родименькой?

— Кваску, тетушка, рыбки значитъ поѣлъ....

Баба подала ему всю обсохшую чѣмъ-то жестяную кружку съ квасомъ; мужичекъ взялъ, взглянулъ на квасъ, хладнокровно вынулъ изъ него пальцемъ таракана и выпилъ. Въ это время раздался звонокъ и всѣ кинулись къ своихъ вагонамъ; кинулся и Петруха. Но которой его вагонъ? Онъ не знаетъ. Остановился, разинулъ ротъ, растопырилъ руки, ноги, пальцы, все, что только можно было растопырить— и глядѣлъ. Его всѣ толкаютъ; онъ сбивается все больше и больше въ сторону....

— Садись? нето останешься, чего зазѣвался, нижегородская ворона, закричалъ кондукторъ.—Гдѣ сидѣлъ?...

— Съ Ѳедюхой, родимый, чуть не плача, отвѣчаетъ мужичекъ.

— А Ѳодюха гдѣ?...

— А тутъ гдѣ-то родимый....

— Гдѣ-то!.. Садись, куда попало—послѣ найдешь....

— Да мѣшокъ-то, роди....

— Садись! говорять тебѣ. .

И онъ почти втолкнулъ его въ какой-то вагонъ и съ громомъ захлопнулъ за нимъ дверь; пола его кафтанишка попалъ въ дверь и онъ долженъ былъ по неволѣ стоять... Дико оглядывался онъ кругомъ: не видать-ли Ѳедюхи, но нѣтъ, глаза его путались въ разныхъ рожахъ, бородахъ, кафтанахъ....

— Потерялъ, что-ли, кого? спрашивали его сосѣди.

— Ѳедюху, родимые, мѣшокъ тоже....

И самъ давай опять всѣхъ разглядывать, стоя на привязи.

Наконецъ поѣздъ прибылъ въ Москву. Вездѣ отворились дверцы и разно-калиберныя толпы хлынули изъ вагоновъ; Петруха сталъ опять туда-сюда кидаться, всѣхъ толкая, сбивая съ ногъ, всѣмъ надоѣдая разспросами о Ѳедюхѣ и мѣшкѣ....

— Родимые, Ѳедюхи не видали-ли, мѣшокъ тоже.... Штаны, рубаха въ мѣшкѣ.... родимые!....

Толпа почти втолкнула его въ одну улицу и тутъ стала рѣдѣть; наконецъ онъ остался одинъ по срединѣ улицы въ отчаянно—растопыренномъ положеніи.

— Поди! Ворона!... вдругъ закричалъ кучеръ и карета быстро промчались мимо него; мужичекъ въ ужасѣ кинулся въ сторону и чуть не сбилъ съ ногъ стоявшаго у воротъ дворника.

— Лѣшій! Пропилъ глаза-те, что-ли?....

— Прости, родименькій, оченно ужъ испужался....

Дворникъ презрительно осмотрѣлъ его съ головы до ногъ; нашъ мужичекъ снялъ шапку и спросилъ.

— Не знаешь—ли поштенный, гдѣ туто-ка нашъ Ѳедюха?

— Много, братъ, Ѳедюхъ въ Москвѣ—поищи, а людей немни....

— Потерялъ Ѳедюху.... мѣшокъ тоже.... въ мѣшкѣ вишь-ты штаны.

Но дворникъ махнулъ рукою и вошолъ въ ворота. Петруха опять остался одинъ.

— Тетку-бы Лукерью найти... да андреса-то не знаю, андресъ-то въ мѣшкѣ тоже остался.... Эка горе, эка горе.... Ну куды я таперича....

И сталъ бродить бѣдный Петруха по улицамъ Москвы-бѣлокаменной, отъискивая Ѳедюху, мѣшокъ, да тетку Лукерью. Между тѣмъ время шло и наша заблудшая овца стала по немногу чувствовать голодъ.

— Похлѣбать бы чего?.... въ брюхѣ-то пусто стало.... подвело животы... Да гдѣ-бы?....

Въ это время нашъ мужичокъ очутился на толкучемъ рынкѣ, гдѣ стеклись продавцы всякаго сомнительнаго съѣстнаго, такъ какъ было 11 часовъ, обыкновенное время кормленія всего толкучаго люда..

Глядя на другихъ, сталъ и нашъ мужичокъ прицѣпяться то къ тому, то къ другому съѣстному; все казалось ему довольно дорого и не хорошо.

На одномъ лоткѣ продавали печенку. Мужичекъ прицѣнился; показалось не дорого.

— Да что она словно зеленовата.... да и тронулась маленько?... Нутро-бы не того.... лихая—бы болѣсть не приключилась....

— Эхъ ты, деревня, туда—же! сказалъ презрительно продавецъ, бойкій малый, рябой и рыжеватый. Это уже скотина такая, да и отъ травы тоже....

— Хмъ, отъ травы!... Оно точно: трава зеленая живетъ.... Давай-ко.

— И мужичокъ уписалъ печенку, а за тѣмъ сталъ глядѣть на другія лакомства. Увидалъ селедочницу.

— Тетка, а тетка—дайка- селедочку!

Тетка запустила свои сомнительной чистоты пальчики въ ведро съ селедками и вынула оттуда какую-то расползшуюся рыбу. Мужичокъ, желая разгдядѣть, что ему вынимаютъ, нагнулся къ ведру, но сейчасъ-же откинулъ голову назадъ.

— Что эфто, тетка, изъ ведра-то словно не хорошо пахнетъ?...

— Чѣмъ-же?.... Селедка селедкой и пахнетъ.... Всѣ кушаютъ, не брезгаютъ.... Ишь, привереда.

Мужичекъ взялъ селедку, и сталъ ѣсть ее; но въ это время стоящій подлѣ него нищій что-то шепнулъ ему наухо насчетъ приготовленія жижи, въ которой проводитъ дни свои злополучная селедка и нашъ мужичокъ плюнулъ и кинувши свою рыбу, отошелъ. Нищій поднялъ рыбу и съѣлъ, самодовольно улыбаясь.

— Ну Москва! воскликнулъ нашъ мужичокъ. Экая противность.... Инда тошнитъ, какъ вспомнишь-то.... А ѣстъ-то вѣдь хочется.... Постой-ка, вонъ баба чѣмъ-то горяченькимъ потчуетъ православный людъ.

И онъ направился къ бабѣ, которая разливала своимъ посѣтелямъ щи.

— Тетушка, мнѣ бы тарелочку щечекъ!.... Горяченькихъ.....

— Щи-те горячи, сама на горшкѣ сидѣла, чтобы не простыли.... Кушай на здоровье!....

— Ишь, подумалъ мужичокъ, глядя, какъ старуха, вставши съ горшка, сняла съ него старый овчинный тулупъ и налила ему полную тарелку какой-то горячей бурды. Принялся мужичокъ ѣсть, хладнокровно выкидывая изъ бурды, то таракана то тряпочку и морща носъ оть необычайнаго запаха и вкуса капусты....

Поѣвши и это, сталъ бродитъ мужичокъ, то-и дѣло отплевываясь и бормоча.

— Вѣдь вотъ кажись все нашу христіанскую ѣду ѣлъ, а какъ вѣдь противно.... И вкуса-то не узнаешь.... Капусту-ли ѣшь, рыбу-ли, а вкусъ все одинъ.... того.... эхма!.... Хоть-бы чѣмъ полакомиться.....

Видитъ: сидитъ на лавочкѣ какая-то грязная, оборванная полужидовская фигура мужескаго полу и въ лубочномъ коробѣ продаетъ куски чего-то желтаго. Остановился въ раздумьи нашъ Петруха.

— Эва!.... Сыръ надо быть.... Вкусна должно быть штука; баринъ все въ вагонѣ ѣлъ, да похваливалъ. Только чай дорого....

— Дядя, а дядя!... Почемъ это?.... За кусокъ? ....

— Семишникъ давай и проваливай!....

— Недорого! подумалъ мужичокъ, вынулъ семитку, получилъ кусокъ желтаго вещества и отошелъ.

— Дай попробую барскаго лакомства.... Хе, хе!.... Вотъ что значитъ Москва: бьетъ съ носка.

И сталъ онъ кусать свою покупку, кусаетъ—и морщится.

— Противно что-то.... Тошнитъ!....

Въ это время подошелъ къ нему молодой мужичокъ и всматриваясь въ него, спросилъ:

— Откелова, дядя?

— А изъ Свинухи; знаешь?

— Знаю, знаю, бывалъ. Что ты эфто ѣшь, паря?

— А сыръ... баре ѣдять.... похваливають....

— Да вѣдь ефто выходитъ мыло....

Но мужичокъ нашъ, вѣроятно, не разслышавши это послѣднее слово, сказалъ.

— Мило-ли не мило, а семишникъ заплатилъ, надо съѣсть.... Расхохотался его собесѣдникъ.

— И впрямь, братъ, ты изъ Свинухи.... мыло сыромъ сочелъ. Кинь, а то все нутро выворотитъ.... брюхо до дыръ проболитъ. Мужичокъ посмотрѣлъ на него недовѣрчиво:

— Э?.... Нутро выворотитъ?.... И то, паря, претитъ что-то.... И впрямь видно мыло....

— Запей виномъ, нето смотри....Пойдемъ, выпьемъ по маленькой.

— И то запить.... да и ѣду-то всю.... Тошнитъ что-то.... должно быть съ непривычки.... Пойдемъ.

Мужички вошли въ кабакъ. Собесѣдникъ нашего Петрухи былъ ловкій разбитной парень, въ красной рубахѣ, въ шляпѣ на бекрень. Вошедши въ кабакъ, онъ сейчасъ сѣлъ за столикъ, стеръ рукавомъ съ него какую-то густую, слизистую жидкость и приказалъ подать полштофъ водки. Кабакъ былъ биткомъ набитъ всякимъ грязнымъ, оборваннымъ людомъ; всѣ пили водку, размахивали руками, курили, плевались, дергали другъ друга за что ни попало, кричали, то вскакивали, то опять садились подъ вліяньемъ дюжихъ рукъ собесѣдника—содомъ, вонь, давка были страшные.

Тутъ были старики, млодые, женщины, дѣти, мужички, мѣщане, тулупы, чуйки, пальто, форменные сюртуки; все это было пьяно, грязно, растрепано, взволновано. Въ воздухѣ стоялъ удушливый дымъ отъ махорки; по полу вездѣ было что-то налито, валялись куски хлѣба, огурцовъ, разбитой посуды. Разговоры, жесты были совершенно непередаваемые въ печати....

Осушивши пару полштофиковъ, наши пріятели вышли на улицу; былъ часъ четвертый ноябрьскаго дня.

— У-у-у!. Инда за сердце хватаетъ! Брр!....

— И дешево, и сердито.

— Точно этта буравомъ тебя сверлитъ.... Отродясь, такой не пивалъ.... брр!... Да преть оттуда, такъ и преть....

— Хе, хе.... Московская, столичная.... Первая рюмка коломъ, вторая соколомъ а отъ третьей самъ станешь вороной....

— Да отчего она.... шутъ ее возьми!... Нутро воротитъ?... дурманъ-что-ли какой для сладости положенъ?... А, паря?... Но паря, довольный тѣмъ, что попилъ дешевки на счетъ добродушнаго мужичка, ушелъ себѣ куда-то, даже не простившись, не промолвивъ спасибо за угощенье. Нашъ мужичокъ опять остался одинъ.

Въ это время подошелъ къ нему тотъ самый нищій, который ему разъяснялъ на счетъ селедочной жижи.

— Сотвори, кормилецъ, святую милостыну Христа ради!... Хлѣбушка нѣту-ти.

Нашъ мужичокъ вынулъ ему изъ-за пазухи краюшку хлѣба и подалъ. Нищій взялъ, но отошедши въ сторону къ полусонной своей подругѣ—нищенкѣ, сказалъ злобно и сквозь зубы:

— Мужланъ! хлѣба суетъ, а нѣтъ, чтобы денегъ дать. Эка невидаль его хлѣбъ!

— Нонеча за хлѣбъ—то въ кабакѣ не много даютъ.... деньги подавай! отвѣтила нищенка.

Въ это время къ нимъ подошла неопредѣленная фигура, плутоватая, грязная, вся опившаяся, съежившаяся, въ изодранномъ пальтишкѣ, потерявшемъ всякій цвѣтъ, въ дырявыхъ сапогахъ и проговорила сиплымъ голосомъ.

— Карпычъ, подойди къ мужичку-то, что хлѣба далъ; попроси еще милостыньки..... а я тѣмъ временемъ.... Нажива пополамъ!....

— Ладно, ладно.. да гляди-не надуй!...

И онъ подошелъ опять къ мужичку, прося копѣечку.... Пока мужичокъ развязывалъ свою мошну, да вынималъ копѣечку, нашъ жуликъ сорвалъ у него съ головы шапку-и былъ таковъ.

Мужичекъ, лишившись шапки, принялся кричать и плакать.

— Держи, лови!... Шапку-то, шапку!... Новая, совсѣмъ новехонька!... Господи Боже!... Родимые мои.... Шапочку-то отдайте.... что за напасть!... Провались ваша Москва!... Шапка-то новехонька... Ги, ги!... Туды побегъ... туды!... Ги, го!... Держите, братцы, ловите!...

— Но гдѣ-же было поймать?.... Жуликъ давно уже улизнулъ..... и слѣдъ его простылъ.

Въ это время къ сѣтовавшему и всѣхъ упрашивавшему на счетъ своей шапочки мужичку подошла торговка,вся обвѣшенная чулками, рукавицами, рубахами и другимъ крестьянскимъ рукодѣльемъ. Быстро взглянувши на мужичка, она воскликнула:

— Никакъ Петруха!.... Какими судьбами?....

— Тетка Лукерья!... воскликнулъ въ свою очередь ошалѣвшій отъ всякихъ московскихъ угощеній Петруха, кланяясь ей въ поясъ.... Здравствуй, родимая!.... А я все тебя ищу..... Андресъ-то въ мѣшкѣ со штанами ишь ты... остался.... а мѣшокъ-то у Ѳедюхи.... а Ѳедюха-то.... И шапку украли.... какую шапку... ей-ей... и Ѳедюху ищу... штаны въ мѣшкѣ шапку-то, шапку... Ги, ги, тетка Лукерья.... О-охъ!... Насилу могла кое-какъ разобрать, что ей городилъ пьяненькій и совсѣмъ осовѣвшій средь Москвы мужичокъ.

— Эко горе, эко горе! твердила она.... Но пойдемъ ко мнѣ; оставаться тутъ тебѣ нечего; послѣднюю рубашенку снимуть.... пойдемъ.... Экой ты горькій!... Право-слово: горькій; надо-ли?....

Ну, пойдемъ, пойдемъ.

И они пошли. Долго и безтолково повѣствовалъ теткѣ Лукерьѣ Петруха о своихъ приключеніяхъ въ Москвѣ бѣлокаменной; наконецъ дошли до жилья торговки.

Что это было за жилье! Сарай-не сарай, хлѣвъ не хлѣвъ, какая то трущоба, конура..... Въ нее не входили, а проваливались; сырость, вонь были въ ней нестерпимые, стѣны, потолокъ, полъ—все это сгнило, сбилось съ мѣстъ, развалилось; вездѣ валялся какой-то грязный, оборванный, подозрительный народъ; на хромыхъ столикахъ въ бутылкахъ горѣли сальные огарки; кто ѣлъ, кто храпѣлъ во все горло, кто бранился, размахивалъ руками и пилъ водку.

— Хорошо-ли живешь, тетушка Лукерья? спросилъ Петруха.

Гонимый судьбою за правду.

— Принужденъ вещи продавать... за безцѣнокъ... вотъ прекрасная золотая булавка!.. крайность!.. Не угодно-ли купить? —

— Живемъ, славу Богу, хлѣбъ жуемъ, а безъ водочки и чайку тоже не сидимъ. Фатеру сымаемъ, жильцовъ пущаемъ- хорошіе жильцы.

— Нешто?.... Только ужъ больно у васъ духъ-отъ.... Инда стонъ стоитъ!.... Топоръ повѣсить можно....

— Эфто такъ, съ непривычки кажется.... А привыкнешь, ничего!....

— И какъ еще ничяво-то, тетка Лукерья... умирать не надыть.... Просто разлюли малина, сказалъ, вмѣшавшись въ разговоръ, какой-то мужичокъ и сейчасъ-же подсѣлъ къ столику, на которомъ тетка Лукерья уже поставила водки, положила хлѣба, поставила тарелку огурцовъ и соли.

— Кушай на здоровье, родименькій, сказала она Петрухѣ не обращая вниманья на непрошеннаго гостя, кушай, чай умаялся, сердешный, по Москвѣ бродимши.... Кушай!....

— Спасибо, касатка, спасибо.... поѣлъ.... да вотъ все въ толкъ не возьму.... все инда жалко....

— Что станешь дѣлать?... Никто, какъ Богъ.... Что съ возу упало, пропало...

Въ это время кто-то сильно постучался въ дверь.

— Кто бы эфто! тревожно вскричала Лукерья, припрятавъ на всякій случай водку; мои всѣ тутъ.

На грозный крикъ: отвори! она встала и отворила. Вошелъ казакъ съ нагайкой.

— Здѣсь коломенскій мѣщанинъ Иванъ Сидоровъ?.

— Здѣсь, батюшка, здѣсь, робко отвѣтила Лукерья, указывая на одну спавшую подъ лавкой грязную фигуру.

— А растолкай-ка его!

Лукерья принялась его расталкивать. Но это было не такъ легко; фигура была сильно пьяна, безпрестанно рыгала, икала, барахталась, бормотала пьянымъ голосомъ какія-то несвязныя слова. Наконецъ совокупными усиліями Лукерьи, казака и еще двухъ-трехъ жильцовъ и съ помощью холодной воды удалось фигуру поставить на ноги.

— Ты Иванъ Сидоровъ?... спросилъ казакъ.

— Я.... А на что?

— А на что шапку укралъ?...

— У кого?.... Вотъ те Богъ!.... Провалиться.....

— На толкучемъ у мужика укралъ.... Маршъ со мной!...

— Какую шапку?.... я не видалъ никакой.... шапки.... не кралъ....

— Ну, ну!.. еще разговаривать?... Я тебя, давно, братъ, ищу... Маршъ, маршъ?.... Гдѣ шапка?....

— Не знаю.... Въ кабакѣ... можетъ... Да не кралъ я... нѣтъ, вотъ-же Богъ... Отпусти, кавалеръ.... сдѣлай милость....

— А вѣдь эфто мою онъ шапку укралъ, вдругъ воскликнулъ нашъ мужичокъ, пристально всматриваясь въ жулика, мою.... лопни мои глазоньки... Нищій еще ко мнѣ подошолъ: копѣечку попросилъ.... Онъ и есть.....

— У тебя шапка, что-ли пропала, деревня? спросилъ его казакъ.

— Пропала, кавалеръ, пропала... и Ѳедюха, и мѣшокъ.... Онъ и есть...

— Такъ ты на него подозрѣніе имѣешь.....

— Имѣю, кавалеръ, ваше благородіе.... Онъ и есть....

— Ну, такъ собирайся и ты въ часть..... Маршъ!.....

Какъ кинется нашъ Петруха въ ноги казаку!...

— Взмилуйся, помилуй, кавалеръ! Отродясь въ части не бывалъ; эфтаго горя не знавалъ.... Ослобони.... и шапки не надо.... ну ее совсѣмъ!... Ей-ей не надыть уже!... Я какъ нибудь и такъ. Только ослобони.... отпусти душу на покаянье....

— Да вѣдь тебѣ ничего не сдѣлаютъ — дура-голова, не продержатъ, спросятъ— и выпустятъ.... Маршъ, маршъ.

Но тетка Лукерья, съ помощью Петрухина кошелька успѣли упросить казака, чтобы, на ночь глядя, не бралъ ея сродственника, а, коли нужно, такъ взялъ-бы утромъ.

Ну, ладно, ладно, сказалъ казакъ; а ты братъ.... Маршъ! И, связавши веревочкой назади руки мужику, увелъ его казакъ на улицу.

На улицѣ было темно и грязно: дождь лилъ какъ изъ ведра. Извощики, завидя издали казака съ добычей, быстро разъѣхались, не желая даромъ возить такихъ горячихъ сѣдоковъ, которые загонятъ лошаденку, не дадутъ денегъ, да еще въ шею накладутъ съ пылу горячихъ. Но одинъ Ванька не успѣлъ — таки удрать; какъ ни хлесталъ онъ свою хромую лошаденку, но она ни съ мѣста; видно очень любила возить начальство.

— Эй, ты подъѣзжай! проворнѣй!...

Ванька подъѣхалъ. Казакъ съ своимъ плѣнникомъ сѣли въ его санишки; по неимѣнію другаго экипажа Ванька уже началъ зиму какъ только выпалъ первый снѣгъ, который давно стаялъ. Полозья невыносимо скрипѣли по каменной мостовой.

— Въ кое мѣсто?

— Валяй прямо!....

Даромъ-то везти нехоцца.... За деньги бы надыть.....

— Ну, разиня, погоняй! Какія деньги? я тебѣ накладу въ шею денегъ-то! Вези въ часть!....

Видитъ Ванька: толковать тутъ напрасно; погналъ свою клячонку, а самъ чуть не плачетъ.

Но читатель можетъ насъ спросить: какъ-же блюститель порядка могъ такъ скоро узнать о потерѣ шапки? Очень просто: когда на толкучемъ стали, по обыкновенію, во все горло разсуждать объ этомъ дѣлѣ, то подошелъ казакъ. Нищій, которому было очень досадно, что мужикъ не сдержалъ слова и не подѣлился съ нимъ добычей и зная, гдѣ онъ живетъ, сказалъ казаку.

На завтра нашъ Петруха собрался домой, такъ и не дождавшись своей шапки; тетка Лукерья нашла ему на дорогу какую-то шапченку.

Бродя по улицѣ близь университета, Петруха вдругъ встрѣтилъ — Ѳедюху! И Ѳедюху не одного, а съ драгоцѣннымъ мѣшкомъ.

— Ба, ба! Ѳедюха!..,

— Ба, ба! Петруха!...

— Мѣшокъ-то цѣлъ-ли? Штаны-те.... новыя вѣдь..... Слава Богу!... А ты таперича откелава?....

— А я былъ у шурина въ наверкисетѣ.

— Это гдѣ людей рѣжутъ?....

— Извѣстно дѣло.

Хотѣлъ-было Петруха пуститься въ распросы, какъ, чѣмъ и зачѣмъ ихъ тамъ рѣжутъ, но Ѳедюха прервалъ его, сказавши что пора на машину, а нето можно опоздать. Мужички пустились въ припрыжку; штаны въ мѣшкѣ знай отплясываютъ на Петрухиной спинѣ.

Только уже сидя въ вагонѣ, Петруха, пыхтя и оптирая потъ съ лица, бормоталъ:

— Эхма! Узналъ матушку Москву!.... Накормила, напоила, приголубила!. .. Въ брюхѣ-то сейчасъ возня и точно вотъ ножами рѣжетъ, точно кошки скребутъ.... Голова смерть болитъ, словно раздуло её.... стучитъ въ ней.... И новенькой шапочи нѣту-ти.... и деньги вышли.... эхма!... Ну нѣтъ, и калачемъ не заманишь меня таперича въ Москву... Страху одного сколько натерпѣлся.... Дуй ее горой!... Совсѣмъ — было, паря, пропалъ ни за грошь.... Право-слово.... Провались она совсѣмъ, ваша Москва... индо нутро выворачиваетъ... и шапку подтибрили... Народецъ!...

ЗИМА.

13.

Холодное время, брръ! И про зиму у насъ есть пѣсенка, говорятъ, хорошая пѣсенка.

Холодно́
Студено́
На комъ платьице одно,
А и вдвое,
Да худое,
Право всё равно.

* * *

Холодно́,
Голодно́,
У кого все съѣдено́
У кого,
Ничего,
Въ пору не запасено́

* * *

Ахъ морозъ,
Красный носъ.
Больно щиплешь, дѣдка!

Къ намъ прійдешь,
Проберешь,
Рѣдко насъ, да мѣтко.

* *
*

Старый хрычъ,
Сычъ, московичъ,
Много, братъ, ты люду
Познобилъ,
Усыпилъ
Бѣднаго повсюду:

* *
*

Съ кабака
Бѣдняка
Вонъ — и у оврага
Тамъ гдѣ часть,
Эка страсть!
Въ ночь замерзъ, бѣдняга.

* *
*

Встарь ты былъ,
Люду милъ,
Дѣдушка морозко,
Всѣхъ живилъ,
Шевелилъ,
Крѣпкой Руси тёзка.

* *
*

А теперь,
Дѣдъ, повѣрь,
Намъ возня съ тобою.
И жить намъ,
Бѣднякамъ,
Дорого зимою.

* *
*

Богъ съ тобой,
Хрѣнъ сѣдой,
Безъ тебя-то жутко!
Эхъ, старикъ,
Злой шутникъ,
Убирайся — нутка.

* *
*

Холодно́
Студено́
На комъ платьице одно,
А и вдвое,
Да худое,
Право, все равно.

* *
*

И почему-то матушка зима всегда напоминаетъ мнѣ одного моего пріятеля, московскаго старьевщика, котораго точный портретъ здѣсь прилагаемъ. Въ самомъ дѣлѣ? чуть наступитъ зимушка-зима, чуть начнетъ пощипывать своими морозцами православные носы и щеки, выползутъ наружу разные тулупы, шубы, теплые рукавицы, шапки, сапоги — ни дать, ни взять мой пріятель старьевщикъ собрался на толкучій, навьючивъ на себя всякій хламъ, богъ-вѣсть какими судьбами купленный,

И любилъ я бывало моего стараго старьевщика! Сидитъ себѣ бывало на лавочкѣ на толкучемъ и размышляетъ, среди своего старья, обо всемъ, что кишитъ передъ его старыми глазами. И много хорошихъ мыслей начнетъ вамъ, бывало, высказывать.

Случалось, позову его въ трактиръ чайку напиться; чего-чего онъ мнѣ за чайкомъ не разскажетъ?... Чаекъ! Дорогой ты напитокъ бѣдному люду зимою; горячими, красными струйками разливаешься ты по всѣмъ московскимъ желудкамъ, хорошій напитокъ! Послѣ этого, какъ не спѣть вамъ пѣсенку и про чаекъ? Вотъ наша пѣсенка.

Травка китайская,
Сладость ты райская,
Всѣ тебя пьютъ,
Всѣ тебя чтутъ
Въ зиму ненастную
Струйкою красною
Льешься въ стаканъ.
Пью — и не пьянъ!
Струйкой игривою
Въ осень дождливую
Снова бѣжишь,
Сердце живишь.
Вся земля русская
Чай пьетъ съ прикускою
Въ чашечки льетъ,
Хвалитъ — и пьетъ.
Какъ золотистую —
Струйку душистую
Намъ не попить,
Не похвалить?
Въ горѣ усладою,
Сердцу отрадою
Льется, бѣжитъ,
Сердце живитъ.
Крадется милочка
Въ каждую жилочку;
Кровь закипитъ,
Заговоритъ,
Хватитъ достаточекъ
Чашекъ десяточекъ
Выпьешь сейчасъ:
Ожилъ какъ разъ!
Смотришь привѣтливѣй,

Торговка модница.

Прокутилась барыня—наряды продаетъ... вещи хорошія, истрепались маненько... Не надо-ли чего?

Думаешь смѣтливѣй,
Рѣчи бойчѣй,
Духъ веселѣй,
Сердце чувствительно, —
И умилительно,
Травку ты пьешь,
Рѣчи ведешь,
Точно поджареный,
Весь ты въ испаринѣ
Пышешь, какъ жаръ,
А самаваръ,
Свѣтлый, — клокочущій,
Вѣчно бормочущій,
Тутъ же стоитъ,
Тоже пыхтитъ.
Словно какъ пташечки,
Бѣгаютъ чашечки,
Станутъ всѣ въ рядъ,
Въ руки летятъ, —
Такъ ежедненыя
Пàрки душевныя
Мы задаемъ,
Травку мы пьемъ.
Чай попиваючи
И разбухаючи,
Копимъ мы домъ
Мирно живемъ, —
Такъ-то ты райская
Травка китайская,
Всѣ тебя пьютъ,
Всѣ тебя чтутъ.
Ну, прощай, травушка!
Крикнувъ на славушку
Травкѣ: ура!
Кончить пора.

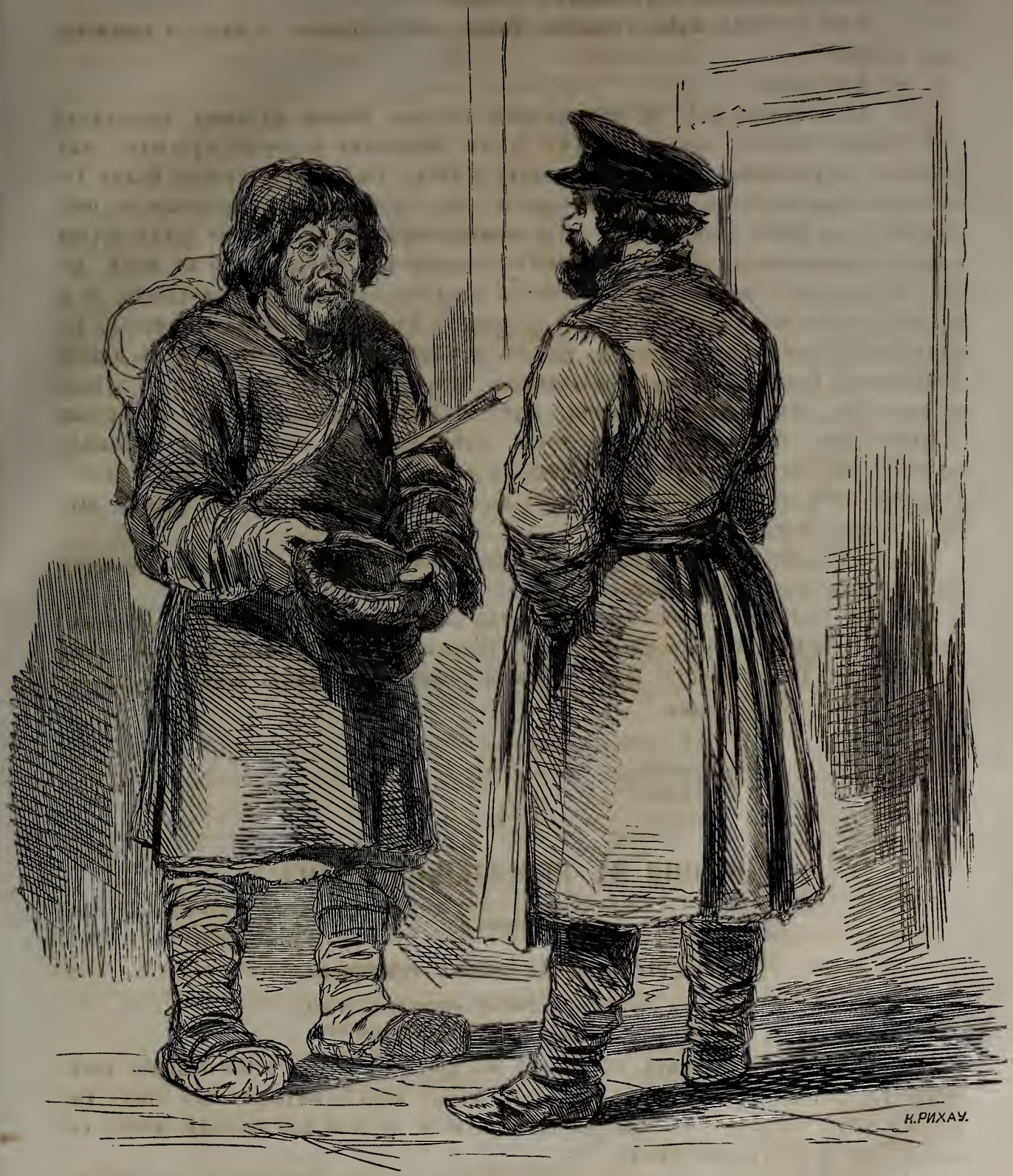
И въ какомъ сердце истаго москвича чарующими звуками не отзовется эта наша пѣсенка? Кому послѣ нея не пожелается — чайку испить? И кушайте на здоровье!

Я долженъ вамъ замѣтить, что всѣ мысли и чувства, высказанныя этой задушевной пѣсенкой, только слабый отголосокъ того, что бывало такъ часто и съ такимъ восторгомъ твердилъ мой другъ, старый старьевщикъ.

И мало-ли чего онъ не твердилъ! Каждая старая вещь имѣла для него свою исторію, да и сама исторія была для него ничѣмъ инымъ, какъ вѣчнымъ переходомъ стараго хлама въ новый и новаго въ старый. Любопытный философъ былъ мой пріятель, старый старьевщикъ.

Сидитъ бывало на скамейкѣ на толкучемъ, весь въ своемъ старьѣ, и наварчиваетъ, точно старый котъ, исторію каждой своей вещи. Сколько потрясающихъ жи-

Петруха отъискиваетъ Өедюху.



— Не знаешь-ли, поштенный, гдѣ туто-ка нашъ Өедюха?

— Много, братъ, Өедюхъ въ Москвѣ—пощщи, а людей не мни.

тейскихъ драмъ проводилъ онъ передъ вашимъ воображеніемъ своимъ вѣчно холоднымъ, вѣчно однообразно—звучавшимъ словомъ!

— Вотъ енотовая шуба, скажетъ, бывало онъ; сотенная, а вѣдь за красненькую досталась.

— Дешевенько.

— Да, государь мой. И помыкала-же ты горя, бѣдная шубушка, продолжалъ мой старый пріятель, обращаясь уже всѣми помыслами къ своей шубушкѣ, какъ существу одушевленному, близкому, почти родному. Сшилъ тебя купецъ Иванъ Герасимычъ, щеголялъ въ ней годъ—другой; ну, тутъ какъ-то и забрался въ ней, выпимши, къ своей полюбовницѣ, а у полюбовницы въ тѣ поры на грѣхъ другой пріятель проклажался, офицеръ, да еще съ товарищами. Увидя купца въ шубѣ, давай его потчивать шампанскимъ; не пьетъ, надулся; они сильнѣе приставать, да и облили всю его шубу виномъ. А въ ту пору у Ивана Герасимыча сочинитель ходилъ ребятъ учить; ну, извѣстно, что это за народъ. Зима все въ лѣтнемъ платьи застаетъ-съ. Пришелъ этто разъ сочинитель зимою, продрогъ весь, зубъ съ зубомъ не сходится... сжалился Герасимычъ: шубу подарилъ. Подошла весна: сочинителю кушать нечего; Герасимычъ деньги послѣ шубы пересталъ платить, ну—заложилъ шубу, да не выкупилъ. Сталъ щеголять въ ней закладчикъ, Еремка—чай знаете?.. Только и тутъ, шубка, не повезло тебѣ; въ добромъ мѣстѣ у Еремки украли шубу... и такъ молъ тепло....

И въ этакомъ родѣ всѣ были разсказываетъ мнѣ мой старьевщикъ съ мертвымъ безстрастіемъ стараго лѣтописца.

Но онъ оживлялся необыкновенно, когда разное старье приводило его къ тому; какъ люди въ Москвѣ устроиваютъ свои дѣлишки, какъ нажился такой-то, чѣмъ пробилъ себѣ дорогу другой. Подъ вліяніемъ одной изъ такихъ бесѣдъ я какъ-то написалъ слѣдующія строки.

14.

ПОГОНЯ ЗА НЕОБЫКНОВЕННЫМЪ

или вѣрнѣе:

Какъ бы половчѣе добыть деньжонокъ?

(опытъ московскаго коммерческаго фельетона).

— Кто самый умный, самый геніальный человѣкъ?

— Тотъ, кому приходитъ въ голову въ данный моментъ самое большое количество глупостей—могъ бы вамъ отвѣтить какой нибудь философъ изъ этихъ умныхъ и нѣтъ сомнѣнія—что вы бы его прогнали въ шею или человѣколюбиво отправили въ домъ умалишенныхъ.

А рѣдь напрасно: философъ-то пожалуй на этотъ разъ былъ-бы не совсѣмъ неправъ, сказанная имъ глупость была-бы не самой глупой изъ философскихъ глупостей.

Дѣйствительно, попробуйте вы жить на свѣтѣ, какъ всѣ живутъ, чтобы во всей вашей жизни была постоянно тишь, да гладь, да божья благодать, чтобы въ ней все было шито, да крыто, чтобы нигдѣ не встрѣчалось ни сучка, ни задоринки а все шло по обычаю праотцевъ, какъ завела старина, что, говорятъ, тоже съ мозгомъ было—и васъ никто не назоветъ геніальнымъ человѣкомъ, никто даже не воскликнетъ: ахъ какой умный! а много-много, если скажетъ сквозь зубы:

— Да, онъ не глупый господинъ.

— А пуститесь-ка вы въ затѣи, однѣ другихъ смѣлѣе, однѣ другихъ нелѣпѣе и всѣ вокругъ васъ будутъ кричать: ахъ, какой умный, изобрѣтательный, геніальный человѣкъ – и наконецъ своими криками сведутъ васъ и съ послѣдняго умишка.

Впрочемъ я все это говорю собственно не затѣмъ, чтобы разбирать кто умный на свѣтѣ, а кто не умный, а потому, что, видите, у меня денегъ нѣтъ, т. е. относительно такъ-сказать: нищій и писатель, который вмѣсто 400 рубл. получилъ полштофъ водки и колбасу отъ заказчика, (уничтоженные тутъ-же самимъ заказчикомъ) нашли-бы, что у меня деньги есть, но Роштильдъ, и даже самъ упомянутый заказчикъ нашли-бы, что совсѣмъ нѣтъ. Мнѣнія стало быть образовались бы различныя.

А извѣстно, что чѣмъ меньше денегъ у двуногаго и безпераго смертнаго (литераторы, впрочемъ, тогда безперы, когда не на что купить перьевъ, а двуногими бываютъ всегда, за исключеніемъ времени полученія гонорарія, когда они обращаются въ четвероногихъ, что впрочемъ, къ счастью для человѣческаго достоинства, бываетъ не часто)—тѣмъ буйственнѣе его фантазія, тѣмъ сильнѣе жажда необыкновеннаго, потрясающихъ дѣяній, ощущеній, а главное—денегъ.

И такъ у меня въ настоящее время буйственность фантазіи, жажда необыкновеннаго, т. е. денегъ нѣту-ти.

Скверно-съ.

А нѣтъ денегъ, стало быть: долженъ фантазировать.

Во первыхъ на безденежье почему-то особенно ярко преставляется мысль о томъ, какая это хорошая штука деньги.

Вѣдь вотъ вы, денежный читатель, пожалуй никогда и не вдумывались въ этотъ глубокій вопросъ.

Я даже пѣсенку хочу вамъ спѣть на этотъ счетъ—значитъ въ карманѣ уже совсѣмъ пусто, коли пѣсню запѣлъ. А пѣсня, впрочемъ, не дурна:

Что бородушка, невеселъ,
Пригорюнившись сидишь,
Красный носикъ ты повѣсилъ
И такъ жалобно пыхтишь?
Денегъ нѣтъ, денегъ нѣтъ:
Грустно ты мычишь въ отвѣтъ.

Что красотка пріуныла,
И глядишь, разинувъ ротъ,
Нарядиться позабыла
И шиньонъ на умъ нейдетъ?

Денегъ нѣтъ, денегъ нѣтъ;
Грустно шепчешь ты въ отвѣтъ.

И въ блистательной гостинной,
Золотой нашъ истуканъ,
И предъ бабою съ малиной
Замарашка—мальчуганъ:
Денегъ нѣтъ, денегъ нѣтъ,
Хоромъ всѣ поютъ въ отвѣтъ.

Вотъ сижу этто я и думаю: какъ бы что нибудь необыкновенное сочинить! Какъ бы легкимъ и такъ сказать благороднымъ манеромъ денежками разжиться? Главное, знаете, чтобы не было этихъ сбереженій, хлопотливаго труда, мелочныхъ хлопотъ—фи! скука какая! Я вѣдь не жидоморъ какой-нибудь, я человѣкъ и благородный, и благовоспитанный; согласитесь, нельзя-же мнѣ наживаться по-мужичьи, по—мѣщански.

— Газету издавайте: какую-нибудь всеобщую, современную, необыкновенную, неоцѣненную!.. Отличная штука!

— Ну, нашли отличную штуку! Я не лоскутникъ, не ветошникъ, чтобы изъ чужаго трепья сшивать для васъ потѣшные костюмы; да и трепья даромъ никто не дастъ.

— Нѣтъ, газетное даютъ. Впрочемъ погодите: говорятъ, скоро устроятъ такую машину, что будетъ печатать разомъ всѣ газеты; редакторы только знай будутъ подкладывать бумагу и одно и тоже газетное извѣстіе будетъ печататься и прямо и бокомъ, и шиворотъ на выворотъ, смотря по убѣжденіямъ редакціи.

— Это, я вамъ скажу, будетъ славно. Подожду. Но чѣмъ-же бы заняться теперь? Необыкновеннымъ чѣмъ-нибудь!

— Необыкновеннымъ? сейчасъ скажу—отвѣтилъ сразу мой пріятель, который имѣлъ счастливую способность никогда не задумываться и ничѣмъ не затрудняться въ самыхъ крутыхъ житейскихъ обстоятельствахъ. Скупи всѣ билеты всѣхъ внутреннихъ займовъ съ выиграшами и непремѣнно выиграешь сей-часъ-же 200,000. Каково!

— Хорошо, но вѣдь на это нужны деньги—и, кажется не малыя.

— Ахъ да, въ самомъ дѣлѣ!—воскикнулъ онъ во все горло и расхохотался; а вѣдь средство-то безошибочное?

— Правда, но на этотъ разъ придумай что-нибудь другое.

— Изволь, изволь!.. Изуродуй себя чѣмъ-нибудь и показывай за деньги; на такія зрѣлища у насъ много охотниковъ. Не то Александромъ Македонскимъ сдѣлайся и полміра завоюй, а потомъ остановись и спроси: что съ нимъ дѣлать? Не то пророй всю землю насквозь, чтобы-знаешь-бултыхъ въ низъ головой, положимъ въ Москвѣ, глядишь анъ очутился подъ столомъ или кринолиномъ гдѣ нибудь въ Америкѣ; путешествіе и стремительное, и веселое. Вѣдь Лесепсъ тоже былъ не богаче тебя, когда началъ рыть Африку.

— Объ этомъ надо подумать, а теперь пока—знаешь что?

— Знаю, знаю: ты водочкой хочешь меня угостить.

— Совсѣмъ нѣтъ.

— Ну это не хорошо. А я еще благіе совѣты подавалъ.

— Да за совѣты и идеи водки не отпускаютъ. Ты что нибудь по реальнѣе....

— Постой, мѣдные опилки вмѣсто золота станемъ продавать; найдутся дураки, что купятъ; вѣдь принимаютъ же жуликовъ за ревизоровъ, напечатанную брань за остроуміе и цивилизацію и сшивки никому не нужныхъ старыхъ новостей за современныя и всеобщія газеты съ самостоятельнымъ направленіемъ.

— Да и опилокъ не на что купить—говорятъ тебѣ—голова.

— Ну слушай же послѣднее средство: ступай ты, къ примѣру, и стяни что-нибудь по-реальнѣе, стяни, да такъ, чтобы знаешь поймали тебя. Тутъ разумѣется, представятъ куда слѣдуетъ и все-такое. Но ты не унывай: по бѣдности твоей сойдетъ съ рукъ, а главное—подписка сейчасъ можетъ возникнуть: вотъ, дѣскать, жуликъ, уличенъ, самъ сознался, такъ надо поддержать его—и можетъ собрать изрядную сумму, которую и въ годъ несоберешъ честнымъ трудомъ.

— Да, но если предварительно въ шею накладутъ?

— Ну, и въ шею сейчасъ: а если и накладутъ—нельзя-же безъ маленькаго риска; рискъ благородное дѣло. А не то вотъ что: рисовать умѣешь?

— Нѣтъ: въ школѣ былъ, все носъ да большіе уши рисовалъ, такъ съ носомъ да большими ушами и остался.

— Нѣтъ, ты изобрази какого-нибудь турка или тамъ эѳіопа и продавай за портретъ Вицъ-короля Египетскаго, онъ, говорятъ, и къ намъ пожалуетъ; а тутъ и носъ и большія уши понадобятся.

— Нѣтъ, пожалуй еще не пріѣдетъ; по пусту бумагу изведешь. Уже я лучше стяну что-нибудь; общественною благотворительностью попользуюсь. Только гдѣ?

— Какъ гдѣ? стянуть вездѣ можно; это всякій мальчишка теперь знаетъ. А лучше всего-гдѣ купчихъ много; тутъ не только воротникъ срѣзать на ней можешь, но и самое унести куда угодно—ничего не замѣтитъ.

— Ну—спасибо, пріятель: столько ты мнѣ надавалъ совѣтовъ, что голова кругомъ идетъ; даже показалось, что уже у меня и деньги есть; вотъ какой благодѣтельный даръ человѣку эта фантазія.

— Да, фантазія вещь хорошая пока... въ желудкѣ не совсѣмъ пусто.

— Эхъ, ты опять трогаешь, такъ сказать, больное мѣсто. Вотъ и кошелекъ пустой пришелъ на умъ, и живетъ на волторнѣ началъ упражняться, и грустно стало. Ну тебя совсѣмъ!...

— Утѣшить тебя голубчика видно надо; ты пѣлъ пѣсенку про безденежье, а я тебѣ тоже пѣсенку спою.

— Пой—себѣ, пожалуй; мнѣ отъ этого будетъ не легче, а карману не тяжелѣе.

— Ну, слушай-же, или спи. А я тебѣ все-таки спою, что деньги—вздоръ, пустяки! Помнишь пѣсенку Кречинскаго: «что и деньги безъ ума.»

— Ну, помню.

— Такъ вѣдь Кречинскій-то правъ. Умъ надо, а еще вѣрнѣе: глазомѣръ такой, вѣрный ударъ, чтобы во всякомъ дѣлѣ знать, какъ размахнуться, какъ ударить, на сколько цапъ — царапнуть. Вотъ въ этомъ-то геній и заключается.

Ничѣмъ не брезгуй, все бери,
Все въ жизни можетъ пригодиться,
Съ живаго, съ мертваго дери,
И думай только, какъ нажиться.

Въ безсрочный отпускъ отпустивъ
Ворчунью совѣсть, наживайся,
А главное—не будь брезгливъ,
Ничѣмъ пріятель, не гнушайся:

Фальшивый вексель, чай спитой,
Банкротство злостное, подлоги:
Запутавъ дѣло, цапъ—не стой,
А самъ скорѣй давай богъ ноги.

Не первый ты и не одинъ
На счетъ чужой жить станешь сладко,
Почтенный будешь гражданинъ
И тутъ съ тебя, братъ, взятки гладки.

15

ЧЕРНЕНЬКІЕ.

Разсказъ.

Полюби насъ черненькими, бѣленькими насъ всякій полюбитъ.

Гоголь.

а) Гувернантка.

Заложивъ руки за спину, расхаживалъ по своему роскошно-убранному кабинету въ тревожномъ раздумьи маститый баринъ, блестящее свѣтило губернскаго города Бѣлуги.

Дорогая и изящная Карселева лампа на письменномъ столѣ, заваленномъ грудами бумагъ, разливала по штофнымъ обоямъ кабинета нѣжный полусвѣтъ, играя золотистыми лучами по наиболѣе яркимъ мѣстамъ наружности сановитаго господина, когда онъ проходитъ мимо ея въ своей прогулкѣ по кабинету.

Вотъ онъ остановился прямо противъ лампы, скрестилъ руки на широкой груди

по-Наполеоновски и мрачно глянулъ на портретъ какого-то генерала, висѣвшій прямо противъ него надъ столомъ; портретъ своей осанкой очень походилъ на самаго владѣльца кабинета.

Усатое, морщинистое лицо его выражало слѣды глубокой и не пріятной мысли. Что-же тревожило до такой степени мозги нашего сибарита? Что выводило его маститую, юпитеровскую фигуру изъ ея обычнаго величаваго олимпійскаго спокойствія, которое она умѣла сохранять, даже метая громы на земную юдоль, простиравшуюся далеко за предѣлы богохранимаго града Бѣлуги.

Нашъ Юпитеръ былъ вдовъ и отъ покойницы жены осталось ему одно, увы! неизгладимое воспоминаніе — въ трехъ дѣтскихъ фигуркахъ, съ которыми онъ рѣшительно не зналъ, что дѣлать. Еще труднѣе было ему управиться со своимъ не по лѣтамъ пылкимъ сердцемъ; оно-то и заставляло своимъ барабаннымъ боемъ маршировать нашего престарѣлаго героя.

Въ видахъ успокоенія всего этого уже года 3 тому назадъ была имъ принята, въ качествѣ гувернанки молоденькая и по нѣмецки недурненькая собой Амалія Карловна; дѣйствительно ловкая воспитательница блистательно разъиграла роль женскаго Жерара, укротительница Африканскихъ львовъ и геройскихъ сердецъ.

Дѣти сдѣлались безукоризненными паиньками и умницами, а неукротимое сердце папеньки изъ разъяреннаго льва весьма скоро превратилось въ самую послушную собачку и смирнёхонько легло у прелестныхъ ножекъ своей укротительницы.

Появились и вещественные знаки вещественныхъ и невещественныхъ отношеній между маститымъ бариномъ и его нѣмецкой феей — чуть-ли не двое дѣтей, да имѣлось въ виду и третье; какъ видно барскіе милости изливались на благодарную почву.

Въ дверь кабинета кто-то снаружи стукнулъ осторожно три раза; барина точно передернуло — онъ быстро бросился къ двери и отворилъ.

Вошла развязнымъ, легкимъ шагомъ очень граціозная нѣмочка и пожала своими тоненькими, полупрозрачными пальчиками маститую десницу своего укрощеннаго льва. Это была, разумѣется, Амалія Карловна. Одѣта она была очень шикозно въ блестящее, эѳирное неглиже, которое, прихотливо волнуясь складками, разливало по комнатѣ самыя тонкія, упоительныя благоуханія. Лице ея..... но это часть женскаго *туалета*, которую всего труднѣе бываетъ разглядѣть и понять, что оно такое выражаетъ. Дѣйствительно, что выражалось на довольно красивомъ, хоть нѣсколько измятомъ личикѣ нѣмки? Мелькали въ его чертахъ, то пренебреженіе, то гордое сознанье своей силы, то что-то въ родѣ нѣжности, даже любви — но утверждать этаго послѣдняго не рѣшился-бы даже самъ Лафатеръ.

Амалія Карловна опустилась въ мягкое кресло у топившагося камина и закурила папироску. Укрощенный царь звѣрей продолжалъ ходить. Оба молчали — у обоихъ что-то докучливое лежало на-сердцѣ и просилось вылиться въ словахъ. Каждый точно боялся сказать первое слово; только дрова въ каминѣ трещали, точно подсмѣиваясь своими игривыми выстрѣлами надъ ихъ угрюмой молчаливостью.

Не правда-ли читатель? — чисто страница изъ самаго бонтоннаго великосвѣтскаго романа. Намъ понятно ваше нетерпѣніе; но что дѣлать — шалурья фантазія

одинаково беззаботно порхаетъ и по крестьянскимъ избушкамъ, и по раззолоченнымъ заламъ богачей.

— Папаша!.. кокетливо воскликнула Амалія Карловна.

— Что душенька? подошедши къ ней, сказалъ нѣсколько встревоженнымъ голосомъ «Папаша».

— Вы меня губите! Боже мой, что вы со мной дѣлаете! Ахъ я несчастная, несчастная дѣвушка!... И она, всхлипывая, закрыла свое личико руками. «Папаша» третожно крякнулъ и поспѣшно взялъ ее за руку. Рука ея слегка дрожала.

— Полно, полно, душа моя! сказалъ онъ ей; не тревожься, побереги свое здоровье...

— Честь, доброе имя — это дороже, важнѣе здоровья, жизни всего.... что я теперь въ глазахъ свѣта, въ вашихъ собственныхъ глазахъ?... Презрѣнная тварь, низкая... И это плата за самую чистую, пламенную, безкорыстную любовь?...

— Но....

— Перестаньте, перестаньте!.. слышать ничего не хочу! Вы человѣкъ безжалостный, безъ сердца.... я для васъ все равно, что.....

— Но....

— Что за «но»!.. Честные люди такъ не дѣлаютъ. Я вѣдь не горничная какая-нибудь; по своему образованію, по своимъ талантамъ, по знанію свѣтскихъ приличій, мнѣ кажется, что я.....

— Но это невозможно, ей-ей невозможно.... Мое общественное положеніе, мои связи.... Какъ быть?... Просто теряюсь... сна лишился, покоя....

— Полно пожалуста сантиментальничать... Совсѣмъ не къ лицу....

— Знаешь что, милочка?...

Ну, что еще?

— Кабы тебѣ замужъ за кого-нибудь?.... Такъ чтобы.... чтобы.... я вовсе не желаю разстаться съ тобою.... Это вѣдь дѣлается.... Положеніе мое, мой вѣсъ....

— Ахъ, Боже мой! Да что-же это такое? Злодѣй вы, варваръ, извергъ!... Ахъ, я сейчасъ-же умру!... Такія безчестныя предложенія?!...

И слезы градомъ хлынули по разгорѣвшимся отъ благороднаго негодованія щечкамъ молоденькой нѣмки.

Баринъ нѣсколько смутился... Воцарилось молчаніе. Нѣмочка тихо рыдала, а укрощенный левъ стоялъ передъ ней, растопыривъ руки. Каминъ продолжалъ насмѣшливо трещать.

Черезъ нѣсколько времени оба однако же успокоились и, поцѣловавшись стали гораздо спокойнѣе продолжать прерванный щекотливый разговоръ. Великолѣпный золотой браслетъ очутился на правой ручкѣ разволновавшейся нѣмочки.

Разговоръ, съ помощью браслета, далъ нижеслѣдующіе результаты: положено было (какъ говорится въ отчетахъ разныхъ важныхъ и неважныхъ засѣданій) пріискать нѣмочкѣ мужа, который бы за нѣкоторыя житейскія выгоды согласился быть супругомъ только такъ сказать теоретически.

Затѣмъ нѣмочка, жалуясь на усталость, вышла изъ кабинета, слегка и особенно многозначительно переваливаясь съ ножки на ножку — чувствуй-де бегемотъ, что твой ангелъ находится въ очень интересномъ положеніи.

Бегемотъ снова остался одинъ съ своей безотвязной мыслію. Онъ сталъ думать, шагая по комнатѣ, гдѣ бы отыскать требуемую человѣкообразную личность. По его соображеніямъ оказывалось, что такую личность отыскать будетъ не легко. Нашъ бѣлужскій Юпитеръ, разумѣется, брапилъ на чемъ свѣтъ стоитъ духъ времени и разныя тамъ новѣйшія сумасбродства.

— Гмъ, ворчалъ онъ, перебирая въ своемъ умѣ всякихъ людишекъ, украшавшихъ своими персонами разныя бѣлужскія учрежденія, какъ общеполезныя, такъ и общеприятныя — все неподходящіе.... все неподходящіе ... Д-да! вдругъ воскликнулъ онъ: написать старому товарищу и однокашнику.... Этотъ сыщетъ.... тамъ такіе бываютъ.... Рѣшено — пишу; а церемониться да жеманиться съ нимъ нечего.... Валяй на прямикъ! Этакъ лучше.

И онъ сѣлъ за письменный столъ, взялъ перо и сталъ писать. Но дѣло не ладилось; видно, что валять на прямикъ было не совсѣмъ-то легко. Опять сталъ ходить.

— Завтра утромъ напишу.... подумать надо.... чортъ знаетъ, откуда берется эта совѣстливость, деликатность.... на старость-то лѣтъ.... Чортъ знаетъ.... неужели и я?.....

И онъ въ нѣмомъ ужасѣ отскочилъ отъ стола, не кончивъ своей фразы. Холодный потъ выступилъ на его юпитерскомъ челѣ.

Ночь провелъ нашъ Юпитеръ довольно дурно; ему снилось то и дѣло какія-то насмѣшливыя чудища, стриженныя дѣвы въ очкахъ, толпы юношей съ бородками и длинными волосами и все это хохотало, зубы скалило и кружилось въ бѣшеномъ танцѣ, стараясь и его нарядить по своему.

Но на утро письмо было написано и отправлено.

б) Князь и грязь.

На бѣломъ свѣтѣ есть всевозможныя человѣческія жилища, но едва-ли есть гдѣ-нибудь другое человѣческое жилье, сходное съ тѣмъ воплощеннымъ безобразіемъ, которое въ нашихъ западныхъ губерніяхъ называется жидовскою корчмою.

Жидовскія корчмы были не рѣдко описываемы въ нашихъ романахъ и очеркахъ нашего западнаго края, но чтобы вполнѣ восчувствовать, что такое жидовская корчма — нужно ее видѣть, нужно ее постигнуть всѣми нашими пятью чувствами.

До этихъ поръ никакое описаніе не можетъ дать о ней надлежащаго понятія.

Жидовская корчма — это поразительной символъ еврейскаго народа, это застывшая, покрывшаяся пылью и грязью исторія нравственнаго паденія Евреевъ. Мы говоримъ, разумѣется, о корчмахъ сороковыхъ годовъ — весь нашъ разсказъ, пока, относится къ этому времени.

И такъ вы, читатель въ одномъ изъ грязныхъ, зловонныхъ городишекъ нашего западнаго края и именно въ его центральной грязи — въ жидовской корчмѣ.

Жидовская корчма — это подобіе стараго, изодраннаго и засаленнаго жидовскаго треуха, на срединѣ ея торчитъ остроконечная, почернѣвшая и полуразрушившаяся крыша, а подъ ней нѣчто въ родѣ корридора, или длиннаго крытаго двора, раздѣляющаго корчму на двѣ половины. Дворъ этотъ теменъ, грязенъ до неимовѣр-

ности, набитъ разными телѣгами и бричками, лошадьми, волами, полупьяными бѣлоруссами, хрюкающими по самой его срединѣ въ неизсякаемой лужѣ свиньями, лающими голодными собаками и грязными, вездѣ шмыгающими и визгливыми жиденятами.

Справа и слѣва пристройки. Въ правой помѣщаются отдѣльныя комнаты для болѣе прихотливыхъ проѣзжающихъ, которые желаютъ пользоваться нераздѣльно грязью и зловоніемъ жидовской корчмы; эти комнаты впрочемъ употребляютъ всевозможныя старанья чтобъ удержать за собою хоть нѣкоторую чистоту и благообразіе.

За то лѣвыя ихъ собратья уже давно рукой махнули на подобныя честолюбивыя поползновенія; въ нихъ жидовская грязь и мужицкое бѣлорусское грубое неряшество разлились во всей своей благоухающей прелести. Войти въ эту половину — такъ спереди большая комната, вся закопченная дымомъ трубокъ и всегда набитая шумливой толпою полупьянаго простонародья—это и кабакъ, и харчевня, и игорная комната, и всё, что хотите. Сзади ея находится помѣщеніе еврея и его безчисленнаго семейства — туда ни одинъ авторъ не рѣшится повести своего читателя....

Съ насъ будетъ довольно и этой передней комнаты, или вѣрнѣе человѣческаго хлѣва.

Меблировка ея проста: скамьи, столы, изуродованныя побоищами стулья. Все это также грязно, какъ и полъ, на которомъ изъ за слоя грязи не видать изъ чего собственно онъ сдѣланъ. Крошечныя и подслѣповатыя окошки всѣ перебиты и заклеены бумажными заплатами. Толпы крестьянъ бѣлоруссовъ сидятъ, бродятъ, приплясываютъ и бранятся, попивая водку; удушливый дымъ отъ ихъ коротенькихъ трубочекъ синимъ облакомъ ходитъ по комнатѣ; въ немъ, какъ духъ тьмы, изчадіе ада, бѣгаетъ со штофомъ и стаканомъ въ рукѣ старый, черномазый Еврей, сопровождаемый всевозможными ругательствами своихъ безцеремонныхъ посѣтителей.

Въ описываемое нами время въ толпѣ мелькали и сѣрыя военныя шинели — дѣло въ томъ, что тогда въ городишкѣ квартировалъ полкъ.

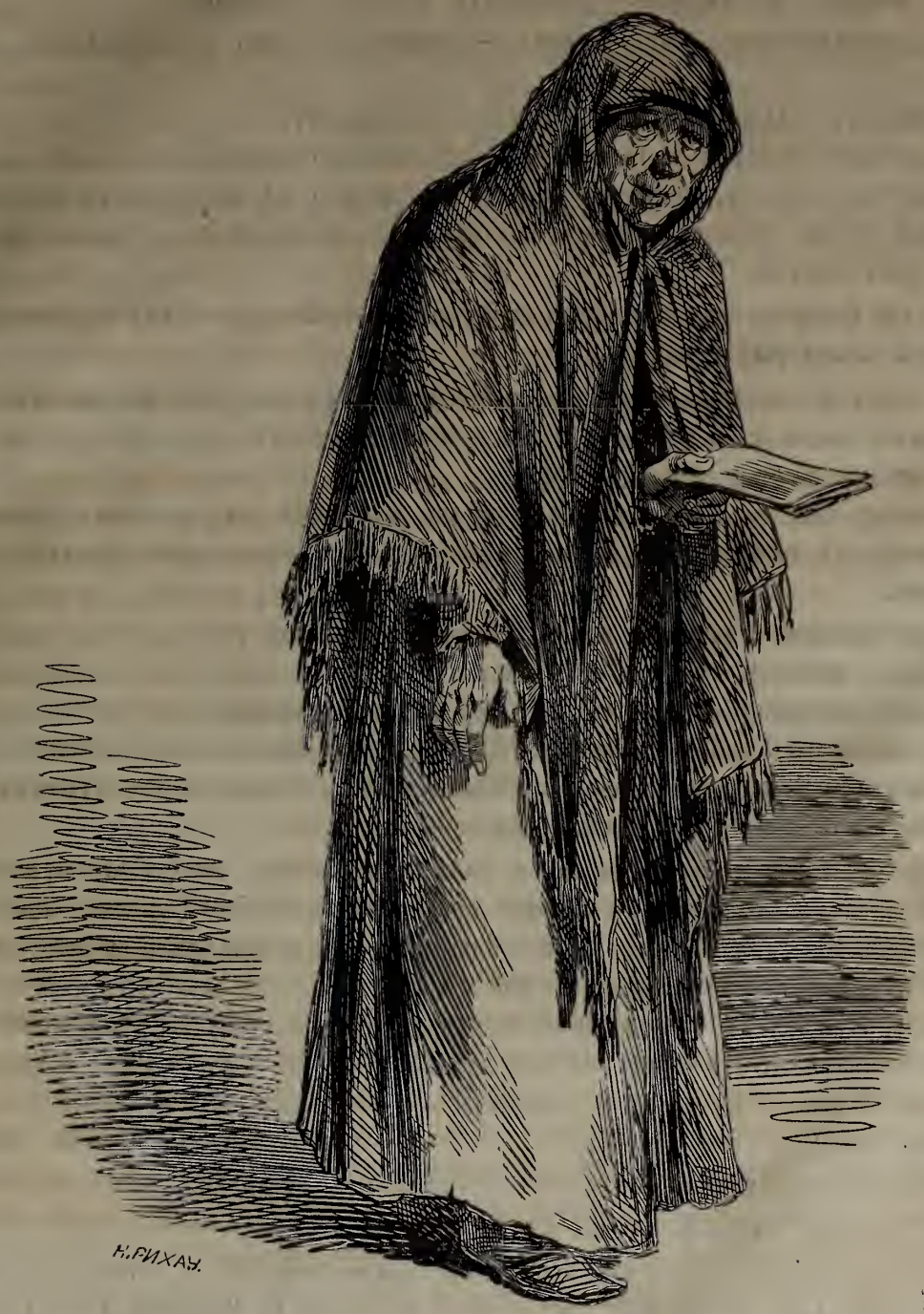
Изъ одного угла комнаты доносился до самаго входа въ нее очень одушевленный споръ нѣсколькихъ игроковъ. Это были личности какого-то неопредѣленнаго званія; одинъ по видимому купецъ изъ Евреевъ, непомѣрно толстый и бородатый; другіе два—будто мелкіе польскіе помѣщики, рыжеусые и съ большими красными носами, наконецъ четвертый—личность пьяная, коренастая, угреватая, заспанная и растрепанная. Онъ былъ безъ сюртука, который лежалъ скомканный подъ нимъ и свѣсилъ на грязный полъ свой рукавъ съ краснымъ кантомъ. На столѣ были разбросаны карты и стояло нѣсколько пустыхъ полуштофовъ и бутылокъ; подъ столомъ лежали обломки стекла.

Во время ихъ горячаго спора вошелъ въ комнату господинъ довольно сановитый и благообразной наружности и о чемъ-то спрашивалъ у хозяина жида, который ему то—и дѣло кланялся въ поясъ, подобострастно ухмыляясь.

А между тѣмъ игроки говорили громче и громче.

— Не смѣете, вдругъ вскричала угреватая и краснолицая фигура, вскочивъ на ноги и размахивая пустымъ штофомъ—вы знаете кто я?!—Знаете?.. Я... я князь Пестровъ... князь Пестровъ... Чувствуете-ли?.. я князь.

Бѣдная, но благородная вдовица.



— Бѣдной вдовѣ... съ крошками сиротами...

При этихъ словахъ вошедшій сановитый господинъ обратился лицомъ въ ту сторону, откуда слышались эти слова; лицо его выражало недоумѣніе и неудовольствіе....

А между тѣмъ его сіятельство продолжало ораторствовать, размахивая штофомъ.

— Я... князь... Не вѣрите?.. Документъ покажу... сейчасъ....

— А ну покажъ—но... пся кревъ!..—вскричалъ одинъ изъ поляковъ... а покажъ!...

— А покажу... думаешь, не покажу?!. Анъ покажу....

И онъ досталъ сюртукъ и вынулъ изъ его баковаго кармана какую-то засаленную и изодранную бумагу, которую безотлучно носилъ съ собою, хотя бумага, во всемъ сходная съ его образомъ жизни, вообще мало подтверждала подлинность присвоиваемаго имъ титула.

Поляки съ презрѣньемъ взглянули на бумагу и пожали плечами; еврей—купецъ почувствовалъ нѣкоторый страхъ....

Между тѣмъ къ голословному князю подошелъ упомянутый незнакомецъ. При видѣ его, князь очень сконфузился и поспѣшилъ натянуть на одинъ рукавъ свой изодранный и сильно поношенный сюртукъ.

Незнакомецъ ему сухо поклонился; князь отвѣтилъ ему низкимъ поклономъ.

— Я имѣю съ вами переговорить, князь—сказалъ незнакомецъ полустрого, полунасмѣшливо.

— Я къ вашимъ услугамъ, ваше... Извините пожалуста....

— Ничего, ничего!.. Только не здѣсь....

— Прошу покорнѣйше въ номеръ; тамъ будетъ свободнѣе.

И они вышли изъ кабака, перешли грязный дворъ, потревоживъ лежавшую свинью съ поросятами и по узенькимъ, обломаннымъ и загрязненнымъ ступенямъ поднялись въ «номеръ», на этотъ разъ пустой.

Разговоръ князя и незнакомца продолжался не долго; вскорѣ этотъ послѣдній вышелъ изъ корчмы, по видимому очень довольный и потирая руки. Князь, все еще въ сюртукѣ на одинъ рукавъ, шелъ поотдаль, низко кланяясь и повторяя:

— Не замедлю выѣхать, ваше... живо соберусь....

— Тото! Пожалуста, любезный—не закути только... Тутъ дѣло серьезное... Карьера тебѣ, счастье... понимаешь?...

— Чувствую-съ... по гробъ обязанъ съ....

— Тото, тото!...

И незнакомецъ уѣхалъ.

По его отъѣздѣ князь вернулся къ игрокамъ.

Пиръ продолжался до поздней ночи; много было перепито и перебито бутылокъ, стакановъ и пьяныхъ физіономій; сіятельный носъ князя Пестрова тоже украсился синякомъ отъ неуважительнаго кулака какого-то забулдыги; его княжескій дипломъ былъ еще болѣе истрепанъ... На другое утро князь выѣхалъ изъ жидовскаго городишка.

в) Теорія и практика.

Скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается. Переѣздъ до города Бѣлуги былъ неблизокъ, да притомъ и соблазны на пути такъ-сказать непреодолимые—а потому до своей обѣтованной земли князь не могъ скоро добраться, какъ ни крѣпился.

Но наконецъ таки пріѣхалъ.

Первые дни послѣ его пріѣзда прошли въ облагороженіи личности князя, сильно загрязнившейся уже среди бивачной жизни; пошло мытье, бритье, шитье, чуть не тье со стороны князя, который ни какъ не могъ привыкнуть къ такой чистоплотности.

Случилось еще хуже: надо было подвергнуться на время и нѣкоторой нравственной чисткѣ—чисткѣ языка отъ нѣкоторыхъ черезчуръ прямыхъ выраженій, чисткѣ пріемовъ, манеръ.

Но хуже всего, разумѣется, было то, что на нѣкоторое время было предписано безусловно воздержаніе отъ вина и елея и воздержаніе рукъ въ приличной позиціи....

Охъ, жутко-таки приходилось бѣдному князю....

Въ одно прекрасное утро, подвергшись паки мытью, бритью, чесанію и всякому уходу, нашъ князь, втянутый въ какой-то кургузый черный фрачишко, былъ наконецъ представленъ своему покровителю и благодѣтелю. На этихъ совершенно особеннаго рода смотринахъ присутствовала и невѣста, если можно такъ выразиться о милѣйшей Амаліи Карловнѣ.

Визитъ былъ непродолжителенъ и довольно натянутъ, но въ сущности всѣ дѣйствующія въ этой комедіи лица остались довольны другъ другомъ, хотя дипломатически—искустно скрывали это подъ личиной холодной важности. Одинъ князь только совершенно откровенно проявлялъ свое душевное ликованіе въ гомерическомъ смѣхѣ и дикихъ жестахъ, уподоблявшихъ его нѣсколько степному ногайскому жеребчику. Натура князя была нѣсколько первобытно—тропическая. Онъ былъ въ сущности добрый малый, только ужъ очень загрязнился....

Разставшись, упомянутыя три лица предались почти слѣдующимъ размышленіямъ.

— Скачаю съ рукъ эту нѣмочку, мыслилъ бѣлужскій громовержецъ, а то ужъ забывается—женись на ней; а такъ она ничего, недурненькая пожуировать еще можно. Только бы князь этотъ не пасканадальничалъ; вѣдь эти забулдыги... преамбиціозный народъ иной разъ... Ну, да мы примемъ мѣры.

Трактирный герой, размышляла нѣмочка, грязенъ, грубъ, циниченъ, но князь!—я, княгиня, ваше сіятельство!.. только, говорятъ, сомнительное какое-то онъ сіятельство... ну, да кто станетъ доходить до этихъ тонкостей... главное, можетъ получить вѣсъ, значеніе... я буду первой дамой-дамой буду, вотъ что уже важно на первый разъ... А на моего бегемота надежда плоха—вѣдь рано—поздно должны же кончиться наши романическія отношенія, кончиться... пожалуй его женитьбой... тогда я, боже!.. мои дѣти!.. Нѣтъ, тутъ нѣтъ выбора; я княгиня Пестрова!...

Размышленія князя были гораздо проще:

— А ну ее!.. что мнѣ? Ну, мужъ въ теоріи... плевать?.. Были-бы денежки, а тамъ..- такую практику зададимъ, что только за ушами затрещитъ!...

Насталъ день бракосочетанія.

За княземъ былъ учрежденъ бдительный надзоръ, дабы не нализался. Надзоръ увѣнчался вожделѣннымъ успѣхомъ—князь былъ свѣтелъ и чистъ, какъ стеклышко; его прелестная невѣста выступала очаровательной сильфидой, настоящей принцессой, а ихъ другъ и благодѣтель явилъ во всей своей осанкѣ столько благородной сановитости и въ тоже время теплаго благодушія, что любо-дорого было смотрѣть на него—просто сенаторомъ выступалъ и не просто сенаторомъ, а римскимъ, знаете, сенаторомъ, сосудомъ всевозможныхъ добродѣтелей семейныхъ, гражданскихъ и пр. и проч. Почтенный мужъ!...

Окончился обрядъ: пошли поздравленія, пожеланія-только по какому-то странному обстоятельству всѣ руки обращались съ поздравительнымъ пожатіемъ къ сановитому мужу, между тѣмъ какъ просто мужъ, не сановитый, хотя по всей вѣроятности сіятельный, довольно сиротливо стоялъ въ видѣ аксесуара, какого-то побочнаго продукта—словомъ теоріей.

Стали разъѣзжаться.

Карета его юпитерства!.. гаркнулъ лакей сановитаго мужа и вмигъ въ открывшіяся дверцы щегольскаго экипажа впорхнула... Амалія Карловна, а за ней тяжело ввалился самъ бѣлужскій громовержецъ.

— Эй, извощикъ!.. Въ Палермо!.. гривенникъ!.. вскричалъ въ тоже время князь -и быстро укатилъ на извощичьей кляченкѣ.

Привѣтливо принялъ въ свои мягкія, роскошныя объятья богатый, изящный кабинетъ сановитаго мужа и прелестную новобрачную....

Еще привѣтливѣе стиснулъ своими загрязненными стѣнами трактиръ—Палермо сіятельнаго новобрачнаго, благодаря нѣсколькимъ радужнымъ бумажкамъ въ его новенькомъ портмоне.

— Вина! Музыка играй!.. Князь Пестровъ женился!.. вскричалъ новобрачный, ударивъ кулакомъ по столу.

Половые, почуявъ наживу, голодной толпой кинулись къ князю; толстая, басистая арфистка aus Riga жеманно подошла, прося на ноты.

Князь развалился на костлявомъ, продранномъ и просаленномъ диванѣ и усадилъ арфистку подлѣ себя; музыка заиграла камаринскую, а половые принесли бутылки съ виномъ и закуску.

У половыхъ есть не совсѣмъ благовидная привычка поздравлять съ законнымъ бракомъ тѣ парочки, которыя къ нимъ впархиваютъ «подъ вечеръ осени ненастной».

Видя князя въ очень интимныхъ отношеніяхъ съ арфисткой, одинъ изъ нихъ, наливая вино, воскликнулъ: съ законнымъ бракомъ честь имѣю поздравить ваше сіятельство!..

Болѣе злой насмѣшки нельзя было придумать надъ бѣднымъ княземъ....

г) Два мѣсяца спустя.

Закутилъ нашъ князь—отъ рукъ отбился и вѣдь прямо со дня бракосочетанья; значитъ противъ натуры не пойдешь... Въ два мѣсяца были спущены многія сѣренькія и даже радужныя бумажки... Сановитый благодѣтель исправно вносилъ свою

арендную плату... только и его долготерпѣнію сталъ приходить конецъ... началъ онъ помышлять, какъ бы серьезно, половчѣе выпроводить этого князя изъ города подальше и опять запрятать его въ какую-нибудь корчму.

Между тѣмъ прелестная Амальхенъ подарила своего благодѣтеля очаровательнымъ купидончикомъ, маленькимъ князькомъ, котораго нарекли Сашенькой. Маменька души не чаяла въ своемъ крикливомъ Сашенькѣ, хоть могла бы съ такимъ же успѣхомъ не чаять души и въ прочихъ своихъ купидончикахъ... Но Сашенька былъ князекъ, князёчекъ, князеночекъ, хотя и сомнительный.

Наконецъ удалось-таки мужу de facto спровадить мужа de jure какъ говорятъ ученые люди, куда-то опять въ корчму—и зажилъ снова нашъ князь по старому, таскаясь по корчмамъ, по ярмаркамъ, бражничая, наводя ужасъ на сыновъ Израиля и ихъ чадъ и домочадцевъ и при каждомъ удобномъ случаѣ вытаскивая изъ своего кармана бренные остатки какой-то бумаги съ громкимъ хриплымъ крикомъ:

— Княжескій дипломъ его сіятельства князя Пестрова!!

Мы не можемъ въ нашемъ разсказѣ слѣдовать за разными мытарствами воинственнаго князя, а потому здѣсь должны разстаться съ нимъ съ душевнымъ прискорбіемъ, тѣмъ болѣе что, слѣдуя за его побѣдной колесницей, намъ пришлось-бы описать всѣ корчмы и другіе еще болѣе загрязненные притоны безшабашнаго человѣчества, т. е. повторять одно и тоже. Мы только скажемъ, что княженіе нашего князя окончилось тѣмъ, что онъ сталъ «благороднымъ нищимъ», какимъ онъ изображенъ и на нашемъ рисункѣ.

По нашей весьма извинительной слабости ко всему прекрасному, не выключая отсюда и прекрасныхъ княгинь—гувернантокъ, укротительницъ губернскихъ юпитеровъ, мы переносимся творческой фантазіей къ дальнѣйшимъ судьбамъ очаровательной Амаліи Карловны.

д) Лѣтъ десять спустя.

Десять лѣтъ, господа! Легко сказать! Сколько воды утекаетъ—восклицаютъ нѣкоторыя старушки, особенно почему-то интересующіяся утекающей водой; сколько денегъ проживешь въ это время! вопіютъ папеньки; сколько глупостей можно натворить въ это время... почти никто не восклицаетъ, хоть это всего скорѣе можно бы всѣмъ воскликнуть.

Итакъ-десять лѣтъ прошло, протекло, промчалось, пролетѣло, кануло въ Лету... какъ хотите.

Много перемѣнъ случилось—даже въ городѣ Бѣлугѣ, который повидимому былъ точно застрахованъ отъ всякихъ перемѣнъ; такъ успѣли въ немъ заматерѣть всѣ его жизненныя формы.

Перемѣнилась и Амалія Карловна, постарѣла... (скажу на ушко: подурнѣла)... подарила своего благодѣтеля еще двоими купидончиками и... наконецъ разсталась съ нимъ....

— Какими судьбами? Возможно-ли??..

— Почему-же нѣтъ? Это очень просто; оно только съ перваго взгляда кажется

страннымъ. Ну, посудите сами: люди любили другъ друга, затѣмъ приглядѣлись одинъ другому, примелькались, наконецъ пріѣлись... каждый сталъ посматривать по сторонамъ, по временамъ и засматриваться....

Хотите, чтобы двое любящихъ смертныхъ, безумно влюбленныхъ другъ въ друга, наконецъ очень спокойно разошлись—уедините ихъ отъ остальнаго міра. Повѣрьте, лѣкарство это несомнѣнно.

И вотъ наша прелестная Амалія Карловна оставила городъ Бѣлугу и поселилась въ другомъ, говорятъ, очень хорошемъ городѣ.

Трудненько было ей съ перваго раза привыкать къ новой жизни, но помогли на первый случай нѣкоторыя бѣлужскія знакомства.

Своего Сашеньку она успѣла помѣстить въ гимназію на щедроты тоже однаго сіятельства, а сама....

Но объ этомъ ниже, а теперь-бы намъ хотѣлось въ заключеніе этой главы возбудить симпатію нашего читателя къ восхитительному Сашенькѣ, которому суждено играть довольно видную роль въ дальнѣйшихъ сценахъ нашего разсказа.

Сашенька былъ прелестный мальчикъ, счастливчикъ, баловень своей маменьки, любимецъ бѣлужскаго Юпитера; онъ отличался нѣкоторою женственностью наружности и характера и вмѣстѣ съ тѣмъ пылкостью и разгуломъ, которые могли-бы воскресить предъ нами образъ князя Пестрова, если бы... практика съ теоріей неразошлись съ перваго-же раза въ этомъ случаѣ, какъ и почти всегда въ жизни.

е) Маменькинъ сынокъ и сердечные дружки.

— Послушай, Сашокъ, ты что это дома сегодня былъ?—спросила чадолюбивая маменька, Амалія Карловна, своего 16-ти лѣтняго милаго сынка Сашеньку.

— Когда, мамашенька?

— Да утромъ? Развѣ не учились въ гимназіи?

— Нѣтъ, мамашенька-учителя непришли; насъ и распустили.

— Охъ, Саша, не обманываешь-ли ты меня? Грѣхъ, милый.

— Ахъ, что вы, мамаша! Спросите у кого хотите.

— Ну, ну-вѣрю; вѣрю; ты такой у меня душонокъ-красавчикъ.....

Кто-то вошелъ въ переднюю.

— Иванъ Ивановичъ должно быть-воскликнула въ волненіи маменька. Сашенька уйди, голубчикъ занимайся!

— Останься, останься—сказалъ вошедшій господинъ, по видимому какое-то отребье чиновнаго люда. Фигура его была довольно невзрачна, но съ перваго же раза замѣтно было, что ему въ сердцѣ «маменьки» отведенъ очень тепленькій уголокъ.

— Мамашенька, началъ онъ, поцѣловавъ ручку Амаліи Карловны и закуривая сигарку-плохи дѣлишки. О друзья, друзья!...

Что такое! Ахъ, не пугайте меня....

— Литераторъ-то вашъ сфальшилъ; вотъ что-съ. Я узналъ стороной-съ...

— Не можетъ быть; Соловьевъ честнѣйшій человѣкъ!...

— Слушайте-же: серебряныя-то ваши вещи вѣдь онъ заложилъ за 400 рубл,.а вѣдь вамъ-то что далъ!... вздоръ-съ. Вотъ оно какъ-съ.

При этихъ словахъ Саша почему-то сильно смутился.....

— Не можетъ быть, не можетъ быть!... сказала «мамаша.»

— Вѣрьте, или невѣрьте, какъ хотите; а моя обязанность, какъ вашего друга....

— Милый Иванъ Ивановичъ! Возможно-ли?...

— Охота была вамъ связываться со всякой сволочью!.. Охъ вы, барыня!... Вамъ-бы краснобая, поэта, генія!... и растаете.... Саша нагло расхохотался.

— А вѣдь ты тоже геній, Иванъ Ивановичъ, сказалъ онъ.

— Молчи, пострѣленокъ-отвѣтилъ ему полушутливо Иванъ Ивановичъ.

Ну-съ, мамашенька, такъ какъ вы на счетъ эфтаго-съ?....

«Мамашенька» сидѣла, молча и погруженная въ грустное раздумье; наконецъ она очнулась.

— Боже мой! Что-же мнѣ дѣлать? Денегъ нѣтъ ни копѣйки въ домѣ.

Я думала перезаложить это серебро.... Безсовѣстный человѣкъ!

— Ахъ вы, барынька-съ.... Сколько вывезли деньжатъ изъ Бѣлуги-съ всѣ роздали на процентики-съ... дѣло доброе-съ, христіанское-съ... помогай ближнему... да раздавать-то надлежитъ осмотрительно, а то-вотъ и не соберете своихъ же кровныхъ-съ.... Вещички тоже порастранжирили.... эхъ, барынька, барынька....

— Полно вамъ смѣяться надо мною; лучше бы пожалѣли, да пособили. Выручайте, милый Иванъ Ивановичъ....

— Будемъ выручать; давайте, составимъ засѣданіе.

Составилось засѣданіе. Вопросъ былъ обсужденъ всесторонне и обстоятельно. Результатъ былъ нижеслѣдующій:

Черезъ нѣсколько дней драматическій писатель, весьма даровитый, но и весьма пьяный любимецъ музъ, господинъ Соловьевъ предавался уединеннымъ размышленіямъ въ одоомъ человѣколюбивомъ учрежденіи, носящемъ въ краснорѣчіи названіе «ямы». Долго-ли онъ наслаждался этимъ пріятнымъ уединеніемъ—сказать не можемъ; знаемъ только, что его завѣтный уголочекъ въ сердечкѣ Амаліи Карловны былъ отданъ Ивану Ивановичу на вѣки нерушимо. Посѣщенія драматурга прекратились—есть слухъ, что онъ въ ямѣ—же опился до смерти, значитъ перешолъ изъ одной ямы въ другую....

Съ этихъ поръ Саша еще ближе сошелся съ Иваномъ Ивановичемъ; въ видахъ практическаго воспитанія милаго мальчика ни его пріятель, ни маменька не скрывали отъ него своихъ интимныхъ отношеній. А насколько были интимны отношенія Саши и маменькинаго возлюбленнаго—этого и сама маменька не подозрѣвала.

А они были недурны.

Вотъ передъ вами трактирная зала совсѣмъ своимъ неизбѣжнымъ убранствомъ и разнокалиберным людомъ. За однимъ столикомъ возсѣдаетъ порядочно выпившій Иванъ Ивановичъ и не безъ причины раскисшій Сашокъ.

— Ты, Сашокъ, свинопасъ... ничего не чувствуешь....

— Я все чувствую, Иванъ Ивановичъ.

— Врешь, ничего не чувствуешь.... Я могу тебѣ сейчасъ носъ расквасить.... вотъ что!.... Тогда восчувствуешь... Ты учись у меня.... не то какъ собака пропадешь.... а мать твоя что?... Фю-фю!... и больше ничего....

— Мнѣ что за дѣло до нея?... Ты мнѣ вотъ что скажи, Иванъ Иваночичъ: вѣдь на Соловьевскія деньги мы все пировали—зачѣмъ же ты его выдалъ матери?... Бѣдный Соловушко!... Спился.... Мнѣ ужасно совѣстно было какъ ты говорилъ....

— Совѣстно!... Ахъ ты мопсикъ!.... Туда-жесъ совѣстью... Ноглупъеще, дѣтескъ вельми...По славянски маракуешь?...

— Ну, маракую... Надоѣлъ... Поѣдемъ лучше—знаешь?....

— Та-та-та.... поѣдемъ! А вь гимназію небось непоѣдешь?...

Туды слаще.... хе, хе.... А ты послушай.... Эй, хлопецъ, еще горѣлки!... Хлопецъ, нелѣпо ухмыляясь, принесъ еще горѣлки.

— Ты послушай-ка, Сашенція... Я тебѣ скажу...

— Опять жизнеописаніе понесешь.... Ну, сказывай, а я буду спать.

—Спи, чортъ съ тобой... дрыхни... а я буду тебѣ излагать свое жизнеописаніе.... Иванъ Ивановичъ родился.... постой, выпью. .. ну, родился тамъ-извѣстно... ты чай не маленькій.... а ты не дрыхни....

— Я не дрыхну.... дашъ ты развѣ?.

— Ну и не надо... ты слушай и поучайся... Да что тутъ много растобарывать... Ну, сказано, родился... учился... на службу опредѣлился... въ поставкѣ суконъ воинству отличился.... по кознямъ враговъ мѣста лишился.... нѣкимъ блюстителемъ порядка нѣкоего посада приголубленъ былъ... но за художество по части составленія фальшивыхъ документовъ....

— Вь солдатики былъ произведенъ, сказалъ зѣвая, вяло и въ просонкахъ Сашенька и почти свалился на спинку дивана. Все, что-ли?... вдругъ воскликнулъ онъ, вскочивъ на ноги.

— Все, все....моя разлапушка; нѣтъ, постой, не все-еще рюмочку!—И онъ выпилъ.—Теперь ѣдемъ!... А карбованцы есть!..

Саша пошарилъ въ карманѣ.

— У меня нѣтъ; я думалъ, ты возьмешь..

— А я дамалъ—ты; какъ быть?... А впрочемъ....

Онъ взялъ со стола серебряную ложку и вилку, а Саша подтибрилъ мѣдную поласкательную чашку и съ большимъ усиліемъ запряталъ её въ боковой карманъ своего пальто.

— Расплатиться надо.... замѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

— Развѣ надо?... какъ-то комически-наивно спросилъ милый юноша:

И то, въ самомъ дѣлѣ.... Выйдемъ задними дверями, а фуражки оставимъ, будто знаешь вышли за своей надобностью; учись милое дитя....

— Но безъ шапокъ-то какъ-же?....

— Зачѣмъ безъ шапокъ?... Почто сыне мой, чадо неразумное.... Прихватимъ въ прихожей чьи нибудь....

Все было въ точности исполнено и наши герои, очутившись на улицѣ, закричали извощика и, не рядясь съ нимъ, громогласно скомандовали куда ѣхать.

Извощикъ помчался.

Доѣхали. Иванъ Ивановичъ потребовалъ у мужичка-возницы сдачи съ рубля.

— Есть, батюшка-сейчасъ. И онъ вынулъ изъ за пазухи засаленный кожаный

кошелекъ, открываетъ... Но вдругъ Саша, съ яростью и ловкостью тигренка, вырываетъ его изъ рукъ опѣшившаго мужичка и скрывается куда-то во мракѣ. За нимъ немедленно изчезаетъ и его наставникъ.

Куда они скрылись, бѣдный извощикъ никакъ не могъ разглядѣть въ ночной темнотѣ. Постоялъ, постоялъ бѣдняга, почесалъ голову, еще постоялъ, переминаясь съ ноги на ногу, наконецъ плюнулъ, сѣлъ на козлы своихъ санишекъ и, махнувъ рукою, поплелся по улицѣ....

А наши герои, пустивъ въ ходъ кровную, трудовую копейку бѣднаго мужичка и ложку, вилку, да чашку, стянутыя въ трактирѣ, беззаботно, какъ ни въ чемъ не бывало наслаждались....

Ну, конечно не всегда имъ подобные подвиги такъ легко сходили съ рукъ; случалось, что были уловляемы на мѣстѣ преступленія и, увы, претерпѣвали довольно жестокое избіеніе....

Но безъ этихъ маленькихъ непріятностей нельзя въ подобныхъ случаяхъ....

Понятно, что на всѣ подобныя «комерческія» операціи все таки нужны были постоянно серебряники и разныя бумажки; вотъ почему были пущены въ ходъ всѣ силы творческой фантазіи для ихъ добыванія.... Конечно за все отдувалась бѣдная «маменька». Однѣ ея вещи за другими шли въ залогъ для поддержанія ея существованія и приносили, проходя чрезъ руки нашихъ художниковъ, лишь очень не много.... И художники-же они были въ самомъ дѣлѣ!....

Вдругъ пропадалъ салопъ отставной Юноны... Воры, молъ, украли.»—А салопъ волшебными силами превращался въ бутылки, закуски и прочія прохладительныя.... Сдиралось съ мебели канвовое шитье и продавалось на площади за 10 руб... Кути малина!.....

ж) Еще десять лѣтъ спустя.

Пришлось и мнѣ познакомиться съ героями моего нехитраго, но правдиваго разсказа, въ 60-тыхъ годахъ они очутились въ матушкѣ бѣлокаменной. Амалья Кириловна сильно постарѣла, подурнѣла, стала искать утѣшенья въ горячительной влагѣ; Иванъ Ивановичъ пустился во всевозможныя каверзныя дѣла юридическаго свойства, а милый Саша, сдѣлавшійся теперь красивымъ юношею, нашелъ мѣсто конторщика у какого-то богатаго старика — и на глаза къ себѣ не пускалъ ни мать, ни Ивана Ивановича.

Случилось какъ-то однакожъ, что я ихъ совсѣмъ потерялъ изъ виду. Въ это время съ Иваномъ Ивановичемъ случилась слѣдующія оказія.

Прокутившись, проплутовавшись, проворовавшись, этотъ гнуснаго вида приказный сталъ наконецъ заниматься перепискою бумагъ и составленіемъ мелкихъ дѣлишекъ у различныхъ чиновниковъ, но нигдѣ не могъ долго удержаться: то безобразно

пьяный приходилъ, то впутывался въ какія-нибудь семейныя дѣла, то наконецъ въ домѣ замѣчались пропажи...

Разъ переписывалъ онъ бумаги у одного крупнаго сановника. У сановника были гости и онъ сидѣлъ въ залѣ за карточнымъ столомъ. Иванъ Ивановичъ въ это время пребывалъ въ кабинетѣ; пропитанный спиртными парами, въ оборванномъ, грязномъ сертучишкѣ онъ кропалъ какія-то бумаги.

Наконецъ часовъ въ 10 вечера вошелъ въ кабинетъ сановникъ.

— Переписалъ-съ Ваше Пр-ство.

— Хорошо. Приходите завтра; остальное перепишите.

— Честь имѣю кланяться Вашему Пр-ству; завтра непремѣнно прійду-съ.

— Прощайте.

И Иванъ Ивановичъ ушолъ.

На завтра утромъ его пр-ство замѣтило, что со стола въ кабинетѣ пропала дорогая золотая булавка; начался переполохъ; разумѣется досталось прислугѣ. Пошли распросы, розъиски, тасканія по полиціямъ, увѣренія, божбы, приличныя увѣщанія....

— Переписчикъ не возметъ; не можетъ быть! твердило его пр-ство; при немъ и вещи и деньги оставались — ничего не пропадало.

— Да вѣдь слухи-то о немъ не очень хороши, замѣчала супруга, да и самъ-то онъ пьяница, распутный человѣкъ, вонъ какой оборванный.

— Ахъ матушка, пьетъ ужъ съ горя, можетъ быта семейный, дома ѣсть нѣчего, озябнетъ — ну и выпьетъ. А на счетъ слуховъ — мало-ли о комъ чего не говорятъ.

— Но кто-же могъ взять? Прислуга у насъ давно живетъ....

— И это, матушка, ничего не значитъ: нашъ простой народъ что? Развѣ въ немъ есть какія-нибудь нравственныя понятія? Не беретъ пока не надо, а пришла въ голову какая нибудь блажь, завелись пріятель или пріятельница... ну, и пошелъ..... Впрочемъ, мы посмотримъ, прійдетъ-ли онъ сегодня вечеромъ...

Но Иванъ Ивановичъ пришолъ, пришолъ, какъ всегда, съ низкимъ поклономъ и сладкими пожеланіями, какъ всегда — рачительно усѣлся за свои бумаги. При разсказѣ о покражѣ онъ выразилъ удивленіе, не совсѣмъ пріятно отозвался о нашей прислугѣ вообще, впрочемъ изъявилъ нѣкоторое сомнѣніе... Словомъ, подозрѣвать его въ этомъ поступкѣ рѣшительно было нельзя.

Ну, розъискивали, допрашивали, увѣщевали, — но ничего не нашли и было уже рѣшено, какъ говорится, предать дѣло волѣ божіей. А въ это время Иванъ Ивановичъ акуратно ходилъ каждый вечеръ переписывать бумаги — и ни въ чемъ не измѣнилъ своихъ обыкновенныхъ поступковъ.

Наконецъ дѣла были переписаны и Иванъ Ивановичъ низко раскланялся съ его пр-ствомъ, прося и на будущее время не оставить его своими милостями.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого близкій знакомый сановника, проходя вечеромъ близь Иверской часовни, былъ остановленъ какою-то плюгавою фигурой, небритой, пьяной, грязной, въ оборванномъ пальтишкѣ.

— Что вамъ угодно?

— Будьте великодушны... многочисленное семейство... безъ должности... гонимъ судьбою... потерпѣлъ за правду... малыя дѣти съ голоду умираютъ...

— Не прогнѣвайтесь; мелкихъ нѣтъ съ собою...

— Принужденъ вещи продавать... за безцѣнокъ... вотъ прекрасная золотая булавка... Крайность... хлѣба нѣтъ! Неугодно-ли купить?... Знакомый сановника взялъ въ руки булавку — и чуть не вскрикнулъ отъ изумленія: булавка была именно та. которая похищена у его друга.

— Эта булавка украдена....

Иванъ Ивановичъ смутился, но вскорѣ, оправившись, сказалъ....

— Милостивый государь!... Я бѣденъ, но честенъ... Вы меня оскорбляете.

— Я имѣю доказательства... Эй, городовой, арестовать этого человѣка!...

Но Иванъ Ивановичъ былъ твердо увѣренъ, что доказать нельзя было ничего; булавка была — какъ тысячи другихъ.

Явились въ полицію; началось разбирательство.

— Чѣмъ вы, милостивый государь, можете доказать ваше обвиненіе? спросила полицейская власть.

— Сейчасъ докажу. Потрудитесь спросить этого господина, давно-ли онъ овладѣлъ этой булавкой?..

— Давно у васъ эта булавка? спросила полицейская власть.

— Давно-съ... прежде я былъ зажиточный человѣкъ... но пострадалъ за правду... крайность... малыя дѣти...

— А если такъ, сказалъ обвинитель, то вы знаете, что головка этой булавки открывается...

— Да, да-съ... какъ-же-съ!

— Можете ее открыть?.. въ ней есть секретъ!...

— Хе, хе... какъ-же-съ... Секретецъ... Замысловатый-съ...

И онъ началъ открывать булавку; но какъ ни бился, не могъ.

— Пружина, видно, испортилась... тутъ пружина есть... знаю-съ...

— Положимъ, пружинка... испорчена... Но что-же въ этой головкѣ?..

— Въ ней-съ... пролепеталъ съ возрастающимъ замѣшательствомъ Иванъ Ивановичъ; въ ней-съ... патретикъ-съ... хе, хе...

— Но чей?...

— Такъ патретикъ... Богъ его знаетъ-съ...

— Ну вотъ видете! сказалъ сурово обвинитель. Господа — обратился онъ къ полиціи: я открою эту булавку, въ которой заключается портретъ моего друга, господина Н.

Булавка была открыта, портретъ въ ней оказался — и Иванъ Ивановича постигла надлежащая казнь; онъ исчезъ изъ матушки бѣлокаменной.

Вскорѣ послѣ этого я шолъ по толкучему. Встрѣчается знакомая торговка, вся живописно увѣшанная разными старомодными, но довольно дорогими нарядами,

— Здравствуй, Сысоиха! Что продаешь?.. Что-то послѣ мора — перваго разбора...

— И то, и то... Прокутилась барыня... наряды продаетъ... Вещи хорошія, истрепались маленько... Не надо-ли чего?

— Какая барыня?

— Да и барыня-то самая бросовая... салоплицей стала... попрошайкой... вонъ она ходитъ по бульвару... Самой-то ишь зазорно продавать, а по кабакамъ съ прошеніемъ ходить не зазорно...

Я пошелъ дальше. Вскорѣ подошла ко мнѣ салопница въ темномъ, затасканномъ платьишкѣ, съ спившимся лицомъ и подала было засаленную бумагу...

— Бѣдной вдовѣ... съ крошками сиротками...

Но вдругъ воскликнула: ахъ, это вы!... и вся смутилась.

Это была Амалья Карловна. Боже, какъ перемѣнила ее жизнь салопницы!

— Вы-ли это, Амалья Карловна? что васъ довело до этого положенія?

— Друзья, а главное: сынъ, сынъ!... Я для него ничего не жалѣла, а онъ!.. И она залилась слезами.

— Гдѣ-же онъ теперь?

— Поступилъ къ одному старику.

Понимаю, понимаю; что-же дальше?..

— Старикъ не давно умеръ, оставилъ милліонъ капиталу; мой Саша... говорятъ, подложное завѣщаніе... ну словомъ мой Саша — милліонеръ... вотъ онъ ѣдетъ, глядите!...

И дѣйствительно въ это время съ громомъ промчался въ коляскѣ красивый женоподобный юноша. Я поспѣшилъ уйти... Я готовъ уже былъ простить Ивану Ивановичу...

Иванъ Иванокичъ напомнилъ мнѣ другаго бѣдняка — чиновника, котораго исторію я разскажу вами стишками; пусть ею заключится моя книжка. Разсказывается словами самаго бѣдняка.

Ахъ, тяжело воспоминанье,
Признанье и — сознанье..
Но вы добры, и скоро горемыку
Утѣшите, давъ малую толику...
А нужно мнѣ — не много...
Ей-Богу:
Мнѣ только бы... Но цыцъ, молчокъ!
Мнѣ только бы на пятачокъ.

Что смотришь ты съ презрѣніемъ нѣмымъ?
Я отвратителенъ, я грязенъ,
Я пьянъ, оборванъ, безобразенъ!
Да... прежде былъ я не такимъ.
Жилъ съ матушкой... ахъ, золото — старушка!

Бѣдненько жили — не тужили,
Была свѣтла, тепла у насъ избушка,
Работишка была — друзья и деньги были.
Я счастливъ былъ... пожалуй и теперь
Я счастливъ... да, повѣрь,
Мнѣ надобно не много,
Ей-Богу:
Мнѣ только бы... но цыцъ, молчокъ!
Мнѣ только-бы—на пятачокъ.

Мой почеркъ былъ и четокъ и красивъ
Я сталъ служить, сталъ пишущей машиной,
И какъ я счастливъ былъ, какъ, мѣсяцъ прослуживъ,
Принесъ старушкѣ — три съ полтиной!
Я счастливъ былъ... Но счастье не про насъ!
Мать умерла — печальный и усталый,
Я изнемогъ — я выпилъ въ первый разъ...
Да, я былъ честный, добрый малый.
Я честенъ, добръ, пожалуй, и теперь,
Вотъ только это... но повѣрь,
Мнѣ надобно не много,
Ей-Богу:
Мнѣ только-бы, но цыцъ, молчокъ!
Мнѣ только бы — на пятачокъ.

Я совѣсть зналъ, я подлости былъ врагъ,
И хоть и малъ былъ мой достатокъ,
Не ползалъ я, не бралъ я взятокъ,
Ну то есть былъ — дуракъ.
Чуть не слетѣлъ!.. А тутъ и искушенье!..
Не устоялъ, какъ ни крѣпился,
Взялъ... далъ... сейчасъ и повышенье...
Ну и пошолъ!.. и съ жизнью примирился.
Я выпилъ съ нимъ... но такъ, чуть-чуть, повѣрь.
Эхма — не выпить-ли теперь?
А нужно мнѣ — не много,
Ей-Богу:
Мнѣ только-бы, но цыцъ молчокъ!
Мнѣ только-бы — на пятачокъ.

Я становымъ былъ сдѣланъ. Славный станъ!
Богатъ и щедръ мужикъ Савельичъ былъ,
Но краше дочери его былъ пышный станъ,
Марѳуши — ахъ, какъ я ее любилъ!
Ну, и она... да какъ-то разъ красотка
Исправника украдкой — чмокъ!

Подмѣтилъ я... ахъ, пересохла глотка!
„Не выпить-ли?“ — И выпилъ, но... молчокъ!
Ужъ выпилъ — не на пятачокъ!

И съ этихъ поръ я, горемычный,
Пошелъ дорогою обычной,
Спился... опошлился .. погрязъ...
Себя мнѣ страшно, стыдно васъ...
Но отчего?.. вѣдь я, ей-Богу,
Теперь опять... лишь по немногу...
Мнѣ только-бы, но цыцъ молчокъ!
Мнѣ только-бы... на пятачокъ!

КОНЕЦЪ.

1/2
LBO

LIBRARY OF CONGRESS
0002524302A